

Врачами рождаются или становятся? Хорошие медицинские знания гарантируют ответственность, отзывчивость, человеколюбие, беспристрастность врача? Каждый ли специалист с медицинским образованием может стать врачом, которому ты можешь доверить свою жизнь?

Вы держите в руках уникальную книгу, в которой автор, имея личный опыт лечебной работы в увлекательных коротких рассказах, убедительно доказывает, что врач — это, прежде всего, человек с большой буквы, преданный своему делу и искренне желающий помочь нуждающимся.

А знания являются лишь инструментом оказания помощи пациентам в руках человека.

Автор последовательно, начиная с детства, показывает становление главного героя.

У него непростой профессиональный путь, ему постоянно приходится отстаивать свою точку зрения и свои принципы. И личная жизнь полна неожиданных вызовов, которые он, преодолевая, находит свою главную любовь.

ISBN 978-5-4491-1670-3

DELIBRI
9 785449 116703

*Жизнь
прекрасна*

Юрий Коренев
Доктор ДОБРОНРАВОВ

Юрий Коренев

Доктор ДОБРОНРАВОВ

Жизнь прекрасна

Юрий Коренев

Доктор Добронравов
Жизнь прекрасна

D E L I B R I

Москва
2023

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

К66

Коренев, Ю.

К66   Доктор Добронравов. Жизнь прекрасна / Ю. Коренев. —
М. : Де`Либri, 2023. — 302 с.

ISBN 978-5-4491-1670-3

Врачами рождаются или становятся? Хорошие медицинские знания гарантируют ответственность, отзывчивость, человеческое, беспристрастность врача? Каждый ли специалист с медицинским образованием может стать врачом, которому ты можешь доверить свою жизнь?

Вы держите в руках уникальную книгу, в которой автор, имея личный опыт лечебной работы в увлекательных коротких рассказах, убедительно доказывает, что врач — это, прежде всего, человек с большой буквы, преданный своему делу и искренне желающий помочь нуждающимся. А знания являются лишь инструментом оказания помощи пациентам в руках человека.

Автор последовательно, начиная с детства, показывает становление главного героя. У него непростой профессиональный путь, ему постоянно приходится отстаивать свою точку зрения и свои принципы. И личная жизнь полна неожиданных вызовов, которые он, преодолевая, находит свою главную любовь.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4491-1670-3

© Юрий Коренев, текст, 2023

© Наталья Бажанова, обложка, 2023

© Де`Либri, издание, оформление, 2023

РАССКАЗЫ

ТАБЛЕТКИ ОТ СТАРОСТИ

Мама зашла в комнату и быстро отдернула шторы, плотно закрывавшие небольшое окно.

— Просыпайся, сынок, пора вставать. Петенька, просыпайся.

Петя, с трудом открыв глаза, чуть запинаясь спросонья, радостно сообщил:

— Мама... ма-мама... я еще ни разу глаз не открывал!

— Сынок, вставай. Или ты еще спать хочешь?

— Нет, я за всю ночь ни разу не открыл даже один глаз.

— Очень хорошо, значит, ты выспался. Вставай, умывайся и иди завтракать, тебя все ждут.

— И Митя?

— Нет, он давно уже в школу ушел.

Белобрысый мальчик потянулся и спрыгнул с кровати. Не одеваясь, вышел в просторную соседнюю комнату, где на раздвижном круглом столе стояли две большие металлические миски, в которых горкой возвышались пирожки с пылу с жару. За столом уже сидел Петин дедушка.

— Ну что, проснулся? Давай быстро умывайся, а то пирожки остынут. Видишь, как бабуля постаралась. Ты ведь любишь пирожки?

— Люблю, люблю! — отозвался Петенька.

По субботам вся семья Добронравовых традиционно собиралась на завтрак, нередко переходящий в обед. В этот день стряпали с запасом, а потом ели наготовленное до следующих выходных. Но всякий раз на столе непременно оказывались пирожки с ливером, картошкой и капустой, а для Петеньки в обязательном порядке с вареньем и повидлом. Готовкой всегда занималась бабушка Петеньки, любимая его бабуля. Она была классической ба-

бушкой: полная степенная женщина с круглым лицом и короткой кучерявой стрижкой. Вместе с Петенькой и бабушкой в небольшой трехкомнатной квартире жили дедушка, фронтовик, получивший во время войны ранение и так с тех пор и хромающий, старший Петин брат и его родители. Петенька до отвала наелся пирожков, запил их чаем с молоком, слез с табурета и пошел одеваться. Апрельское солнце светило нестерпимо ярко, растапливая залежавшийся почерневший снег. По улицам бежали ручьи, собирались в быстрые потоки и уносили многочисленный мусор, оставшийся после зимы. Петя облачился в ярко-красные резиновые сапоги, черную телогрейку, на голову натянул темно-синий берет и выскочил на улицу. Во дворе уже играли ребята: пытались перегородить самый большой ручей, соорудив высокую плотину из комков глины и дощечек разной длины, валявшихся повсюду в большом количестве. Однако сооружения их долго не держались, вода, скапливаясь, находила все новые и новые лазейки, размывая заграждение и каждый раз смывая большую его часть. Петя посмотрел на старания мальчишек, подумал хорошенко и решил построить свою собственную плотину. Для этого он выбрал небольшой ручеек с медленным течением. Попросив у ребят совочек, принялся собирать в кучу грязь. Когда ее набралось достаточно количество, внимательно осмотрел двор, где, кроме дощечек, обнаружил обломки старых ржавых металлических бочек, кусочки фанеры и картона от ящиков, в которых привозили продукты в магазин возле дома. Собрав все, что смог унести, он начал сооружать насыпь. Так как течение было медленное, а материалов накопилось много, вода, не разрушая конструкции, стала заполнять резервуар, образуя озеро. Петя на самой верхней точке, сбоку, сделал небольшой отвод, чтобы удерживать воду на одном уровне. Затем нашел остроконечную дощечку, положил сверху небольшой брускок, закрепил его алюминиевой проволокой, а на ее свободный конец надел подмокший газетный лист — получился парусник, который Петя тут же и запустил в озеро. Он даже не заметил, как другие ребята побросали свои дела и собрались во-

круг, с интересом наблюдая за его работой. Когда Петя запустил свой кораблик, они тоже принялись искать дощечки, но такой, как у Пети, не нашли. Тогда они похватали небольшие палки, положили их в Петино озерцо и стали кидать в воду камни, поднимая волны и отгоняя кораблик от берега. Петя возмутился:

— Эй, вы что это кидаете грязь в мое озеро?

— А оно не твое, оно общее.

— Оно мое, это я сделал плотину. Идите к своей.

— А ты не выступай, а то морду тебе набьем. — Сережка, кренастый соседский мальчишка в залихватски сдвинутой на затылок кепке, явно был настроен на конфликт.

— Ты, что ли, набьешь? Ну давай попробуй! — не захотел уступать Петя.

— Пошли тогда подеремся! — не унимался Сергей.

Сережка был шире Пети в плечах и на полголовы выше, но несколько медлительней. Когда он пытался схватить Петю, чтобы повалить на землю, тот ловко уворачивался и даже успевал при этом стукнуть соперника. Удары были, конечно, несильными, но неприятными, а главное — унизительными, ведь вокруг столпилось немало ребят, которые шумно подначивали дерущихся. В конце концов Сергей не выдержал позора, схватил небольшой камень и кинул его в Петю. Соперник увернулся, и когда Сережка вновь наклонился, чтобы поднять очередной булыжник, отбежал в сторону и спрятался за спины ребят. Мальчишки испуганно метнулись в стороны, и тогда Пете ничего не оставалось, кроме как рвануть прочь под победные крики Сергея. Но Петя не чувствовал себя проигравшим. Просто было жаль, что доиграть не получилось. Он вздохнул и пошел домой. Дома за столом сидели папа с мамой и дедушка и весело и громко о чем-то разговаривали. Затем к ним присоединилась бабуля, присела за стол и затянула «Расцвела у окошка белоцветная вишня...». Ее тут же поддержали. Заметив Петеньку, дедушка улыбнулся, подозвал его к себе и, легко подхватив, усадил на колени.

— Мать, давай корми своего сынка. Проголодался, наверное, побегался. — Он ласково прижал Петеньку к груди, целуя в макушку.

— Не, я еще не хочу. Скажи, деда, вот ты когда маленьkim был, дрался с пацанами?

— А ты что, опять с кем-то повздорил?

— Да этот Сережка Артемьев... — Петя махнул рукой. — Я плотину построил, а он и другие начали в нее камни кидать. Вот и подрались.

— Ты спуску-то им не давай, парень не должен трусить, — вмешался отец.

— Ты сына-то глупостям всяким не учи, нечего по дворам драться, — вмешалась бабуля. — Ты, Петенька, лучше мне помоги. Мы сегодня дежурим в подъезде, подмести надо. — Она легко встала и принесла веник. — Пойди-ка убери все хорошенъко!

— А почему опять я?! — возмутился Петя. — Все я да я! Пусть вон Митя метет.

— Ты к брату не лезь, — сурово сказала бабуля. — Ему уроки надо учить, а тебе все равно делать нечего.

— Почему это нечего? Скоро мультики начнутся.

— Ничего, успеешь! — Бабуля была непреклонна. Жила семья в полублагоустроенном двухэтажном кирпичном доме на окраине города, где строился новый жиркомбинат. Рядом стояли точно такие же жилые двухэтажные дома. Подъезд был невелик, и Петя быстро управился, потом понес мусор в ящик. Ребята на улице звали его поиграть, но он отказался — хотелось посмотреть телевизор, который купили совсем недавно. Занятие это Пете сразу же очень понравилось. Ему было неважно, что показывали, и он мог часами сидеть перед экраном.

Дома, насмотревшись всласть телевизор, Петя заскучал и снова подсел к дедушке на колени.

— Хочешь, я картошки тебе пожарю? — предложил дед.

— Да, хочу! — радостно согласился Петя.

Он очень любил стряпню дедушки. Кто бы другой ни жарил картошку, так вкусно, как у деда, не получалось больше ни у кого. Вскоре дедушка позвал Петю на кухню, наложил ему полную та-

релку золотистой со шкварками картошки и принял с наслаждением смотреть, как внук уплетает угощение за обе щеки.

— Какая вкусная у тебя картошка, деда! — промычал Петя с набитым ртом.

Дед ласково смотрел на внука и время от времени поглаживал его по голове и узеньким плечикам, периодически снисходительно поглядывая на бабулю и детей, тоже к тому моменту собравшихся на кухне.

— Ешь, внучок, не торопись, если мало будет, еще пожарю. Мне не трудно, — ласково произнес дед и повернулся к маме Петеньки: — Учись, пока я жив.

— Ты, старый, говори да не заговаривайся! — возмутилась бабуля. — Тоже мне, специалист нашелся, прямо картошку без него никто не сможет пожарить. Да у меня и быстрее, и вкуснее выходит! Правда, Петя?

— Нет, неправда, — не согласился Петенька, — дедушкина картошка самая вкусная в мире! А почему, дед, ты говоришь «пока жив»? Ты же всегда жив.

— Никто не живет вечно, рано или поздно люди умирают.

— Как это?

— Уходит человек и никогда больше ты его не встретишь, не поговоришь с ним, не обнимешь. — Дед крепко прижал внука к себе, целуя в затылок.

Тот втянул голову в плечи, было щекотно.

— И куда это ты денешься? Далеко уедешь и не захочешьозвращаться?

— Нет, меня просто не станет, в землю меня закопают.

— И бабуля, и папа с мамой умрут?

— Конечно, когда-нибудь все умрут.

— А как же мы с Митеем жить будем, мы же маленькие?!

— К тому времени уже успеете вырасти. Мы же не все сразу умрем. Только старые умирают.

— Так вы не старейте. — Петя удивился, почему взрослые сами не догадались.

— Таблетку от старости еще не изобрели! — вмешалась в разговор бабуля.

— А если бы изобрели, то люди бы не умирали? — спросил Петя.

— Конечно! — уверенно кивнула бабуля.

— Тогда я изобрету, — мечтательно произнес Петя.

— Для этого врачом надо стать, — встремля мама.

— Тогда я стану врачом! — убежденно заявил Петя.

— Вот и молодец! — похвалила бабуля. — Будет кому нас лечить.

Все заулыбались.

Вскоре бабуля принесла большую кастрюлю только что сваренного ароматного борща. Дед попросил принести еще и водку, но она категорически возразила:

— Чего еще выдумал! И так уж немало выпил. Поешь и спать ложись.

Дед в ответ выругался себе под нос, но подчинился. Пришел из школы старший брат Митя. Подвижный курносый парень, старше Петеньки на три года. Он всегда задавал взрослым огромное количество вопросов и слушал ответы с открытым ртом.

— Митя, а ты знаешь, что скоро мы будем жить с тобой вдвоем? — спросил с серьезным видом Петя.

— Почему это вдвоем? А остальные где будут? — удивился Митя. — Мама, это что, правда?

— А остальные умрут и их в землю закопают, — продолжил нагонять страху Петя.

— Почему? — в ужасе вытаращился Митя.

— Да шутит он. Никуда мы не денемся, — ответила мама.

— Петя таблетки изобретет от старости и всех возможных болезней и жить все будут долго-долго. — Бабуля подошла к Пете и погладила по голове.

— Это Петя-то изобретет? — недоверчиво переспросил Митя. — Он даже в школу еще не ходит.

— Ну не сейчас, конечно, а когда выучится на врача. А кем ты хочешь быть, Митя? — спросила бабуля.

— Я? Космонавтом, конечно, как Юрий Гагарин.
— Вот это правильно, — поддержал отец. — Космос — дело новое. Изучать другие планеты интересно.
— А меня возьмешь с собой? — поинтересовался Петя.
— Нужен ты мне больно, малявка.
— Сам ты малявка!
— Я же не сразу полечу, а когда школу закончу.
— Тогда и я вырасту, врачом уже буду.
— Соглашайся, — примирительно предложила мама сыну, — врачи везде нужны, а особенно в космосе.
— Ну ладно, может, и возьму... — нехотя протянул Митя. — Но только если слушаться меня будет.

— Сам меня будешь слушаться! — возмутился Петя.
— Кто?! Я?!

Митя не выдержал такой наглости и дал брату подзатыльник, тот терпеть не стал и двумя руками схватился за Митину рубашку... Назревала драка.

— Опять безобразничаете?! — не выдержал дед. — Ну я вам сейчас...

Он встал, взял трость и несильно стукнул ею об пол. Мальчишки быстро забыли про свои обиды, дружно побежали в спальню и забрались под металлическую кровать, застеленную длинным свисающим покрывалом.

На следующее утро Петя решил построить плотину еще больше прежней. Для этого он прихватил с собой из дома лопатку и ведро.

— Куда это собрался? — поинтересовалась бабуля.
— На улицу.
— А ведро зачем?
— Для камней, плотину буду строить.
— Ишь чего выдумал! Ведро-то новое. И не унесешь ты его. — С этими словами бабуля пошла на кухню и принесла оттуда старую, всю в сколах, дырявую кастрюлю. — На вот. Можешь домой не приносить, оставь на улице.

Петя скривился, но ведро оставил.

На улице было пасмурно. Дул прохладный ветерок. Ребят нигде не было видно. Но зато возле соседнего дома Петя увидел много людей и автобусы. Раньше такого никогда не было, и он решил выяснить, что происходит. Среди взрослых он заметил Сережку, с которым дрался накануне. Тот стоял в окружении еще нескольких ребят.

— Что вы здесь делаете? — поинтересовался, подходя, Петя.

— Ты что, не знаешь, что ли? — удивился Сергей. — Дядя Ваня умер.

— Какой такой дядя Ваня?

— Ну он нас на тракторе катал еще.

— А... И что?

— Что-что... Хоронят его сегодня, вот что.

Неожиданно громко заиграла музыка и из подъезда вынесли обитый красной тканью гроб, который установили возле дома на заранее приготовленные табуретки. За гробом вышли люди с венками и цветами. Появилась и жена дяди Вани. Подойдя к гробу, она громко заплакала и принялась выкрикивать что-то невнятное. Ей вторили другие женщины. Петя пробрался поближе и увидел в гробу наряженного в костюм дядю Ваню, он не шевелился.

— А почему он лежит? — спросил Петя.

— Ты что, дурак?! Тебе же говорят, умер, — возмущенно ответил Сережка. — На похоронах ни разу не был, что ли?

— Нет.

— А на кладбище поедешь?

— На кладбище? А ты?

— Я поеду.

— Тогда и я.

Пошел снег, и в одно мгновение стало нестерпимо холодно. Гроб с дядей Ваней опустили в яму и быстро закопали.

— Ребяtkи, помяните. — Незнакомая женщина в черном платке достала из пакета блины и конфетки.

Довольный Сережа быстро схватил угощение.

— Ешь, — улыбнулся он и протянул Петя блин, — я знал, что на кладбище нас накормят. Давно уже есть охота. Что не берешь?

Петя отвернулся и отошел в сторону. Он впервые увидел похороны и никак не мог прийти в себя. Теперь он понял, про что говорил дедушка.

Домой Петя вернулся подавленный. Мама, решив, что сын заболел, потрогала лоб, а затем поцеловала в загривок и участливо спросила:

— Что с тобой, заболел?

— Мама, а когда я буду учиться на врача?

— Когда школу закончишь.

— А когда в школу пойду?

— Через год.

— Нет, я хочу сейчас.

— В школу берут с семи лет, ты еще маленький.

— А ты можешь попросить, чтобы меня пораньше взяли?

Мама ласково обняла его:

— Сынок, отдыхай пока! Еще успеешь наработаться.

Петенька крепко прижался к маме, по его щекам побежали крупные слезы.

— Мама, я не хочу, чтобы вы умерли...

ДВЕ ПЕСНИ

— **В**ам понравилась пьеса? — спросила мама, когда они выходили из музыкального театра.

— Я думал, «Летучая мышь» — это сказка, — проворчал Дмитрий, — а оказалась глупая опера про любовь.

— Не опера, а оперетта, — поправила мама. — И почему же глупая?

— Потому что, если люди поженились, то ревновать глупо. Лучше бы о детях подумали.

— Но у них не было детей. Главные герои любили друг друга и хотели проверить свои чувства, — возразила мама.

— Вот я и говорю, глупо это, — стоял на своем Дмитрий. — Лучше бы они воспитывали детей, чем по всяким балам мотаться.

— А ты что думаешь, Петя?

— Мне музыка понравилась. И как артисты поют.

— Да, музыку написал известный композитор Иоганн Штраус. Он очень много вальсов создал, когда-то весь мир под них танцевал.

— А я думаю, на оперу вообще не надо было ходить. Надо было в кино пойти на «Фантомаса», — не унимался Дмитрий.

— Ты же его уже несколько раз видел! — возмутилась мама.

— Ну и что? — настаивал Дмитрий. — Там интересно: машины, самолеты всякие, драки... А в театре только песни скучные поют.

На улице было холодно. Автобус ждали долго и успели порядком замерзнуть.

— Надо было валенки надеть, — вздохнул Дмитрий. — Говорил же я тебе, мама...

— В театр в валенках не ходят, — возразила та. — Давайте поиграем в снежки, побегаем, так и согреемся.

— Давайте! — обрадовались братья.

Когда снежок попал ему за шиворот, Петр снял шарф и стал вытряхивать снег.

— Петя, немедленно надень шарф и укутайся как следует! — велела мама. — И воротник подними, а то заболеешь. Так все, наигрались в снежки. Давайте лучше в камушки поиграем.

— Как это? — спросил Дмитрий.

— Найдем кусок снега покрепче и будем по очереди пинать, стараясь попасть в другого. При этом на дорогу высакивать нельзя. Понятно?

Играли они долго, но автобус все не приходил.

— А может, такси поймать? — предложил Дмитрий.

— На такси у нас денег нет, — вздохнула мама.

— Говорю же, зря мы в этот театр пошли. Лучше бы дома сидели, — заныл Дмитрий. — Я и уроки из-за этого не сделал.

— Ты же сказал, что ничего не задавали, — удивилась мама.

— Так ничего и не задавали, — согласился Дмитрий, — только отрывок из одной поэмы выучить. И все.

— Ничего себе «и все»! — всплеснула руками мама. — А какой отрывок? Давай вместе учить будем.

— Письмо Татьяны к Онегину, — сказал Дмитрий.

— Так давай вместе попробуем. Ты что-нибудь помнишь? Как начинается?

— Я к вам пишу... — неуверенно начал Дмитрий.

— Молодец! А дальше?

— Я к вам пишу...

— Я к вам пишу, — подхватила мама, — чего же боле? Что я могу еще сказать? Теперь, я знаю, в вашей воле меня презрением наказать...

— А что такое «презрение»? — влез Петя.

— Ну это... — задумалась мама. — Это неприятие человеком чего-то.

— Значит, я презираю театр, — уверенно заявил Дмитрий, — особенно музыкальный. У меня большое к нему неприятие.

— Все, хватит! — рассердилась мама. — Ты, Дмитрий, лучше стихи повтори. «Я к вам пишу...» Что дальше?

— Я к вам пишу и что же боле...

— Я к вам пишу, чего же боле? — поправила мама. — Дальше.

— Я к вам пишу, чего же боле... — опять начал Дмитрий. — Что...

— Что я могу еще сказать, — продолжил Петр.

— Молодец, Петя, — похвалила мама. — Теперь ты, Митя.

— Скажи, мама, зачем мне всякую ерунду учить? Я не буду артистом. Я инженером хочу стать. А эти стихи дурацкие пусть девчонки учат.

— Но ведь тебя на уроке могут спросить и ты получишь «двойку».

— Не будут меня завтра спрашивать, — уверенно заявил Дмитрий. — Меня на прошлом уроке спрашивали, и я получил «четверку». Училка всегда через два-три урока спрашивает, мы все это знаем. Поэтому и учим по очереди. У нас система.

— Ты ведь не для оценок учишься, а чтобы знание получить. Вот окончишь институт, и тебя работать за границу пошлют. А ты даже Пушкина прочитать не сможешь. И скажут люди тогда: какой некультурный инженер.

— А зачем я письмо Татьяны буду читать? Глупость это. Я лучше им расскажу «Сказку о царе Салтане». Ее я с детства помню.

— Дмитрий, если учитель задает домашнее задание, его надо сделать. Вне зависимости от твоего желания. Просто надо — и все. Все, хватит пререкаться. Давай сначала. «Я к вам пишу...»

Наконец подошел автобус, почти пустой. В салоне было также холодно, как на улице. Семейство расположилось на сиденьях, тесно прижавшись друг к другу, мама крепко обняла сыновей.

— Вы о холодах не думайте, — сказала она, — тогда теплее будет. Знаете, как фашисты издевались над военнопленными? В такой холод, как сейчас, раздевали их догола и холодной во-

дой обливали. А советские люди все равно не сдавались и выживали. Закройте глаза, представьте, что сейчас лето, сильно-сильно греет солнце. Вам жарко. Вы лежите на пляже, а солнце все печет и печет... И ноги ваши согреваются, и руки. Жарко-жарко вам... Ребята, просыпайтесь. Уже приехали. Ну что, тепло вам было?

— Ага, — сонно согласились братья.

Наутро у Петра поднялась температура и заболело горло.

— Ангина, — заключила бабуля, — в школу сегодня не пойдешь. Будем лечиться.

— Но я не могу не пойти. Сегодня городской конкурс самодеятельности. Я в драмтеатре должен петь. Меня ждут.

— Ты не сможешь петь, Петя, — вздохнула мама. — Я позвоню в школу и скажу, что ты заболел. А что ты должен был петь, кстати?

— Две песни, — хрипел Петя. — Одну на испанском, «Уна маньяна», а другую на русском, дуэтом с Лешкой Максимовым, «Дорога, дорога, ты видела много... ». А может, мне горячего чая попить и все пройдет? — с надеждой в голосе спросил Петр. — Если я не приду, то и Лешке не разрешат выступить. Он ведь только дуэтом прошел. А одного его комиссия зарубила.

— Петя, очень жаль, что так вышло, но ты выступать не сможешь. Это я виновата. Потащила вас с Митей в театр в такой мороз, — посетовала мама.

— А я говорила тебе, — проворчала бабуля, — не ходите в этот театр. Что там хорошего? Только деньги впустую потратили. Лучше бы телевизор посмотрели или в карты поиграли. Не слушаешь ты меня вечно, Гутя. — И она укоризненно посмотрела на дочь.

Через неделю на уроке музыки после распевки преподаватель, на лацкане которого красовался значок заслуженного учителя, вызвал Петю к доске.

— Начни с «Маньяны», — сказал он, взял баян и заиграл. Петя запел чистым звучным голосом.

— А теперь вместе с Максимовым спойте «Дорогу».

У Пети был первый тенор с серебристым оттенком, а у Леонида — бархатный баритон.

— Как жаль, что ты заболел, Петя. Первое место было вам обеспечено. В области вам равных нет. А теперь вот следующего года надо ждать.

НАС МАЛО, НО МЫ...

— **С**инюшенские совсем обнаглели, — заявил высокий худой парень по прозвищу Шуха, одноклассник Петра.

— Да, надо что-то делать, — согласился Колобок, маленького роста, полный, но при этом очень подвижный и гибкий парнишка. Он жил по соседству с Петей и Митей, в одном из старых двухэтажных домов на «Жиркомбинате». — В школу сталоходить невозможно. Местные докапываются, деньги шманают.

— А вы им что, позволяете? — удивился Дмитрий.

Он был студентом второго курса политехнического института, а брат его, Петр, с друзьями учился уже в девятом классе. Ребята недавно перевели в новую школу на Синюшиной горе, раньше они учились в школе, расположившейся в помещениях жиркомбината.

— А как им не позволять, если они толпой ходят? Я одному в морду дал, так они меня после уроков подкараулили, — вздохнул Мухин. Он был чуть младше Петра, но ростом выше и очень шустрый и пронырливый.

— Так если они кучей ходят, и вы вместе держитесь, — предложил Дмитрий.

— А как, — возмутился Генка Цыган, — если мы в разных сменах учимся?!

Прозвище свое он получил за то, что на самом деле был наполовину цыганом. Смуглый, невысокий, но дерзкий и храбрый до отчаянности.

— Значит, нужно по сменам вместе держаться, — объяснил Дмитрий. — Ладно, я вам помогу.

Назавтра ребята собрались все вместе. Дмитрий принес спортивную лапу для отработки ударов, тренировочную самодельную

брезентовую грушу, набитую песком, и боксерские перчатки: две на левую руку, одну — на правую. Сам Дмитрий занимался несколько лет боксом и имел первый разряд.

— Для начала надо научиться правильно бить. Вот, смотрите. — Дмитрий сжал пальцы левой руки в кулак и ударил по груше. — Кулак сильно сжимать надо только перед самым ударом, иначе рука быстро устанет. Бить надо с разворотом, как бы вращая руку внутрь. А после удара кисть быстро возвращается назад, в первоначальное положение, на уровень лица, чтобы она его прикрывала.

— Так же удар слабый получится, — возразил Шуха. — Вот, смотрите, как я бью.

Он размахнулся и с разворота, не сгибая руки, ударил по груше. Она закачалась из стороны в сторону, в воздух взлетело облако пыли.

— Удар должен быть не размашистым, от этого его сила только слабеет, а проникающим. А твой удар деревенским называют: кулаками машешь все равно что жердью. Вот ударь меня. Целься в челюсть.

— А не зашибу? — заволновался Шуха.

— А ты попробуй!

Шуха замахнулся и ударил. Дмитрий ловко уклонился и в ответ несильно двинул противника в челюсть.

— Все видели? — спросил он. — И так каждый будет получать по морде, если не научится правильно бить и защищаться. Теперь научимся уклоняться и начнем спарринги.

— Так у нас же всего три перчатки, — возразил Колобок.

— Вы наденете две, а я только левой с вами буду боксировать.

Дмитрий действительно ловко уклонялся и легкоправлялся одной рукой. Бил редко, больше имитировал удары, но были они, тем не менее, болезненными.

— Учитесь терпеть, — наставлял ребят Дмитрий. — В драке никто вас жалеть не будет.

Пришел сентябрь, начались занятия.

— Теперь время попробовать себя в деле, — заявил Дмитрий. — Но для страховки кастеты отольем.

— Зачем это? — удивился Петр.

— На всякий случай. Если нападающих будет много, то с кастетом можно противника с одного удара завалить. Кто знает, где можно старые аккумуляторы найти?

— Я у отца на работе видел. Они у них в гараже валяются. Я с отцом переговорю, — сказал Сережка Артемьев. Примечательными в Сережке были черная кожаная куртка и кепка, которая едва держалась на его круглой, коротко стриженной голове.

В школу пошли после уроков все вместе. В холле стоял теннисный стол, несколько старшеклассников играли на вылет.

— Кто последний? — спросил Дмитрий.

— За мной будешь, — сказал рослый парень в пиджаке, который еще в прошлом году окончил школу.

Его все почему-то называли Муля. Дрался он по любому поводу и, как правило, всегда побеждал. В округе его все боялись как огня. Но в теннис Муля проиграл и тут же начал вторую игру.

— Вы же на вылет играли, — влез Дмитрий, — значит, надо уступить место.

— Кому, тебе, что ли? — удивился Муля, продолжая играть.

Дмитрий подошел к столу:

— Всем хочется поиграть. Теперь моя очередь. Отдай ракетку. Зачем нарываешься на грубость?

— Не, ну жириковские совсем обозрели. Пойдем выйдем...

— Пойдем, — спокойно согласился Дмитрий.

За ними увязалось еще несколько человек — приятелей Мули.

— Надо Митьку подстраховать, — шепнул друзьям Колобок. — Пошли! — Он дернул Петра за рукав и встал.

Другие ребята вышли следом.

Дмитрий оглянулся и увидел, как двое пацанов из окружения Мули ускорили шаг — явно хотели помочь своему дружку. Тогда он, не дожидаясь их приближения, двинул Мулю в челюсть. Тот

упал. Хотел подняться, но Дмитрий еще раз ударил его и тот остался лежать на земле. Лицо его было все в крови. Друзья Мули остановились в нерешительности.

— Что, тоже хотите меня проверить? — спокойно спросил Дмитрий. — Хотя зачем же меня? Лучше с моими товарищами поговорите. — Он показал на Колобка и других ребят. — Я думаю, вам мало не покажется.

Парни оглянулись и увидели, как им навстречу идут Колобок с Петром, а за ними еще несколько ребят. Хулиганы переглянулись и молча убежали.

На следующий день Петр с Дмитрием и Шухой сидели на скамейке возле дома.

— Ну ты дал! — восхищался Шуха. — Он с первого удара упал. Думал, убил его. А он снова поднимается. Крепким оказался...

— Я его кастетом положил. Когда тех двоих увидел, руку в карман сунул и надел тихонько. Ждать было некогда. На восто-я сильно не надеялся.

— Ты ведь мог ему челюсть сломать, — возмутился Петр, — или вообще убить! Ты же один на один шел.

— Нет, Петька, — сказал Шуха, — их трое было. Правильно Митя сделал. А если бы Муля ударил кастетом первым, что тогда?

— Я бы не стал надевать кастет, если бы не те пацаны.

И тут ребята увидели Мулю. Он показался из-за угла дома и быстро зашагал в их сторону.

— Слыши, корефан! — обратился он к Дмитрию. — Ты вчера нечестно поступил. Видишь, что ты с лицом мне сделал?

На опухшем лице красовалось несколько швов, с одной стороны оно было сине-бардового цвета, один глаз заплыл.

— Сам виноват. Зачем парней за собой потянул? — лениво протянул Дмитрий.

— Я их не тянул, сами пошли. Но они все равно трусами оказались. Я им еще навешаю за предательство.

— А сюда чего пришел? — спросил Дмитрий. — Жаловаться взрослым побежишь или в милицию заявишь?

— Не сосунок я, чтобы ябедничать. Я с тобой драться пришел по-честному. Один на один. И этим скажи, — он посмотрел на Петра и Шуху, — чтобы они с нами не ходили.

— А ты сможешь? — оценивающе посмотрел на Мулю Дмитрий. — Может, лучше подождать, когда у тебя лицо заживет?

— За меня не волнуйся. Это мое решение. Лучше о себе подумай. Или трусишь по-честному?

— Я? Нет. Пойдем.

Уже через несколько секунд ребята скрылись за углом.

— Может, подстраховать все-таки Митю? — заволновался Петр. — Вдруг там пацаны Мулины стоят?

— Пошли! — решительно сказал Шуха.

Но на пустыре за домом никого больше не было, только Дмитрий и Муля. Когда Муля попытался ударить Дмитрия в лицо, тот ловко уклонился, молниеносно нагнулся и схватил противника за ноги. Муля упал. Тогда Дмитрий сел ему на грудь и левой рукой придавил горло.

— Ну что, убедился, что я и по-честному могу? — спросил Дмитрий.

— Убедился... — прохрипел Муля.

— Бить тебя дальше или так разойдемся?

— Бей! Если отпустишь, то я тебя бить буду. Не пожалею.

— Ну что ж, сам напросился, — ухмыльнулся Дмитрий. Он несколько раз ударил Мулю в живот и по лицу, а потом поднялся и протянул руку: — Ладно хватит! Вставай! Как тебя зовут?

— Муля! Что, не слышал про меня?

— Слышал. Я про имя спрашиваю.

— Витька меня звать. А тебя?

— А меня Дмитрий. Зря ты вчера начал драку, я ведь не хотел. Но и парней наших тоже не обижай. Они постоять за себя смогут и без меня.

— Ты научил?

— Они сами. Но и я немного помог. А ты вправду честный и смелый парень. Только смелостью надо по уму пользоваться.

— А ты вроде тоже ничего оказался. Но я не прощаюсь. Может, еще свидимся. В других обстоятельствах.

Муля мстить не стал, и жириковских больше не трогали.

Дмитрий уехал в колхоз на месяц, а потом начались занятия в институте. С младшими ребятами виделся редко, но однажды вместе с Петром встретил на улице Мухина и Колобка.

— Я на днях с Гитаристом встречался, — сказал Мухин. — Знаешь, маленький такой проныра, все с гитарой ходит. Он сказал, что сегодня синюшенские против нас собираются. Человек двадцать будет с трубами и кастетами.

— А почему столько? — удивился Дмитрий.

— Боятся. Не знают, сколько нас.

— Не только они, — поддержал друга Колобок. — Еще коневских столько же подтянется.

— С Маршала Конева, что ли? — уточнил Дмитрий. — А за что эти воюют? Самих в школе местные гоняют.

— А они объединились. Все, кто на верхней Синюшке, теперь заодно, — вздохнул Мухин. — У меня там брательник двоюродный живет. Недавно виделись.

— Да, видно, не справимся мы, — грустно протянул Колобок.

— А что, если нам по домам разойтись? — предложил Мухин. — Будем как партизаны. Они придут, а нас никого нет. Постоят да уйдут. А завтра мы узнаем, кто был, и разберемся с каждым по одному.

— А что, — сказал Дмитрий, — это идея. Наших-то человек семь наберется, не больше.

— Так что, расходимся? — спросил Мухин.

— Подожди, может, человека два здесь оставим, — предложил Колобок. — Они нас-то не знают. А вот Дмитрия по любому искаль будут.

— Может, правда остаться нам? — спросил Мухин.

— Идите домой. И два, и пять — все равно мало. Если найдут, то ничем вы мне не поможете. А так есть шанс, что пронесет. —

С этими словами Дмитрий зашел в подъезд дома. — Петя, пошли, а то бабуля нас уже потеряла.

В окно было видно, как группа каких-то пацанов прошла мимо их дома. Затем парней прибавилось. Возраста они были самого разного, но вот школьников среди них было мало. Парни ходили по улице и явно кого-то искали. Неожиданно затрезвонил дверной звонок. Петр не успел предупредить деда. Тот в два шага подошел к двери и спросил:

— Кто там?

— Мы Василия ищем. Вы не знаете, где он живет?

Дед открыл дверь.

— Какого Василия? Давыдова, что ли? Так он живет в соседнем доме.

В это время Дмитрий вышел из туалета и парень его заметил.

— Мы вот его ищем! — Стоящий на пороге парень в телогрейке показал на Дмитрия.

— Так он не Васька, а Дмитрий. — Все еще не понимая, что происходит, сказал дед.

— Он-то нам и нужен, — обрадовался парень. — Значит, тебя Дмитрий зовут? — Он шагнул в коридор, схватил Дмитрия за руку и стал тянуть в подъезд: — Пойдем поговорим.

— Пойдем, — согласился Дмитрий, не сопротивляясь.

Добронравовы жили на первом этаже. Перила в подъезде были высокие, и между ними и стеной больше двух человек не вмещалось.

— Нельзя ему выходить! — метнулся Петр к деду.

— Так это не друзья, что ли? — непонимающее спросил дед.

— Какие друзья! Они дрались пришли. Вон их сколько! Митьку выручать надо.

— Эй вы! — возмутился дед. — А ну-ка отпустите моего внука. А то я вам сейчас покажу кузькину мать.

— Дед, ты домой лучше иди, пока и тебе морду не набили.

Парень упорно продолжал тянуть Дмитрия к выходу, но его дружки пока не могли притиснуться в подъезд и прийти на помощь. И тут дед выскоцил на площадку с топором.

— Последний раз предупреждаю. Если сейчас же не отпустите моего внука, никого не пожалею, всех в капусту порублю!

В этот момент Дмитрий сумел вырваться и встал рядом с дедом. Парень в телогрейке выхватил из-за пазухи заточку и ловко ударил ей деда в грудь. Тот сразу же опустил на голову обидчика топор. Завязалась драка. Петр хотел помочь, но брат с дедом плотно перекрыли проход. Вскоре нападавшие выбежали из подъезда и остановились неподалеку, не решаясь вернуться. Несколько человек держались за головы, один тут же опустился на землю. Весь пол в подъезде был измазан кровью. Когда все закончилось, дед начал оседать на пол. У него из груди, в области сердца, текла кровь. Петр подхватил деда и аккуратно опустил его на половицы. Сомнений не было, без «скорой помощи» им не обойтись. Но вот беда: телефон был только в общежитии метрах в двухстах от их дома. Когда Петр выскочил из подъезда, парни стали кидать в него камни, но приблизиться побоялись. Ждали Дмитрия.

Клиническая смерть наступила на подъезде в больницу. Заточка прошила грудь в двух сантиметрах от сердца.

— Еще немного, и не спасли бы вашего дедушку, — сказал врач. — Дважды его реанимировали. Хорошо, что мы рядом были на вызове. А кто его? — спросил он Дмитрия.

— Петр, мой брат.

— Что, внук собственного дедушки ножом ударил?! — удивился врач.

— Нет, он вовремя «скорую» вызвал.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫЗОВ

— **С**лушай, Петя, как ты считаешь, какой предмет в мединституте может сравняться с сопроматом?

Однокурсница Нона Бессонова с интересом смотрела на Добронравова. Они первыми приехали после лекции на занятия по поликлинической практике в десятую иркутскую больницу на Синюшиной горе, где размещался практикум кафедры госпитальной терапии.

— Почему с сопроматом?

— Не слышал разве, что все, кто учился в технических вузах, говорят: «Сдашь сопромат — жениться можно!» Знакомые ребята из политеха считают его самым трудным предметом на свете.

— А ты что, замуж собираешься? — поинтересовался Добронравов.

— Слушай, тебя ни о чем спросить нельзя, сразу выводы начинаешь делать. Может, и собираюсь, да решиться никак не могу. — Она улыбнулась. — Что, не возмешь меня в жены? Да ладно, не напрягайся! Я пошутила, хотя... И все же, ответь на вопрос.

— Я слышал про сопромат. А у нас...

Петр задумался, вспоминая, какие предметы изучал. Впервые с трудностями на коллоквиуме (в мединституте не все как у людей, там все зачеты коллоквиумами называют) он столкнулся на гистологии. И хотя он сдал его первым в группе, но получилось только с пятого раза. Дотошный преподаватель Приказов настолько скрупулезно спрашивал студентов, что они нередко забывали даже свое имя. Добронравов вспомнил, что в четвертый раз он засыпался на смешном вопросе, ответ на который знают даже школьники: что такое гемоглобин? Петр молчал как партизан на

допросе. В голове крутилась мысль, что он очень хорошо знает этот термин, но продолжал молчать как загипнотизированный. Когда он, измученный и расстроенный, вышел в коридор, студенты недоумевали, как он мог забыть, что гемоглобин — это основной железосодержащий белок, необходимый для переноса кислорода в эритроцитах. Добронравов и сам этого не понимал. От волнения и усталости он забыл то, что знал назубок. Вернее, даже не забыл, а попросту не осознавал, о чем его спрашивают.

— Думаю, что гистология. А вообще... — Добронравов прокрутил в памяти еще раз все предметы, вспомнив анатомию, оперативную хирургию и фармакологию, — лучше жениться после окончания медицинского института.

— У... это еще целый год ждать. Не выдержу! — Нона весело рассмеялась.

В практикум зашла полная светловолосая преподавательница в очках и ласково обратилась к студентам:

— Здравствуйте! Где все?

— Здравствуйте, Елена Иннокентьевна! Ребята немного опаздывают, а нам, — Нона посмотрела на Добронравова, — просто повезло, мы сели в автобус, который уже отходил. У нас до этого в основном корпусе на Ленина была лекция, она чуть затянулась, а перерыв всего тридцать минут, даже поесть некогда. Вот ребята и опаздывают.

— Знаю-знаю. Все мы через это проходили. Зато нам никто не помешает организационные вопросы решить. Вы уже взрослые, заканчиваете пятый курс, можно сказать, почти врачи. Сейчас в разгаре эпидемия гриппа, а специалистов не хватает, тем более участковый врач с шестого участка тоже заболел и сегодня не вышел на работу. Мы на кафедре решили помочь и раскидать все вызовы между собой. Но я не могу, очень лекции плотно стоят, так что кто-то из вас двоих должен посмотреть больных на дому и сделать назначения.

— Кто, мы?! — Нона недоумевающе посмотрела на преподавателя. — Мы же ничего не знаем!

— Доучились до пятого курса и ничего не знаете? Не верю! Да и знать-то тут особенно нечего. Я специально отобрала заявки с гриппом, надо просто осмотреть больных, открыть больничный лист, а назначения сделать только при крайней необходимости, когда температура высокая будет или кашель сильный. Помните, как у Гайдара: «Нам бы только день простоять да ночь продержаться!» Все запишите в карточку и принесите в поликлинику. Дежурный врач посмотрит и примет необходимые меры. Да, чуть не забыла: кто пойдет, тот получит зачет автоматом.

— А когда идти? — нерешительно спросил Добронравов. — И сколько это по времени займет?

— Прямо сейчас. Четыре вызова всего, но по времени они могут занять несколько часов.

— А учеба как же? Мы же пропустим занятие. Потом отрабатывать... — никак не могла решиться Нона.

— Ничего отрабатывать не надо, я же сама вас отпускаю.

— Нет, я все равно не смогу, — покачала головой Нона. — Мне сегодня еще идти на заседание студенческого кружка, я не успею.

— Хорошо, давайте я схожу, — неохотно согласился Добронравов. — Вы только, Елена Иннокентьевна, расскажите, с чего начать.

— Ну вот и славно. Пойдемте в регистратуру, там вам дадут амбулаторные карты больных и аппарат для измерения давления. Фонендоскоп-то, надеюсь, у вас с собой?

Добронравов молча кивнул. Получив информацию, взяв с собой все необходимое, он направился по адресам, по дороге вспоминая, что такое грипп и чем его вообще лечат. Конечно, без пяти минут врачом Петр себя не считал, так как заканчивал только пятый курс, а в мединституте учился шесть лет, и знания по особенностям лечения различных заболеваний дают именно на последнем курсе. А до этого он получил только общие представления о болезнях. Петр неплохо знал механизмы развития заболеваний, имел представления о лекарствах, прошел сестринскую практику и мог уже при желании устроиться фельдшером, хотя практики

такой не имел, не считая трех месяцев работы в токсикологическом отделении медбратьем. Конечно, он немного побаивался. А что, если начнут жаловаться не только на простуду? Или вообще кому-то станет плохо?

Но опасения оказались напрасными, так как Елена Иннокентьевна точно, хоть и заочно, поставила диагноз. Наконец остался только один вызов. Пациент проживал на верхнем этаже пятиэтажного дома. Поднимаясь по лестнице, Петр почувствовал, как на него наваливается усталость. На третьем этаже он решил немного постоять, чтобы отдохнуться. «Странное везенье выпало на мою долю, все вызовы оказались на верхних этажах», — подумал Добронравов. Немного постояв, он поднялся выше, отыскал нужную дверь и нажал кнопку звонка.

— Кто там? — спросил из-за двери грубоватый женский голос.

— Врача вызывали?

Дверь отворилась, на пороге стояла невысокого роста пожилая женщина с короткими седыми волосами. Она приветливо улыбнулась Добронравову, но ему показалось, что смотрит она на него разочарованно.

— Вы доктор? Проходите, пожалуйста. А наш участковый врач где?

— Она заболела, сегодня я вместо нее.

— Ну что ж, раздевайтесь.

Снимая пальто и отыскивая глазами ванную, где можно помыть руки, Добронравов принюхался. Он сразу же отметил, что каждая квартира имеет свой запах. По нему-то он и пытался понять, что можно ожидать от хозяев. Эта квартира была однокомнатной и напоминала антикварную лавку. Посреди комнаты стоял старинный круглый дубовый стол с резными ножками, покрытый плюшевой зеленой, уже изрядно потрепанной скатертью. В правом углу — коричневый кожаный бочкообразный диван, возле которого комод, накрытый белой ажурной салфеткой. На ней по краям, как часовые, стояли две высоко вытянувшиеся стеклянные вазы, а в центре — внушительное квадратное зеркало, за раму ко-

торого были заткнуты старые, слегка пожелтевшие фотографии. В левом углу на тумбочке соседствовали два старых приятеля: телевизор «Енисей» и приемник «Аккорд». Рядом — железная кровать с прикрученными к высоким спинкам шарообразными бубонами. Возле кровати трещал по швам переполненный вещами темно-коричневый дубовый шкаф. Добронравову показалось невероятным, что в комнате еще оставалось место для хозяев.

— Вы не удивляйтесь, — словно читая мысли Петра, произнес седой, лежащий на кровати человек и надсадно закашлялся. — Просто мы поменялись квартирой с внуком, недавно у него в семье родилась дочка, им стало тесно, вот мы и переехали сюда. До этого мы жили в своем доме. А эти вещи, — он оглядел комнату, — наши верные товарищи, которые делили с нами все горести и радости. В них наша молодость, наша любовь, наша жизнь. Вот мы и решили их привезти с собой, внуку они показались старым хламом.

— Странные мы, старики, правда? — спросил уже знакомый грубоватый голос.

Добронравов оглянулся. Хозяйка за его спиной поправляла в углу пеструю дорожку. Она улыбалась, видно, радуясь новому человеку, с которым можно поговорить.

— Нет, почему же, — пробубнил Добронравов и с тоской подумал: «Это надолго».

Но его страшили не только пустые разговоры. Если начать копаться в болезнях старииков, то можно самому надолго позабыть о здоровье.

— Ну-с, кто у вас болен? — спросил Петр, почему-то переходя на высокопарный слог, совсем как врачи из старых фильмов.

— Да вот, Михаил Никитович что-то расхворался. — Женщина показала глазами на мужа. — Мы с ним третьего числа пошли погулять, да в дождь и угодили. А тут еще ветер холодный подул. Весна, сами знаете.

— Выходит, он болеет уже больше недели? — Добронравов отыскал в объемистом портфеле амбулаторную карту. — А что же вы раньше врача не вызвали?

— Думали, само пройдет. Я его чаэм с малиной пою каждый день, и аспирин он на ночь пьет. Просто так-то неудобно людей беспокоить. Вон сколько молодых лечить надо. Не до нас, стариков.

— Почему же, мы всех одинаково лечим, и старых, и молодых. Для нас все равны! — возмутился Петр.

— Ну не знаю... Может, вы действительно добрый, не такой, как другие врачи. Всех одной мерой мерить нельзя. — Сразу стало понятно, что пожилой женщине не терпится выговориться. Посмотрев на Добронравова и осознав, что он ее внимательно слушает, она пустилась в рассуждения: — Вон на днях Марфу Петровну похоронили, и нестарая ведь была, всего-то семьдесят один год. Заболел у ней живот, пришла врач и дала таблеток. Она их пьет день, другой, а легче не становится. Снова вызывает, опять та же докторша. Правда, в этот раз другие таблетки выписала. Все соседи с ног сбились, ни в одной аптеке не нашли. А Марфа Петровна за правый бок держится. Третий раз пришла на вызов та же рыже-очкастая. Тут уж мы стали участвовать. Все соседи просили ее, чтобы она в больницу увезла Марфу Петровну, а то ведь помереть может. А она говорит, что в больнице мест нет, и негласно вроде существует установка, что больных возрастом выше семидесяти лучше в стационаре не направлять, так как молодых лечить негде. Правда, пообещала, что медицинская сестра домой будет приходить и уколы ставить. Вот только после третьего укола Марфа Петровна не дождалась четвертого... Да это что! Вот Сергей Иванович, наш дворник, рассказывал, что...

— Да хватит тебе, Маруся! Что ты к человеку привязалась со своими сплетнями. Доктор же на работе находится, его еще люди ждут, страдают.

— Да нет, ничего. Вы у меня последние сегодня, — неуверенно проговорил Добронравов.

— Ну все равно. Семья же есть, жена, дети ждут. Врач тоже человек.

— И то верно. — Мария Даниловна опять заулыбалась, глаза ее подобрели. — И что я к вам прицепилась? Видно, человек вы хороший, раз выговориться мне захотелось. Да и скучно нам, старикам, поговорить не с кем. Вот и рады новому человеку. Вы пока осмотрите Михаила Никитовича, лечение назначьте, а я чай поставлю. Чаем с малиной вас напою. Малина у нас душистая, сами выращивали. А то вы и вправду замучились, наверное, по квартирам ходить. Вон какой вы бледный.

И Мария Даниловна, засуетившись, вышла из комнаты.

— Вы не обижайтесь на нее, — проговорил хозяин. — Знаете, не думаешь о смерти в молодости, живешь, разбрасываясь годами направо и налево, и все для тебя впереди, все в будущем. А время так стремительно летит вперед, неизбежно приближая человека к старости, но ты его пока не ощущаешь. Все какие-то заботы, интересы... Впервые понимаешь, что состарился, когда тебя «почетно» на пенсию спровоживают. И в этот-то момент начинаешь замечать время, каждая прожитая секунда отдается в сердце. И это ощущение остается до конца жизни. Вот отсюда и бессонные стариковские ночи с ранними пробуждениями, тяжелые думы. Эх, если бы раньше все понял, так, кажется, что не так бы и жизнь прожил. Поэтому и хочется это знание молодым передать, чтобы не транжирили попусту драгоценнейшее время. Отсюда старики и любят советовать, учить. Вот только никто из молодых их слушать не хочет, думают, что мы из ума выжили. — Михаил Никитович высморкался, затем прокашлялся, попил воды и продолжил: — Вы знаете, на пенсии так одиноко. Чувствуешь себя оторванным от людей. Все же коллектив — великая сила. В коллективе можно легко любую беду перенести, поделившись ею с товарищами. Да и радостей больше. Знаете, чувство одиночества, наверное, самое тягостное чувство на свете. На пенсии и болеть начинают чаще, уходят в себя. Делать нечего, вот и думают, думают... А о ком? О себе, о своих болезнях. Больше-то не о чем. И чем больше думают, тем сильнее болеют. А чем чаще болеют, тем чаще и о болезнях думают. И никак этот порочный круг не разорвать.

— Ну а что же вы тогда на пенсию пошли? — Добронравов, несколько замявшись, продолжил: — Ну если даже и «попросили», на другую бы работу устроились, вахтером, например. Там люди потоком идут, поговорить всегда с кем найдется.

— Пока можно было, мы так с Машей и делали. Я проработал до семидесяти пяти лет. А она и сейчас работает.

— Так, а сколько же вам сейчас-то? — изумленный Добронравов прикинул в уме возраст старика, который выглядел лет на шестьдесят пять — не более.

— Восемьдесят второй пошел.

— Да вы что! — искренне удивился Петр.

— Любовь сохранила! — Мария Даниловна, закончив свои кухонные хлопоты, улыбаясь, стояла в дверях и нежно поглядывала на мужа. — Правда ведь, Михаил Никитович? Или я неправа?

— Конечно, моя милая, права. — Он нежно посмотрел на жену. — Очень даже права! Ты, небось, накрыла уже на стол, а то я товарища доктора уже замучил разговорами.

— Нет, что вы, мне было очень интересно с вами поговорить. Действительно интересно. Ну-с, дорогой Михаил Никитович, поднимите рубашку... — И, раскрыв портфель, Добронравов достал фонендоскоп, важно вставил концы трубок в уши и сосредоточенно, глядя сквозь больного, стал вслушиваться.

Сердце у старика работало ритмично. А вот в легких — сухие хрипы. В амбулаторной карте Петр написал: «Хронический бронхит в стадии обострения». Написав назначения, он шумно закрыл карту и положил ее в портфель. И тут у него за спиной раздался кашель. Он обернулся:

— Мария Даниловна, а может, мне и вас заодно послушать? Вы, наверное, тоже простыли, вон как кашляете.

— Да я-то что. Я здорова. Миша бы не болел только, и все будет хорошо. И я буду счастлива, а значит, и здорова.

— А если вам станет хуже? Вы же постесняетесь второй раз врача вызывать. Так что давайте уж я и вас посмотрю.

— И то правда. Раз уж вы настаиваете...

Мария Даниловна начала торопливо раздеваться. По лицу ее было видно, что ей от внимания врача одновременно и неудобно, и приятно. Осмотрев ее, Петр обнаружил кроме хрипов в бронхах еще повышенное артериальное давление. «Вот тебе и живенькая старушка! При таком давлении другие голову оторвать от подушки не могут, а она еще бегает. Да, крепкие старики!» — подумал он.

Чай пили на кухне, половину которой занимал старинный светло-желтый сервант.

— А у вас есть, кому за лекарствами сходить? — заботливо поинтересовался Добронравов.

— Да кто же пойдет, если мы вдвоем живем. Сами и сходим, — потягивая чай из блюдца, оживилась Мария Даниловна. — Продукты же сами покупаем.

— А не тяжело, все-таки пятый этаж?

— Поначалу тяжело было, а сейчас привыкли.

— А дети у вас есть? — осторожно поинтересовался Петр, накладывая в чашку с чаем варенье и размешивая маленькой ложечкой. Он периодически вытирал капельки пота на своем раскрасневшемся лице.

— Ну а как же без детей-то! У нас их трое: две дочери и сын. Хотите посмотреть? — Мария Даниловна стремительно вышла из кухни и принесла два объемных, тяжелых на вид альбома.

— Часто у вас бывают или все поразъехались? — спросил Петр, разглядывая фотографии.

— Почему поразъехались, все здесь, в Иркутске, живут. Куда они от нас денутся? Одна дочь так через дорогу живет. В окошко ее чуть не каждый день видим, когда на работу идет. Мы ведь встаем рано, делать нечего, вот и смотрим, и смотрим в окно... — У старушки к глазам подступили слезы. — Они у нас хорошие.

— Да хватит тебе плакать, Маша! Конечно, хорошие. Все выучились, не пьяницы какие. А то, что редко приходят, так их понять можно. Молодые, все хочется успеть. А мы живем себе, не торопимся.

— Да, это конечно, — примирительно заговорила Мария Даниловна. — Сами такие же в молодости были. — И, немного помолчав, добавила: — Такие, да не такие. Стариков уважали раньше, не то что сейчас. Я вон маленькая была, помню, дед у нас жил, все больше на печке лежал. Дряхленький такой, и в чем только душа держалась? Его вроде и не замечал никто. А когда нужно было решить какой-нибудь серьезный вопрос, так без его совета не обходились. Он еще и наказать мог.

— От воспитания зависит это, — вмешался в разговор Михаил Никитович. — Вот маленький ребенок бегает по дому, вроде ничего и не понимает, а ведь все примечает: как взрослые промеж собой разговаривают, к кому с уважением относятся. Если сеют неуважение, то его и жнут.

— Да, это точно! — согласился Добронравов. — Просто диву даешься, как это в странах Востока законы предков чтут. А на Кавказе как старших уважают! У меня однокурсник есть, мы с ним в одной группе учимся, так когда к нему старший брат приезжал в гости, он беспрекословно исполнял все его просьбы. А ведь он выше на голову и шире в плечах. Не на страхе, видно, уважение держится.

— А может, зря религию в школах не изучают? — вздохнула Мария Даниловна. — Ведь раньше добру учили. Науки всякие, конечно, важны, но вот о человеке забыли, о стариках особенно. Ведь ни одной книжки о стариках в школе не предложат, а ведь то не понимают учителя, что и сами когда-то стариками станут.

— Спасибо вам за чай, Мария Даниловна, Михаил Никитович. — Петр поднялся из-за стола. — Очень вкусное варенье у вас и вообще очень уютно. Можно я к вам буду приходить иногда просто так, без вызова?

— Это вам спасибо за все. Столько времени нам уделили, поговорили со стариками, нам от этого легче стало. Может, и за лекарствами бежать не придется. — Мария Даниловна улыбнулась открытой, доброй улыбкой. — Конечно же приходите, когда захотите. Хотя, впрочем, когда же вам ходить-то, больных вон сколько.

— Ну почему же, найду время... — пробурчал Добронравов, прощаясь и закрывая за собой дверь.

Он отчитался в поликлинике, сдал аппарат для измерения давления. Практикум уже был закрыт, так как рабочий день давно уже закончился. Добронравов, не торопясь, пошел на остановку. Автобус не заставил себя долго ждать. Светло-желтый «Икарус» с прицепом быстро наполнился пассажирами и тронулся с места...

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВЕТ

— Ты возьмешь с собой на сборы кимоно? — спросил Добронравова однокурсник Вовка, с которым они несколько лет занимались karate у одного тренера.

— Зачем? — удивился Петр.

— Позанимаемся вместе в свободное время.

— Зачем выпендриваться? Я в трико буду.

После весенней сессии парней разных потоков лечебного факультета призывали на военные сборы, которые проходили под Читой, в Домне. Ехали поездом. Заместитель военной кафедры, майор Подымайло, построив ребят, объявил:

— С сегодняшнего дня забудьте, что вы студенты. Вы — курсанты. Через несколько дней вы примите присягу верно служить своей родине. Вашему курсу выпала высокая честь впервые осваивать новую прекрасную базу, которой мы давно добивались. Солдаты ее вчера освободили специально для вас. Необходимо навести порядок и убрать территорию. Ваш командир — прапорщик Сычев. Если вопросов нет, приступайте.

Пустые казармы. Трудно представить, что еще недавно здесь жили солдаты. Грязь на полу выгребали лопатой. Матрасы и подушки долго не могли вытрясти от пыли.

По случаю приезда студенты собрали все, что имели, и разложили на полу. У многих была с собой водка, кто-то привез сало, консервы, домашнюю стряпню... Добронравов, который хорошо пел, взял с собой гитару. Когда курсанты стали укладываться спать, к Петру подошел солдат из местных.

— Слушай, — сказал он, — пойдем ко мне еще попоем. Я тоже знаю несколько песен. Ты меня научишь своим, я — своим. У меня и спирт есть. Ты как?

— А далеко идти?

— Да нет, за забором через дорогу.

— Я не знаю, можно ли нам выходить за территорию.

— Пойдем, — принялся уговаривать Петра приятель Закирский. — Что-то спать совсем не хочется.

Добронравова же клонило ко сну и он сомневался.

— Я бы тоже пошел, — влез Лева, который учился в одной группе с Петром.

— Ну ладно, — согласился в конце концов Добронравов, — пошли!

Небольшой бетонный домик находился метрах в двухстах за ограждением, на краю военного аэродрома. Зайдя внутрь, ребята увидели еще двоих солдат.

— Молодой, — обратился наш знакомый, — сбегай разведи спирт и накрой поесть.

Добронравов с удивлением отметил, что «молодой» был в звании сержанта, а его новый знакомый, так лихо отдававший приказы, был всего-навсего ефрейтором.

— Слушай, — не удержался Петр, — ты же вроде по званию младше, а приказы отдаешь?

— Я ж дембель!

— А что это такое? — спросил Петр.

— Это значит, я служу последние три месяца. У меня уже и фотка есть «Сто дней до дембеля». Хочешь, покажу?

— Давай.

На нескольких фотографиях, предъявленных общественности, ефрейтор и правда был снят на фоне плаката «Сто дней до дембеля!»

— Как считаешь, — поинтересовался дембель, — какую фотку лучше домой послать?

— Не знаю, — задумался Петр, рассматривая фотографии. — А ты за что медали получил? Что-то слишком много их на кителе.

— Это не медали, — рассмеялся солдат. — Это значки плюс выдумка. Здесь каждый изощряется как может. К дембелю за год готовиться начинают.

— Понятно, — кивнул Петр.

— Мужики, давайте выпьем! — Дембель разлил из солдатской фляжки разведенный спирт. Осмотрел стол. — И с закуской у нас все славно!

На столе лежали порезанное сало и сыр, стояли открытая банка тушеники и маринованные огурцы.

— Богато живете, — протянул Лева. — Откуда такая роскошь?

— Так за забором у вас магазин, прям через железную дорогу. Там все купить можно.

— А спирт? — поинтересовался Закирский, который вообще не пил.

— Это нам выдают. Наше отделение за освещение аэропорта отвечает. Лампочки и оборудование всякое протирать надо. — Дембель засмеялся и, чокнувшись металлической кружкой с ребятами, выпил спирт одним глотком и шумно выдохнул. — Хорошо развел, молодой, молодец!

— Ты же учил.

— Я-то я, но не всегда у тебя получается.

Потом стали петь песни.

— Скажи, как там у вас с девчонками? — спросил вдруг дембель, обращаясь к Петру.

— Что именно?

— Ну, какие они? Я до армии погулять-то толком не успел. С одной переписывался, а она возьми и замуж выди. Вот кто она после этого?

— Не знаю... Два года — это долго. Встретила кого-нибудь. Она же с людьми общается, это ты взаперти сидишь.

— Не совсем, — гордо заявил дембель. — Я с продавщицей магазина дружу. Славная дивчина. Она жена одного молодого лейтенанта. Недавно устроилась.

— Как это? — поинтересовался Закирский. — Замужняя — и с тобой?

— А что? Не со мной, так с другим.

— Вот видишь, — фыркнул Добронравов, — сам такой, а на девчонку обижаешься.

— Но она-то клялась, что дождется. Это же совсем другое дело! — возмутился дембель. И тут зашел прапорщик:

— Федя, там одна лампа на заградительной полосе что-то портит. ЗамениТЬ надо. Сделаешь?

— Блин! — выругался Федор. — Ты как слепой. Не видишь, что ли, у меня гости сидят. Не могу я сегодня. Сам сходи и замени, если надо.

Прапорщик молча постоял немного, тяжело посмотрел на Федора и вышел.

— Что-то я совсем ничего не понимаю. Ладно, солдату ты приказываешь, но прапорщику? — удивился Добронравов.

— А он тоже молодой. Недавно у нас появился. Пусть привыкает. А если меня демобилизуют, что он делать будет? Ты пойми, дембель — это не слово, это состояние. Если хоть на одного кто-нибудь за... — он осекся, — кто-нибудь полезет, то мы все его учить будем. Вместе мы сила!

Песни пели до трех утра.

— Пора, — сказал наконец Петр. — Завтра рано вставать, я не выслююсь.

— Может, еще посидите? — принял упрашивать Федор. — Хорошо с вами. Вы из той жизни, гражданской. Мне интересно.

— Нет, спасибо. Идти надо, — не сдавался Петр.

В казарме они тут же натолкнулись на дневального Мишку, однокурсника Добронравова.

— Ну все! Влетели вы крепко, ребята! — торжественно заявил он.

— Почему это? — поинтересовался Петр.

— В час ночи наши офицеры проверку устроили. Вас не досчитались.

— Так мы же еще не служим? Только устраиваемся, — возразил Лева. — Какую проверку?

Но наутро на построении им троим приказали сделать два шага вперед, а потом отправили на кухню чистить картошку.

Остальных же заставили маршировать. Объяснили правила: в туалет и столовую можно ходить только строем. За забор не выходить — будет считаться самоволкой. Воротнички всегда должны быть чистыми.

Когда пошли первый раз в столовую, Добронравов стал в последний ряд, подальше от командира.

— Добронравов! — услышал он голос однокурсника Генки, который хотел встать на его место, — последними идут дембеля.

Петр пригляделся: на погонах Генки была пришита одна тонкая полоска.

— А ты что, ефрейтор, что ли? — уточнил Добронравов.

— Нет, старший матрос. Я во флоте служил.

— Понятно, — буркнул Петр. — Знаешь, а я не служил, но буду стоять там, где хочу. Ты армию сюда не примешивай. Мы же на месяц всего. Какой ты дембель для нас? Здесь все курсанты.

— Нет, — возразил старшина, староста курса, — нас, кто служил раньше, собрал утром замполит и поручил вас молодых курировать. Мы все звания имеем. Так что считай — дембеля.

— Знаете, — возмутился Добронравов, — вы, может, и дембеля, но для меня будете просто однокурсниками.

Вечером опять пели. Стол не накрывали — на ночном построении забрали все лишнее.

— Слышишь, Добронравов, — сказал однокурсник Виктор, — ты поешь хорошо. Хочешь, мы тебя заберем к себе в ансамбль?

— Куда это? — удивился Петр.

— Нам поручили самодеятельность организовать. Концерт будет. От муштры на время репетиции курсантов освобождают.

— Клево! — обрадовался Петр. — Тогда я с вами.

На следующее утро после завтрака Петра вызвал на собеседование замполит.

— Можно? — спросил Добронравов, открывая дверь кабинета.

— Не «можно», а «разрешите войти». Выйди и доложи как положено.

— Разрешите войти? — нехотя переспросил Петр.

— Входи. Слушаю.

— Я Добронравов, мне сказали, что вы меня вызывали.

— Ты раньше служил в армии?

— Нет.

— А на сборах был?

— Нет.

— Так какого хрена ты песни распеваешь, позоря высокое звание солдата?

— Я плохих песен не знаю.

— А что, не ты разве пел: «Прощай навек, зеленый цвет, уходит грусть солдатских лет...»? Чем тебе зеленый цвет не угодил?

— Так это же песня. Она про любовь. Мне мой друг переписал, который служил. Мы вместе пели. Слов из песни не выкинешь.

— Правильно, — подхватил майор, — поэтому ты выкинешь песню. Я тебе запрещаю ее петь. Иначе будут у тебя проблемы. Понял?

— Понял.

«Интересно, — подумал Петр, — было нас семь человек. Кто заложил?»

На следующий день после обеда курсантов повели строем в кино. Кинотеатр располагался в другой части. Показывали «Парень из нашего города». Добронравов видел этот фильм раз пять.

— Петя, пошли в туалет сходим? — предложил Лева, сидевший рядом.

— Не, я не хочу.

— Мне одному тоже неохота, а терпеть сложно.

— Ладно, пошли, — вздохнул Петр.

— И я с вами, — подхватился Закирский.

Когда вышли на улицу, Петр сказал:

— Давайте я не пойду с вами? Я пить хочу.

К тому моменту он уже знал, что рядом с кинотеатром находится столовая. Подойдя к входу, он увидел человек пять нерусских солдат, сидевших на скамейке. Их отдраенные хромовые сапоги в гармошку блестели на солнце.

— Ребята, привет! Где тут можно попить?

Они молча посмотрели на Петра.

— Где попить говорю можно? — громче спросил Петр, полагая, что в первый раз они не услышали.

— Там... — один из них нехотя показал на дверь в столовую.

В столовой возились несколько русских солдат.

— Ребята, где здесь попить можно?

— Вон кран, — сказал один.

— А кружку где взять?

Молчание. Петр опять повторил вопрос, на этот раз громче.

— Кружки нет.

— А где есть? — Добронравов уже начинал нервничать.

— У них спроси, — пробубнил один из солдат, показав на вход.

— У тех, кто на лавке сидит?

— Да.

Возмущенный Петр вышел и снова обратился к сидящим на лавке солдатам:

— Вы что сразу не сказали, что кружка у вас?

Тогда один из них встал и крикнул в кухню:

— Дай попить.

Во двор тут же выбежал солдат, в руках его была полная воды кружка. Напиться воды Добронравову так и не удалось, но просить снова он больше не стал.

Туалет находился на противоположной стороне широкого плаца, прямо напротив столовой. Пройдя треть пути, Петр вдруг услышал:

— Зема! Эй, зема!

«Странное имя», — подумал он, продолжая идти, не оборачиваясь.

— Ты чо, не слышишь, што ли, зема?

Тут Петр понял, что это его зовут, и обернулся.

— Ты ко мне, что ли, так обращаешься? — возмутился он.

Солдат кивнул:

— Иди сюда, зема. Совсем, что ли, оглох?

— Кто это зема, я? Это ты мне так говоришь? — разозлился Петр. — Сам ты зема. Если надо, сам иди.

— Иди сюда, что тебе сказал.

— Сам иди.

Лицо солдата исказилось от злости, и он быстро подошел к Петру:

— Ты совсем оборзел, что ли? В морду хочешь?

— Я, что ли? А ты сам не хочешь?

— Ты посмотри, и правда оборзел, — обратился солдат к сидящим на лавке товарищам. — Пошли за угол поговорим.

— Пошли.

Как только повернули за угол, солдат неожиданно двумя руками с разворотом ударил Петра. Его правый локоть метил в челюсть, а левый кулак — в солнечное сплетение.

Но Петр автоматически поставил блоки, удары смазались, и солдат упал. Правда, и Петр потерял равновесие от неожиданности. Вскочил он быстро и успел схватить противника за ногу, которой тот пытался ударить его в пах. Петр крутанул ногу, и солдат снова повалился на землю. Петр бросился на него и крепко схватил сзади, когда тот начал вставать. «Их было пять человек, — подумал Петр, — если я его сейчас положу, они меня просто так не отпустят. Убьют, никто и не узнает. Главное, в кинотеатре столько наших и никого со мной».

Из-за угла показались остальные. Увидев их, солдат стал истерично кричать, пытаясь вырваться:

— Сука! Курсант поганый. Я тебя сейчас...

Но вырваться ему никак не удавалось. К ним не спеша подошел коренастый невысокий парень и оценивающе посмотрел на Петра, мертвой хваткой вцепившегося в противника.

— Хватит... Я сказал, хватит! А ты не дергайся, раз попался, — обратился он к солдату. — Отпусти. — Он снова посмотрел на Петра. Солдат в руках Петра тут же притих.

— Ты откуда такой борзой взялся? — спросил крепыш.

— Из Иркутска.

— И много вас таких?

— Сто пятьдесят человек. В кинотеатре сидят. Кино смотрят, — зачем-то уточнил Петр.

— Давай будем знакомиться. Юсуп. — И парень протянул руку. Когда Петр знакомился с последним из солдат, Умаром, из-за угла столовой показались Закирский с Левой. Знакомство началось по новой.

— Ну ты даешь! Не успели мы в туалет сходить, а ты уже со всеми дембелями познакомился, — восхитился Закирский, когда они строем возвращались в свою часть.

— А они что, дембеля? — удивился Петр. — Откуда знаешь?

— Так у них сапоги гармошкой. Только дембеля такие носят.

— Ничего себе! — удивился Петр. — Они же меня убить могли.

— За что?! — удивился Закирский.

— Я ведь знакомился уже после драки. Они чеченцы. Думал, когда за угол зашли, прибьют и даже как зовут не спросят. Но Бог миловал. Не знаю, стал бы я драться, если бы знал, что они все дембеля.

— А из-за чего они с тобой дрались? — поинтересовался Лева.

— Земой меня назвали.

— И что? Они ж тебя просто земляком назвали, — удивился Генка. — Земой в армии земляков зовут. А ты дембеля заставил к тебе идти. Не положено здесь так.

— Не хочешь от муштры отмазаться? — спросил Петра на следующий день Лева.

— А как?

— На концерте мы хотим несколько миниатюр поставить. Мне поручили артистов собрать, кто в институте в СТЭМ ходил. Я тебя записал.

— Меня? — удивился Петр. — Я же никогда в театре не играл. Это ты у нас профессионал.

— А что там уметь?! Я тебе все расскажу. Все будет нормально.

Петр стал заниматься и в театре, и в ансамбле. Впрочем, его все устраивало, лишь бы на плацу тупо не маршировать. Строевую подготовку для переростков, специалистов без пяти минут с дипломом, он считал форменным издевательством.

Наконец настал день присяги. В строю все по очереди читали клятву.

По слухам присяги после обеда дали свободное время.

— Пошли в магазин сходим? — предложил Лева.

— Так нельзя же за забор выходить, — возразил Петр.

— Я не привык долго без витаминов жить. Организм просит.

— Ладно, пойдем.

Как всегда, пошли втроем. Купили трехлитровую банку томатного сока. Когда выходили из магазина, нарвались на патруль:

— Курсанты? — спросил прапорщик красной повязкой. — Почему воротничок не пристегнут? — обратился он к Петру.

Петр застегнул.

— Ваши служившие выпендривались вчера передо мной. Вы попались в самоволке!

— А зачем на нас-то отыгрываться? Мы же ничего не делали? — спросил Лева.

— Вы? — грозно посмотрел прапорщик. — Вы в самоволке! Вас на губу посажу, другим неповадно будет. Шагом марш за мной! — И пошел впереди.

— Может, ты ему в челюсть дашь? — спросил Закирский.

— Кому? — изумился Петр.

— Прапору! Что он на нас катит! Ты ведь можешь.

— Нет, не могу. Он же на службе. Кобура у него, видишь, оттопыривается. Давай лучше сбежим. Наша часть за забором, а перед ним — состав. Мы быстро под него прыгнем и деру. Убежим как пить дать!

— Давай.

Ребята со всех ног припустили в сторону железной дороги. Курсанты были уже перед проходной, когда увидели, как прапорщик выхватил из кобуры пистолет и закричал:

— Стой! Застреля! Стой!

Предполагая, что он может выстрелить, Петр решил побежать вдоль забора, где росли высокие тополя. Он видел в кино, как, виляя, убегали от преследователей разведчики. Петр рванул вперед, огибая тополя, которые, по задумке, должны были прикрывать

его. Оглянувшись, он увидел, как Закирский спрятался за зданием, а Левы уже и след простыл.

— Фу... — с облегчением выдохнул Петр, — пронесло!

Но Закирский попался. Его выдал солдат с вахты, которому угрожал пистолетом прапор. Петр решил помочь другу с помощью курировавшего их прапорщика Сычева.

— Можно как-то вытащить парня? Мы ведь ничего не делали. Тот прапор сам накинулся на нас.

— Ладно, — согласился Сычев, — попробую что-нибудь сделать.

— С нас бутылка! — пообещал Петр.

Закирский объявился вечером.

— Ну как там, на губе? — спросил Петр.

— Нормально! — гордо вскинулся Закирский. — Там был я и еще один солдат. Пытался на меня наезжать, но я его отшил.

— А как выпустили? Прапор помог?

— Замполит пришел.

— А что-нибудь спрашивал?

— Про тебя. Был ты или нет. Я сказал, что был, иначе бы не выпустили.

Наконец сборы закончились. Концерт прошел успешно, программа всем очень понравилась. Стали собираться домой. И тут майор Подымайло объявил:

— В Иркутск полетите самолетом. Командир за хорошую службу договорился, и вы, как будущие авиационные врачи, сможете узнать, как перевозит военнослужащих военно-транспортная авиация. Но шесть человек должны остаться: разобрать кровати и навести порядок в казарме. Добровольцы есть? Нет! Тогда останутся те, кто нарушал дисциплину. Они поедут поездом.

Добронравова в списке нарушителей не оказалось.

И вот уже закрыли двери, включились моторы Ан-12, пилоты готовились к взлету. Неожиданно дверь открылась.

— Добронравов?

— Я!

— Выйти с вещами из самолета.

— Зачем?

— Приказ замполита. Останешься помогать. Поедешь поездом.

— Но меня нет в списке!

— Тебя случайно забыли. Ты должен там первым стоять.

— Мужики! Дайте взаймы хоть немного, — обратился Петр к однокурсникам, — все же сутки пилить на поезде. Может, со мной? — обратился он к Закирскому и Леве. Но те лишь молча дали денег.

Самолет взлетел. Уже на следующий день Добронравов ехал в поезде. Сослуживцы накрыли общий стол.

— Слушайте, а как получилось, что меня из самолета вытащили? — спросил Добронравов. — Кто-нибудь знает?

— Тебя Генка сдал, — усмехнулся Семен. — Когда вы в самолет садились, он политрука попросил тебя оставить.

— А зачем ему это надо было?

— Так он же сексот. Он, когда в армии служил, доносил на своих. И на нас тоже. Они теперь по жизни такие, на учете.

— А ты откуда узнал? — спросил Петр Сему.

— Мой отец военный. Уж я-то знаю, поверь.

Добронравов взял гитару и запел, другие подхватили. Так душевно он не пел еще ни одной песни:

Прощай навек, зеленый цвет,
Уходит грусть солдатских лет.
Колеса поезда стучат,
Теперь я больше не солдат,
И этой музыки колесам не понять...

СТУДЕНЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Последнее студенческое лето пролетело быстро. До шестого курса Добронравов жил по принципу: от сессии до сессии живут студенты весело! Но когда осознал, что через год начнется самостоятельная жизнь, очень расстроился. Тогда он решил приобрести книги по предметам, которые проходят на последнем курсе медицинского института, и получше подготовиться к началу занятий.

В магазине нашлась только одна книга — «Острый лейкоз». «Что ж, — подумал Добронравов, расплачиваясь в кассе, — на безрыбье и рак рыба!» На следующий день на родительской даче в Селиванихе, устроившись под раскидистым кустом сирени, он достал небольшую, в мягком переплете книгу.

— «Острый лейкоз», — зачем-то вслух прочитал Добронравов, — монография.

«Что бы это могло значить — „монография“? — подумал он. — „Моно“ — значит «один, единственный», — догадался Петр, — а „графия“ — это... скорее всего, переводится как „написано, нарисовано“. Значит, книга написана одним автором! — он еще раз посмотрел на обложку и увидел три фамилии. — Значит, на одну тему. Это сколько же нужно прочитать книг только по одному предмету — гематологии? А еще учить кардиологию, пульмонологию, нефрологию... Да чего только не учить! Разве можно все успеть прочитать, а главное, запомнить?»

В задумчивости сидел Добронравов, не решаясь начать чтение. «Неужели, чтобы стать настоящим врачом, необходимо прочесть все книги на свете? Когда же врачи живут: воспитывают детей, ходят в кино, готовят еду? Или многие из них получают знания только из учебников и справочников?»

Наконец Добронравов стал читать. Многие слова были ему неизвестны. Он перечитывал их по несколько раз, пытаясь запомнить. Чтобы было легче выучить признаки заболевания, стал примерять их на себя. «Первые симптомы заболевания: слабость, повышенная утомляемость, вялость, сонливость, частые простудные заболевания». Пожалуй, все это у него есть, но такие симптомы встречаются почти у всех студентов и у больных другими заболеваниями. Ладно, пойдем дальше: «При осмотре у больных можно заметить повышенную бледность...»

Добронравов подошел к стоявшему перед летней кухней рукоятнику, в который было вмонтировано маленькое, потрескавшееся, замусоленное зеркало, но в нем не смог толком ничего разглядеть. Тогда зашел в дом и взял круглое зеркальце от бывшей маминой пудреницы. Когда зеркальце захватывало лучи солнца, Петру слепило глаза, а когда он менял положение, ему не хватало света. Да и обзора недоставало, так как в зеркальце были видны только отдельные части лица. Тогда Добронравов отложил в сторону зеркальце, снял рубашку и осмотрел живот. Он обнаружил мелкую сыпь, которую было видно только под определенным углом освещения. Такую же сыпь он увидел и на плечах, а на тыльной поверхности кисти правой руки — небольшое, слегка вздувшееся розовое пятно. Сняв брюки, он обнаружил на голенях несколько несимметричных, разной величины синяков. Оценивая цвет кожи, пришел к выводу, что она все-таки бледная.

«Странно, — подумал Добронравов, — раньше такого не было. Когда же это все появилось?» Чтение давалось теперь намного легче, появился спортивный интерес. Темнело. В дом он наконец отправился с чувством, что день прошел не зря. Сразу после ужина лег спать и глаза тут же закрылись сами собой.

Уснул Добронравов быстро, но за ночь много раз просыпался. В голове вертелись многочисленные мысли. Ему казалось, что на нее надели тугой обруч. Во сне Петр все повторял и повторял термины. Иногда они тонули в бурном потоке мыслей

или из них рождались новые слова с измененными окончаниями, иногда терялись первые буквы и слова приобретали совсем другой смысл, а порой они объединялись, превращаясь в сложные, непонятные конструкции... Слова кружились в неистовом вихре на фоне образов больных, среди которых он узнавал своих однокурсников.

Добронравов проснулся, когда было уже часов одиннадцать. Он относил себя к «жаворонкам», поэтому очень удивился столь позднему пробуждению. Он не слышал даже, как родители ушли на работу, чего раньше никогда не было. Решив, что вчера переутомился, Петр пошел в баню.

В Иркутске немного бани, где можно хорошо попариться, и он отправился на Коммунистическую. Тамошняя баня была неухоженной, но парная в ней — сухая и чистая. В бане встретил одноклассника Сашку.

— Ну что, Петя, решил, каким врачом станешь? — спросил Александр.

— Нет, целый год еще учиться. Но точно не хирургом, не гинекологом и не педиатром. Нас после пятого курса разделили по разным потокам.

— Значит, будешь терапевтом?

— Не знаю, может быть. Хотя есть возможность стать узким специалистом, например, невропатологом или кардиологом. Но сразу не получится, надо интернатуру или ординатуру по терапии пройти.

— Это что, опять учиться? — удивился Александр.

— Да, еще год или два.

— Не повезло тебе, все наши уже окончили. Слышал, Витальку в армию призвали?

— Так он же в университете учился, там кафедра военная есть! — удивился Петр.

— Ну его на два года офицером и взяли.

— Ни фига себе! Так и меня могут забрать?!

— А то как же! Конечно, могут.

— Тебе хорошо, ты отслужил молодым. Представляешь, в двадцать три года париться на службе, имея диплом врача!

— А ты больным заделайся, типа плоскостопие какое-нибудь сваргань. — Сашка задорно улыбнулся.

Вечером Добронравов понял, что прочитал вчера всего пятьдесят страниц — только одну треть. Но дальше читать не стал. После бани разморило, и он улегся спать.

С утра, однако, Добронравов продолжил самообразование. Он узнал, что у больных лейкозом могут быть изменения на коже в виде красных, слегка припухших плотных пятен, которые называют «лейкемоиды». Нередко бывают и синяки, так как нарушается свертываемость крови. И тут Петр задумался: «Если собрать все воедино, то получается, что многие симптомы острого лейкоза у меня имеются». Он заметил, что в последнее время стал невнимательным, присутствовала и слабость. И то правда, читать книгу он себя едва заставил, а усваивался материал тяжело. К тому же летом он целых два раза переболел ангиной. Кожа у него бледная, сыпь имеется. На руке обнаружился и лейкемоид, на ногах — синяки. Картина заболевания вырисовывалась четкая. Нет, конечно, Петр всерьез не думал, что болеет острым лейкозом, но на душе стало неспокойно.

«Интересно, а какой же прогноз?» — подумал он. Добронравов нашел в книге интересующий раздел. Оказалось, что острый лейкоз имеет несколько форм, но все, кроме одной, крайне неблагоприятны. Почти сто процентов больных умирают в течение полутора с момента возникновения заболевания. И только при лимфолейкозе можно прожить до трех лет. У Добронравова часто забилось сердце, на лбу выступила испарина. Неужели заболел?! Как же проверить? Петр стал быстро листать книгу: «Подтверждением диагноза являются лабораторные методы исследования, — прочитал он, — развернутый анализ крови и стернальная пункция». «Значит, надо срочно сдать анализ крови! — решил он. — Но кровь берут только по утрам». Добронравов не заметил, как стал размышлять вслух, прохаживаясь по своей комнате:

«Придется подождать до завтра, хотя тут каждый день дорог. Полгода жизни... Ничего себе! Получается, что сразу после Нового года я могу умереть. Но как могло получиться так, что я заболел? В книге сказано, что заболевание часто возникает после поездки на юг, когда люди подвергаются интенсивному солнечному воздействию. Но я не был на юге, я был на сборах... Да, но мы постоянно находились на улице. Точно! Погода ведь была солнечная. Неужели я там облучился? Стоп! Сборы были в Читинской области, а там добывают уран, а значит, повышенная радиация. Я находился целый месяц под солнцем в месте с повышенной радиацией. Два негативных фактора наложились друг на друга и развилось заболевание. Но ведь со мной служили еще сто пятьдесят человек, они же не заболели! Хотя, откуда я знаю? Может, и они уже болеют? Нет, этого быть не может, иначе бы нас всех давно госпитализировали. Тогда почему я заболел?»

Добронравов стал вспоминать, что предшествовало сборам. За неделю до поездки он вместе с Сашкой загорал на острове Юность. Стояла страшная жара. Однако они провалились на пляже весь день и даже немного обгорели. Потом он заболел ангиной. Точно, все совпало! Вначале он получил солнечное облучение, ослабил иммунитет, заболел ангиной. Затем, неокрепший, поехал на сборы, постоянно находился под палящим солнцем, снова облучался. Потому-то иммунитет не выдержал и он заболел. Вот он, глупый, безжалостный финал его несостоявшейся жизни. Добронравов мечтал оставить свой след на земле, надеялся, что его будут помнить потомки. И тут такой поворот. Никакого следа он уже никогда не оставит, просто тихо умрет и о нем все быстро позабудут. Петру до слез стало жалко себя и людей, которым мог бы принести много пользы, останься он в живых. Он верил, что открыл бы средство от старения, изобрел бы лекарство против рака. Но теперь из-за какой-то дурацкой болезни все изменится. Какая дикая несправедливость! И еще ему было жаль родителей, ведь они верили в него, любили, надеялись. Как им сказать? Нет, пока рано говорить. Надо сделать анализ крови, что-

бы быть до конца уверенным в диагнозе. Может, он ошибается? Петр решил успокоиться и забыть до завтра о проблемах. Он пытался отвлечься, но мысли о болезни не отступали.

Результаты анализа выдали только на следующий день после сдачи крови. Добронравов не решался некоторое время взглянуть на них. Однако все показатели оказались в пределах нормы. Но Добронравова это не удовлетворило. Он открыл снова книгу и стал внимательно читать о первых проявлениях заболевания. Оказалось, что нормальные показатели крови вовсе не гарантия здоровья, так как опытный специалист может разглядеть в нем признаки диссоциации лейкоцитов, которые были налицо. На следующий день Добронравов пошел в читальный зал институтской библиотеки, где обнаружил большую толстую книгу по гематологии. В ней подробно описывался острый лейкоз и его начальные проявления. Данные подтверждали выводы Добронравова. Окончательную точку могло поставить клеточное исследование пунктата грудины, которое можно было провести только в условиях стационара.

Добронравов решил никому ни о чем не рассказывать до начала занятий, так как собирался посоветоваться с преподавателем. На кафедре госпитальной терапии, узнав, что цикл по гематологии должен начаться через неделю, Петр сдал еще раз анализ крови и принялся с нетерпением ждать результатов.

Занятия проходили на базе областной больницы. Преподаватель, Мария Андреевна, худая высокая женщина с неприятно выступающим животом, согласилась проконсультировать Добронравова.

— Так вы говорите, что сдали анализ крови. Покажите... — Она быстро просмотрела его и сообщила: — Можете не переживать, все у вас в порядке.

— Да, но как же тогда симптомы?

— Какие симптомы?

— Начальные симптомы заболевания. У меня слабость, которая появилась в конце лета, сразу после поездки на сборы в Читинскую область. Там повышенный радиационный фон. После

приезда у меня обнаружились синяки на ногах, сыпь на коже и лейкемоид на руке — в доказательство Добронравов поднял правую руку. — Вот смотрите.

Мария Андреевна взяла руку Петра и стала внимательно ее разглядывать.

— А откуда вы знаете, что у вас лейкемоид, а не что-нибудь другое?

— Так вы посмотрите, все характерные признаки: плотное на ощупь, слегка припухшее пятно...

— А вы еще говорили про сыпь и синяки. Покажите.

Добронравов расстегнул рубашку и, не снимая, оголил живот. Затем приспустил брюки. Он заметил, как уверенность на лице преподавателя стала таять. Петр усилил атаку:

— Вы говорите, что анализ хороший, но ведь там четко просматривается клеточная диссоциация, которая нарастает. Вот, смотрите. — Он подал последний анализ.

Мария Андреевна взяла в руки листочек и в этот раз уже долго его изучала.

— Что же вас смущает? Я ничего плохого не вижу, — неуверенно произнесла она наконец.

— Я недавно прочитал монографию «Острый лейкоз», совсем новую. Там в качестве примера приводится такой же анализ, как у меня. Кроме того, я еще в нашей библиотеке прочитал руководство по гематологии, там про это тоже говорится.

Мария Андреевна молчала. Через некоторое время она осторожно заметила:

— Знаете, вам необходимо сделать пункцию грудины. Может, там все нормально? И не о чем тогда переживать.

— Но вы согласны, что есть много признаков острого лейкоза?

— Надо сделать пункцию и только после этого можно уверенно о чем-то говорить. Хотите, я договорюсь?

— Можно я подумаю?

— Конечно, — облегченно выдохнула Мария Андреевна. — Ну все, я тороплюсь. Когда решите, приходите.

Добронравов увидел, нет, почувствовал, что она согласилась с его выводами. «Она не нашла ни одного аргумента, чтобы разубедить меня, — разочарованно подумал он, — а я так надеялся. Думал, сегодня закончатся мои мучения. Что же, значит, смерть?! А, может, сделать пункцию, ведь тогда уже не останется никаких сомнений? Хотя, что мне это даст? Допустим, результаты подтверждают наличие заболевания. Это знание только еще больше станет меня угнетать. А если будет хороший анализ, разве не появятся новые сомнения в его достоверности и объективности? Нет, ничего это не даст».

Добронравов решил рассказать все маме, теперь уже скрывать болезнь не имело смысла. Она лежала в больнице: три дня назад ее экстренно госпитализировали с острым аппендицитом и прооперировали. Конечно, лучше бы подождать, когда ее выпишут, но Петр нуждался в поддержке, ему было очень плохо. А рассказывать про свою болезнь другим он не хотел.

Мама обрадовалась приходу сына. Врач уже разрешал ей вставать, но при ходьбе она все еще держалась за правый бок, слегка прихрамывала, и крепко сжимала зубы, чтоб не стонать.

— Как ты, сынок? Что, уже занятия закончились?

— Да, сегодня всего три пары.

Петр не знал, как начать. Ему очень не хотелось расстраивать маму.

— Мама, я хочу с тобой поговорить.

— О чем?

— У меня острый лейкоз.

— А что это такое?

— Это рак крови. Мне осталось жить совсем немного.

— Ты так шутишь? — Она криво улыбнулась, пронзая сына колючим взглядом.

— Нет, мама, не шучу. Я сейчас был у врача, он подтвердил диагноз.

У Петра повлажнели глаза. Он ждал, что мама крепко обнимет его и начнет утешать.

Но ее реакция поразила его.

— Сколько тебе осталось?

— Не больше полгода.

Она отвернулась, держась за бок, скрипнула зубами, видимо, от боли. После минутной паузы, продолжила:

— Что ж, если это так, крепись, видно, так Богу угодно. Что ты намерен делать?

— Я не знаю, поэтому пришел к тебе, я еще никому не говорил. А что бы ты сделала на моем месте?

— Я бы стала делать то же, что делала до болезни, только еще лучше и быстрее. Я бы не стала пить водку, бросать работу, плакать. Наоборот, постаралась бы сделать больше. Сынок, сделай как можно больше добра людям, чтобы они о тебе хорошо вспоминали.

— Но что я могу сделать, ведь я учусь?

— Так постарайся лучше учиться. Вспомни, что планировал ранее, но так и не претворил в жизнь. Постарайся все дела доделать.

Добронравов ушел ошеломленный — он ожидал другого. Мама даже не расплакалась. Быстро согласилась с его доводами. Сразу же приняла его скорую смерть.

С неба медленно падали крупные одинокие снежинки. «Первый снег, — подумал Добронравов, — а для меня уже последняя зима. Переживу ли ее? Может быть, но лета явно не увижу. А весну? Интересно, смогу ли увидеть весну, хотя бы ее начало?» Петру вдруг отчаянно захотелось увидеть еще хотя бы раз, как распускаются почки на деревьях, поднимается зеленая трава, цветут ярко-желтые одуванчики, почувствовать на своей коже теплые лучи солнца. Он повернулся к солнцу, которое едва проступало из-за тучи, поднял руки в его сторону, как будто хотел ласково обнять:

— Солнце, помоги мне. Если ты меня слышишь, дай мне возможность дожить до весны. Ведь я прошу немного, только до весны! — Оностоял так несколько минут, мысленно обращаясь

к солнцу. Затем, вспомнив слова мамы, продолжил, не меняя позы: — Боже, помоги мне! Я не знаю, есть ты или нет, но если ты существуешь, услыши меня. Прости за мои сомнения. Если можешь, спаси меня, дай силы побороть болезнь. А если нет, то дай возможность дожить до весны или до начала лета.

Дома Добронравов еще раз вспомнил разговор с мамой: «Делай лучше, делай больше!» Легко сказать, а если нервы сдают? Но мама права, без дела еще тяжелей будет, надо отвлечься от мыслей о болезни. «Да, — решил Добронравов, — буду хорошо учиться, ведь я могу. Стану ходить в кружки, больше читать».

Незаметно наступила весна. Однокурсники не могли понять, что случилось с Добронравовым. Он перестал пропускать занятия, зимнюю сессию сдал на «отлично». Сделал доклад на городской студенческой конференции, получил грамоту от самого академика Ведова. Упорно работая, он забыл про болезнь, отдавшись на откуп судьбе и Богу. Прошло восемь месяцев с момента, как он «заболел», но силы не оставляли Петра. Напротив, он стал более активным и работоспособным. И сейчас Добронравов всем сердцем радовался весне. Как будто видел все в первый раз. «Если доживу до лета, значит, выздоровел!», — думал он. Анализы крови и пункцию Петр решил не делать. Зачем?

Диплом Добронравову выдали одному из первых на курсе и, хотя он не был красивым, большинство оценок в аттестате были пятерки. Его дополнительно отметили грамотой за успешное выступление на Российской студенческой конференции в Москве, откуда он привез диплом первой степени. После окончания института Добронравову предложили место в ординатуре.

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

Открыв дверь в ординаторскую, он вошел в просторную комнату. Там стояло несколько столов, за которыми сидели люди в белых халатах.

— Здравствуйте! Я Добронравов. Меня к вам отправили, — громко сказал он, не зная к кому конкретно обратиться.

Врачи изучающе посмотрели на него.

— Вы кто, студент? — спросила яркая немолодая блондинка, сидящая в углу. Из-под ее халата выглядывала розовая кофточка, гармонирующая с цветом помады.

— Нет, ординатор.

— Так это вы? — улыбнулась женщина. — А я заведующая отделением, Надежда Герастовна. Слышали-слышали про вас. Ну что ж, присаживайтесь. — Она показала на стул, стоящий рядом. — Откуда вы к нам, насколько, как вас зовут?

— Петр Николаевич. Мне на кафедре сказали, чтобы я пока пошел к вам работать. А позже мне дадут план, — засмущался Добронравов.

— Обычно в каждом отделении ординаторы работают по два месяца, но могут остаться на четыре и даже более. Вы у нас наукой планируете заниматься?

— Я не знаю. Пока не думал.

— У нас очень хорошие учёные в пульмоторапии. Самые лучшие на вашей кафедре. Потягин вот уже без пяти минут доктор наук. Вы знакомы с ним?

— Нет.

— Он вам наверняка понравится. Красивый мужчина. — Надежда Герастовна заулыбалась еще шире.

Добронравов чувствовал себя как на экзамене. Его, казалось, внимательно изучали. «Наверное, другого ожидали увидеть», — с тоской подумал он.

— Ну что ж, познакомьтесь с нашими врачами. Это Татьяна Алексеевна, можно сказать, мой заместитель, — показала она на фигуристую женщину. — Это — Мелена Николаевна, она скоро в декрет пойдет, поэтому вас к нам и отправили. И Геннадий Николаевич — ассистент. Больных в нашем отделении — сорок пять человек. Так что работы всем хватит. — Надежда Герастовна снова широко улыбнулась, пытаясь оценить реакцию Добронравова. Но он только молчал, глядя на врачей. Смутился.

— Татьяна Алексеевна будет вас курировать. Она вам передаст свою палату. Есть вопросы?

— Пока нет, — поспешил ответить Добронравов.

Татьяна Алексеевна встала и улыбнулась:

— Ну что, пошли?

Когда они вышли из ординаторской, она продолжила:

— Скажи, ты раньше где-нибудь работал? Что-то очень молодо выглядишь.

— Нет, я только после института, — честно признался Добронравов.

— Понятно. Обычно в ординатуру приходят учиться те, кто уже имеет практический опыт. А в ординатуре уже повышают квалификацию. Или хотят в дальнейшем получить специализацию. А у тебя все не так. Честно скажу, нелегко тебе придется. Больные-то у нас разные. А как ты вообще попал в ординатуру?

— Меня пригласил академик Ведов. Я хорошо выступил на городской научной конференции с докладом, а затем еще и в Москве. Когда окончил институт, он предложил мне пойти к нему в ординатуру.

— Теперь все ясно. Значит, на тебя лучше не надеяться. Ты науки станешь заниматься, а мы — больных лечить.

— Почему это? — обиделся Добронравов. — И я буду лечить. Мне же положено.

— А специальность уже выбрал?

— Пока нет. Думаю, через год определиюсь.

— Здравствуйте! — громко обратилась Татьяна Алексеевна к больным, когда они вошли в палату. — Теперь вашим доктором будет... — Она замялась. — Как твое отчество? — тихо спросила.

— Петр Николаевич, — прошептал Добронравов.

— Петр Николаевич, — опять громко заговорила Татьяна Алексеевна.

— А вы нас почему покидаете, Татьяна Алексеевна? Мы к вам уже привыкли.

— Хотелось бы, чтобы вы нас долечили. А потом уже меняйте врача, — проворчал пожилой больной.

Добронравов поймал на себя внимательные взгляды больных — его словно током прошибло.

— Вы нас что, хотите студенту передать? — спросил больной, лежащий на кровати в левом углу.

Он надсадно приступами кашлял, при этом страшно краснея. Голос его был грубым, лицо — морщинистым.

— Нет, конечно! — Тут же посерезнела Татьяна Алексеевна. — Как вы могли подумать. Это ординатор, опытный врач. Чтобы попасть в ординатуру, знаете, сколько пройти надо? — Она чуть запрокинула голову, покачала ей и театрально закатила глаза. — Ого-го сколько!

— Что-то он больно молодой...

— Просто хорошо сохранился! — Татьяна Алексеевна улыбнулась и опять громко заговорила: — Ну все, я пошла. У меня дел выше крыши. А вы, — она посмотрела на Добронравова, — знакомьтесь с больными и работайте.

Она стремительно вышла из палаты, плотно закрыв за собой дверь.

В палате, рассчитанной на пятерых, две кровати были приставные — мест не хватало. У одного больного оказался острый плеврит, он уже лежал две недели. Больной в левом углу поступил всего неделю назад, и диагноз пока был под вопросом. Еще двое

лежали с хроническим бронхитом в стадии обострения. Один — с обострением хронической пневмонии. Пациент, выглядящий подозрительно здоровым, поступил вчера и никак не мог четко сформулировать свои жалобы. Было непонятно, каким образом он вообще попал в легочное отделение. Одно место пустовало, но недолго. Вечером положили нового больного с бронхиальной астмой, инвалида второй группы, гормонозависимого. Фамилия у него была необычная — Голпе. А звали Генрих Гарикович. Добронравов, заполняя историю болезни, удивился его жалобам. Генрих Гарикович утверждал, что приступы удушья у него возникают тогда, когда его мокрота в правом легком перемещается с бронха третьего сегмента в пятый.

— А вы что же, чувствуете это? — удивился Петр, прикидывая, где эти бронхи вообще находятся. — Вы что, врач?

— Нет, я инженер, — ответил больной, — но я ученый и привык сам до всего докапываться. Я много книг прочитал по медицине.

— Понятно, — задумчиво произнес Петр, хотя ничего понятно ему не было.

Насколько он помнил, в бронхах нет чувствительных рецепторов. Перемещение мокроты человеку определить невозможно. А тем более так четко. «Надо будет почитать на эту тему. Может, я чего-то упустил при обучении», — подумал он.

Подвижный больной невысокого роста с неясным диагнозом, писатель, тоже удивил Добронравова. Все его жалобы заключались в том, что он говорил: «Вот!» — и, сжимая кулак правой руки, ударяя им в верхнюю часть грудины.

— Вам трудно дышать? — поинтересовался Добронравов.

— Нет.

— Затрудняетесь глотать?

— Нет.

— Сердце болит?

— Нет.

— А что же вас тогда беспокоит?

Он удариł себя в грудь и сказал: «Вот!»

«Мда... веселенькая компания! — подумал Добронравов. — Придется немало книг поднимать. И как это Татьяна Алексеевнаправлялась?»

Вечером в институтской библиотеке, просмотрев несколько монографий, Петр нигде не нашел указаний на том, что можно чувствовать перемещение мокроты. Но Голле показывал расположение бронхов правильно. «Вот что значит ученый! — подумал Добронравов. — Я окончил медицинский и то не смог бы показать расположение сегментов легких на себе. Что-то здесь не так».

Как выяснилось, больной в левом углу поступил после бани. Он недавно освободился из мест лишения, нигде не работал, жил в деревне. Однажды один его приятель организовал баню. После нее-то он не дошел до дома и уснул прямо на улице. В ту ночь выпал снег и ударил мороз. Нашли его утром. Он мирно спал. Вначале казалось, что происшествие останется без последствий, но затем он начал кашлять. А через пару дней в легком образовалась дырка, вышел гной. Предварительный диагноз: деструктивная пневмония, абсцесс легкого. В больнице бедолага лежал уже две недели, а улучшения все не было, что ставило под сомнение диагноз. «Необходимо исключить рак легкого и туберкулез», — подумал Петр.

Добронравов вынужден был каждый день ходить в библиотеку и читать. А утром начинать все сначала. Обход длился с девяти до одиннадцати. И все удивлялись, что можно делать в палате с семью пациентами так долго?

— Ты что, им лекции читаешь, что ли? — не выдержала наконец Надежда Герастовна.

— Нет. Но всегда отвечаю на вопросы, которые мне задают. А их очень много.

— Да, если бы мы так работали, нам бы и домой ходить не надо было. У тебя их всего семь, а у каждого из нас по двадцать.

— Больные сложные, — сказал Добронравов, — надо разобраться. Приходится уточнять жалобы и заодно отвечать. Они все мнительные. Беседы им помогают.

— А ты что, психиатр, что ли? Ты часом сам с ними не свихнешься?

— Постараюсь избежать этого, — отшутился Добронравов.

В отделении стали распространяться слухи, что в седьмой палате появился суперврач.

Все больные завидовали тем, кто там лежал.

— Повезло вам, — говорили они пациентам Добронравова, когда играли в карты. — Наша прибежит, спросит только, как дела, и тут же ее и след простыл. Не каждый день осматривает даже. А ваш у каждого давление измерит, сердце послушает, легкие. Помнет живот. Беседует. Все бы такие были.

Обследовав писателя и так ничего и не найдя, Добронравов пришел к выводу, что тот нуждается в психотерапевте. Но их в больнице не было. Да и на весь город было всего два, ну максимум три. Они лечили в основном алкоголизм и сексуальные нарушения. «Что ж, — подумал Петр, — придется что-то самому сделять». В такой же помощи нуждался и ученый. Добронравов постепенно утвердился во мнение, что все предшествующие годы беднягу лечили неправильно. Гормоны помогали, быстро купировали приступы, но они были не нужны. Заболевание у него началось после стресса — развода с женой. Потом он простыл, тогда-то и появились приступы. Их немедленно связали с инфекцией — так и получилась инфекционно-аллергическая бронхиальная астма. Когда стало ясно, что обычное лечение не помогает, добавили гормоны, и инженер стал хроническим больным. По мнению же Добронравова в первую очередь надо было лечить его психику, а не легкие. Нет, писатель и ученый не были душевнобольными. У них было невротическое состояние, и им надо было помочь.

В одно изочных дежурств Добронравов решил провести эксперимент. Он взял в неврологическом отделении баночку антидепрессанта. Больные в палате уже привыкли к тому, что он их посещал не только утром, но и в другое время дня и даже ночи. Когда Добронравов ответил на все вопросы, он достал баночку из кармана и громко объявил:

— Я принес очень сильное лекарство. К сожалению, нашел только один флакон. — Он высоко поднял над головой руку, показывая всем баночку. — Я не смогу дать его всем, хватит только на двоих. — Пациенты завороженно смотрели на Добронравова, пытаясь угадать, кто те счастливчики, которые получат волшебное снадобье. — Итак, лекарство получат только Голпе и Посекин.

Добронравов демонстративно открыл баночку, разделил ее содержимое на две части и выдал лекарство.

Больной в левом углу не сдержался:

— Ясно, опять блатным все самое лучшее.

Другие же наперебой стали спрашивать, не найдется ли еще немного чудесного препарата и для них.

— Пока точно нет. Я обошел всю больницу и нашел только одну баночку. Но... — Добронравов сделал паузу, — я все сделаю, чтобы и вам помочь. Когда лекарство появится, принесу каждому. А пока извините.

Он быстро вышел из палаты и не заходил до утра. Добронравов был уверен, что, когда он ушел, психологическое давление на двух пациентов усилилось, а значит, психотерапевтический эффект от выданного лекарства повысится. Утром на обходе он увидел, что двое больных крепко спят.

— Петр Николаевич, а что с ними? — спросил больной из левого угла.

— Я уже говорил, что дал им очень сильное средство. Пока они спят, могу вам признаться; у них крайне серьезные заболевания. Поэтому-то я и дал им лекарство в первую очередь. Болезнь никак не хочет отступать. Сейчас в их организмах идет борьба не на жизнь, а на смерть. И сон помогает. Но... Я уверен, это лекарство их обязательно исцелит.

— Но мы тоже хотим выздороветь, — сказал больной из правого угла.

Другие его тут же поддержали.

— Я обещаю, что никто не выпишется, пока ему не станет ощутимо лучше, — пообещал Добронравов. — Будьте уверены.

— Спасибо, Петр Николаевич. Мы вам верим! Вы настоящий врач.

В обед, когда Добронравов снова заглянул в палату, больные уже проснулись.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался он.

— Доктор, мне стало существенно лучше! — Посекин сидел очень довольный. — Вы знаете, у меня больше этого нет.

— Чего? — специально уточнил Добронравов, многозначительно глядя на других пациентов.

— Ну... этого... — Он опять показал кулаком на грудину.

— Совсем нет? — опять нарочито громко осведомился Добронравов.

— Совсем!

— Что ж, очень хорошо. Продолжайте лечение. Необходимо выпить все таблетки, которые я вам выдал, чтобы закрепить результат. А у вас как дела? — спросил он у Голпе.

Тот, явно сомневаясь в своих словах, неуверенно ответил:

— Вроде стало немного лучше. Не знаю, но приступы остались.

— Сколько их было за ночь? — спросил Добронравов.

— За ночь? — Он задумался. — Ночью ни одного. Я ведь спал.

— А прошлой ночью сколько?

— Как всегда, два. Половину ночи и в пять утра.

— Есть разница?

Ученый на мгновение задумался, потом лицо его просветлело.

Улыбаясь, он согласился:

— Действительно есть! Я как-то и не подумал.

Все больные тут же загомонили:

— А нам говорил, что ничего не изменилось. Вот оно как бывает. Сам человек даже не знает, что ему лучше стало.

Добронравов достал фонендоскоп и прослушал Голпе. В легких была масса сухих свистящих хрипов при выдохе. Существенного изменения не наблюдалось. Тем не менее, он громко сказал:

— Вот видите. И в легких картина стала меняться. Я рад за вас.

— Но я ведь так же хриплю, — никак не хотел сдаваться Голпе. — Слышите?

— Вы же не используете фонендоскоп, поэтому вам кажется, что ничего не изменилось. Я ведь вас каждый день слушаю и уверен, дела у вас пошли на поправку. С сегодняшнего дня мы вам начнем снижать дозу гормонов.

— Как?! — удивился ученый. — Я ведь...

— Поверьте мне, — перебил его Добронравов, — я знаю, что делаю.

Остальные больные с осуждением посмотрели на Голпе.

— Если Петр Николаевич что-то говорит, значит, так нужно. Он зря не скажет, — вмешался в разговор больной с плевритом. — А для нас такие лекарства будут? — Он заискивающе посмотрел на Добронравова.

— Не сомневайтесь, будут, но позже. Я уже договорился. Скоро должны привезти.

Через несколько дней Добронравов расширил круг участников эксперимента. Он стал включать в лечение больных успокаивающие средства. Для всех. Он видел, что больные, поступившие в стационар, как правило, очень переживают за свое здоровье. Это создает негативный общий фон и задерживает выздоровление.

Вскоре писатель и ученый выписались. Весть о феноменальном успехе Добронравова быстро разлетелась по больнице. К нему стали обращаться за помощью больные из других отделений. Он никому не отказывал. Наконец заведующая не выдержала:

— Скажи, Петр, чем ты их лечишь? Говорят, что ты проводишь эксперименты над больными. Смотри, это может плохо кончиться. Что ты им даешь?

— Я думаю, что всем больным отделения надо обязательно включать дополнительно в схему лечения успокаивающие средства.

— Что?! Да ты с ума сошел! У нас лечатся легочные больные. Им нужно принимать антибиотики, бронхорасширяющие, отхаркивающие. Наконец гормонотерапия! Но успокаивающие... —

Она не выдержала и покрутила указательным пальцем у виска: — Петя, ты точно... — Она многозначительно посмотрела на Добронравова. — Перестань глупить! А академик знает о твоих экспериментах? — Она вызывающе посмотрела на ординатора.

— Я не считаю это экспериментами над больными. Я им просто хочу помочь. С академиком я свое решение не согласовывал, но я использую общепринятые лекарства.

— Для кого общепринятые? Для легочных больных?

— Для тех, кто в них нуждается.

Прошло два месяца. Как-то Надежда Герастовна, встретив Добронравова в коридоре отделения, отозвала его в сторонку:

— Петр Николаевич! Я уезжаю в командировку. Завтра должны лечь двое больных с астмой, гормонозависимой. У тебя как раз выписка. Ты положи их к себе в палату. Они блатные, поэтому будь к ним внимателен.

— К себе? Пусть лучше они в палату к Татьяне Алексеевне поступят. Она более опытный врач, чем я. Тем более, как вы говорите, я ставлю над больными эксперименты.

— Петя, не выпендривайся. Они хотят только к тебе!

Надежда Герастовна резко развернулась и гордо зашагала к выходу.

ЗАЧИСЛЕНИЕ В АСПИРАНТУРУ

Когда Добронравов окончил ординатуру, его пригласил к себе академик Ведов. Кабинет его Петру показался очень большим. У стены стоял высокий массивный шкаф, до отказа набитый книгами и папками. Противоположная стена была увешана грамотами и дипломами. Посредине стоял длинный стол, окруженный многочисленными стульями. За ним-то, у самого окна, и сидел академик. Он читал.

— Можно к вам? — спросил Добронравов.

— Входи, — тихо ответил академик.

Петр замялся у двери, не решаясь пройти.

— Что стоишь? Садись. — Академик, не отрываясь от чтения, жестом указал на стул рядом. Затем, закрыв папку, наконец-то пристально посмотрел на Добронравова:

— Что намерен делать дальше?

— Когда?

— После ординатуры, — поморщился академик, недовольный непонятливостью Добронравова. — В аспирантуре хочешь учиться?

— Хочу, — с ходу согласился Петр.

— Молодец! Тебя все положительно характеризуют. Пишут, что мышление у тебя нестандартное. Это хорошо. И научная работа твоя мне понравилась. Выступил на конференции на отлично. Вот скажи, когда ты читаешь учебники и монографии, во всем соглашаешься с авторами?

Добронравов удивился вопросу:

— Честно? — Академик кивнул, глядя Добронравову прямо в глаза. — Не во всем.

— Вот скажи. Ты читал монографию профессора Петрова?

— Читал.

— Он сейчас очень популярен в научных кругах. У иммунологии большое будущее. Ты нашел что-нибудь у него, с чем не согласился?

— Нашел.

Ученый поднял брови от удивления:

— Как так? Он же академик! Как можно подвергать сомнению выводы такого человека? Ну-ка, расскажи, с чем ты там не согласен.

Добронравов взял листок, что-то на нем начертил, а потом с жаром принялся излагать свои мысли. В конце концов академик прервал не на шутку разошедшегося Петра:

— Хорошо, хватит! — Затем откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Некоторое время посидел молча.

Добронравов с тоской подумал: «И зачем я наговорил лишнего? Лучше бы промолчал».

— Так, говоришь, даже с академиком не согласен?! — грозно посмотрел на него ученый. И, сделав театральную паузу, вдруг задорно улыбнулся и продолжил: — Молодец! Я такой же в молодости был, когда учился. Академики тоже люди. Могут и ошибаться. Не бойся иметь свое мнение. Я закончил Военно-медицинскую академию в Ленинграде 21 июня 1941 года с отличием. А на следующий день меня призвали в армию — началась война. Через три месяца попал в плен. Меня освободили советские войска только в 1944 году. Служил врачом до окончания войны. Затем защищил кандидатскую и перевелся в Иркутск, здесь уже стал академиком. Непростая была у меня жизнь. Часто сомневался в том, что видел, что делал. Но знаешь, что я тебе скажу: надо на все смотреть критически. Только так не упустишь важное. Часто ведь оно лежит на поверхности, но его не замечают, так как привыкли к определенным подходам и решениям. Но если посмотреть на свою работу под иным углом, то можно сделать удивительные открытия. Ведь и до Ньютона яблоки кому только на голову не падали. А закон всемирного тяготения открыл он, так как впервые взглянул на обычное событие под иным углом. Без нестандартного мышления настоящим ученым тебе не стать. А уж если искрен-

не, всей душой поверишь во что-то, то отстаивай свою точку зрения до конца. Нас по большей части окружают посредственности, им многоного не надо. Крохи собирают и радуются, а большому пребытья не дают. Так что ты готовься к испытаниям. Но я в тебя верю! Ладно, зайди в лаборантскую и напиши заявление на зачисление в очную аспирантуру. На нашей кафедре как раз выделили одно место.

Добронравов вышел от академика словно затаиненный. Слова Ведова поразили его до глубины души. «Ничего себе. И в плену был, и академиком стал, — размышлял Петр. — Не человек, а глыба!»

Лето подходило к концу, приближался сентябрь. Петр отправился в институтский отдел кадров для оформления документов в аспирантуру, но там ему сообщили, что распоряжения ректора на его счет пока нет. На следующей неделе все повторилось. Так прошел месяц, другой...

На кафедре ничего не менялось. Петр был уже аспирантом, но ректор по каким-то одному ему ведомым причинам распоряжения о зачислении не издавал.

— По слухам, — объяснил наконец Добронравову старший лаборант, — за это место идет борьба. Ректор хочет своего человека запихнуть, но академик противится. Хотя, как говорят, раньше был согласен. Но после встречи с тобой изменил мнение и никого больше не хочет на этом месте видеть.

— Так мне-то что делать?! — расстроился Добронравов. — Сроки выходят. Я же потом вынужден буду догонять. Нельзя как-то ускорить процесс?

— Нельзя. Академик в Москву улетел. Твой вопрос тоже, кстати, там будет решать.

Через неделю Добронравову наконец сообщили, что он зачислен и может выходить на учебу.

Нельзя сказать, что Петр совсем уж потратил время впустую — он занимался в библиотеке, осваивал новые лабораторные мето-

ды. В ординатуре Добронравов определился, что будет заниматься иммунологией. Ему хотелось найти новые способы лечения легочных заболеваний. Специализацию он выбрал подходящую. Шеф Потягин выделил ему место в иммунологической лаборатории. И вот, когда вопрос с зачислением решился, к Добронравову подошел доцент Бончаров, друг Потягина, и предложил отметить:

— Дружище! Не состояться тебе как ученому, если не обмоешь свое почетное звание. Ты аспирант, а это звучит гордо! Так что давай решай, когда стол накроешь.

— А когда лучше?

— Ты уже как три дня аспирант, а еще спрашиваешь! Время летит быстро. Так и аспирантура закончится.

Посоветовавшись с Потягиным, решили отметить в пятницу после работы.

— А кого пригласить? — спросил шефа Петр.

— Да кого хочешь. Ты же накрываешь, твой день! Но, я думаю, лучше в узком кругу. Я договорюсь с лабораторным корпусом, чтобы мне кролика отписали для экспериментов, запечем его в духовке.

— Как это? — удивился Добронравов. — Разве можно есть кролика после опытов? — Он представил себе кролика, нашпигованного всяческими химикатами, и поморщился.

— Мы опытов-то ставить не будем, — рассмеялся Потягин. — Я попрошу, чтобы его там же забили и разделали. А нам только тушку принесут. Учись, молодой! Спирт в лаборатории есть, но мало. Придется тебе самому на водку раскошелиться.

В пятницу вечером собрались Бончаров, Потягин и две лаборантки, которые работали с Добронравовым. Петр принес из дома два салата, которые приготовила мама, колбасу и вареную картошку. Украшением стола стал запеченный кролик, которого помогли приготовить девчонки.

— Да, старик, повезло тебе, — протянул Потягин. — Знаешь, кто претендовал на твоё место?

— Какой-то человек ректора? — сразу же выдал Петр.

— Не только. И проректора тоже. Место в аспирантуру на нашу кафедру выбивал ректор, причем целевое, для конкретного человечка. Просил два, но дали одно.

— А второе, — спросил Петр, — для меня?

— Про тебя вообще никто и слыхом не слыхивал. Второе предназначалось для человека проректора Гадяева. Знаешь такого?

— Этот тот, который с утиной походкой?

— Да! У него одна мадам почти что диссертацию написала. Она на его кафедре ассистентом работает. Вот он ей место и выбивал, чтобы закончила работу и защитилась. А тут ты встрял и всех подвинул.

— А я-то тут причем? Я же не знал. Мне академик предложил, я и согласился.

— То-то и оно! Академик занимает должность заведующего кафедрой и подчиняется по рангу ректорату. Вот из-за этого и начался весь сыр-бор.

— Что началось? — не удержался Петр.

— Нашла коса на камень! Стали выяснять, кто в доме главный. Ректору помогал проректор, хоть он и бывший ученик академика — докторскую защитил под его руководством. Но обижен был, что его ассистенту места не досталось. А ректор всего-то кандидат наук, но при должности. В общем, ректор попытался решить вопрос через Министерство образования, а академик — через Академию наук. Даже в Москву летал для этого. Академия победила. Так давайте выпьем за нашего большого шефа, чтобы он долго жил.

— Да, молодец наш шеф! Светлая голова, — подхватил Бончаров. — Хоть он часто и не подарок бывает. Если за кого возьмется — несдобровать. Я лишний раз стараюсь с ним не встречаться — побаиваюсь. Да и вообще я ему поражаюсь. Человек в немецком концлагере отсидел. Представляете? Когда узников освободили, в живых осталось всего трое заключенных. Двое из них показали, что шеф наш был организатором сопротивления и многих спас.

— А как же он выжил? — ахнула лаборант Наташа.

— Вроде бы, когда войска наступали, сопротивление побег организовало. Многие и сбежали. А он остался раненым помочь. Его немцы не убили, потому что сами нуждались в его помощи, — очень уж он врач хороший, — объяснил Потягин.

— Да уж, досталось ему в этой жизни, — подхватил Бончаров. — Долго его энкавэдэшники пасли, все не верили, что он врагу не продался. Но он все проверки прошел. А после войны сумел защититься и устроиться на кафедре. И это вдвойне удивительно, ведь тогда все, кто был в плену, считались предателями родины. Их всех после войны аккурат в советские концлагеря и пересажали. Но вот его Бог миловал.

— А как он академиком стал? — спросил Добронравов.

— Приехал в Иркутск, возглавил кафедру, — продолжил Потягин, — защитил докторскую и подготовил очень много учеников. Под его руководством защитились более шестидесяти кандидатов и четыре доктора наук. Его имя даже в «Медицинской энциклопедии» есть.

— Ничего себе! — поразился Петр.

Когда вечер подходил к концу и Добронравов уже убирал посуду, в заднюю дверь, ведущую в подвал, неожиданно постучали. Вошли двое: сын ректора, который работал ассистентом на кафедре академика, и еще один незнакомый парень. Оба были выпившие.

— Что, гуляете? — наигранно сурово спросил сын ректора, но не выдержал и рассмеялся: — Мы пришли вас поддержать.

Гости достали из большой сумки две трехлитровых банки домашнего вина и поставили на стол. Добронравов посмотрел на Потягина, спрашивая взглядом: что делать-то? Тот приветливо улыбнулся пришедшим и спросил:

— Леня! Ты как узнал?

— Разведка донесла. А что меня не пригласили? — Он укоризненно посмотрел на Потягина.

— Приглашал не я. Знакомьтесь, это Добронравов. Петр.

— Наслышен про него. — Леня внимательно посмотрел на Добронравова и продолжил: — Значит, это ты всех подвинул?

— Леня, не наезжай на Петю, он хороший парень, — тут же бросился на защиту Бончаров.

— А кто наезжает? Я же без злобы. Просто так все говорят.

— Кто говорит? — поинтересовался Добронравов.

— Да все говорят. Мол, подвинул всех. Кинул.

— Так это же не я. Если бы знал, может, и в аспирантуру бы не пошел.

— Ладно, все уже в прошлом, — примирительно сказал Потягин. — Давай, Леня, наливай что принес, мы свое все выпили. Уже уходить хотели. А ты же вроде в командировку собирался?

— Завтра улетаю, — кивнул Леня. — А сегодня мне нужно кое-что перепечатать. У вас же печатная машинка есть? — Добронравов кивнул. — Ну тогда я возьму ее и пойду к себе в практикум. Потом, когда посидим. Мне на предзащиту надо лететь.

Выпили. В конце концов гости начали расходиться. Пока Добронравов всех провожал, Леня разлегся на диване и уснул.

— Давай выпьем за знакомство, — предложил друг Лени. — Меня Владимир зовут. Можно просто Вовка. А ты Петьяка, это я уже знаю. — Он протянул руку.

Петр пожал протянутую руку и разлил вино по стаканам.

— Давай разбудим Леню, путь тоже с нами выпьет. — Владимир подошел к другу и стал будить.

— Может, не надо, пусть спит, — засомневался Петр. — И вообще, мне тоже идти надо. Меня дома потеряют.

— Не, без Леньки я пить не буду. Он мой друг! — Володя принялся хлопать Леню. — Ленька, Леонид, вставай!

И тут вдруг Леонид вскочил и с размаху ударил Владимира по лицу. Затем вновь рухнул на диван и захрапел, как ни в чем не было. Вова, схватившись за челюсть, потерял равновесие и повалился на стол. Банка с вином накренилась и, покачнувшись, со звоном упала на пол.

— Ах ты так! — завопил Вова. — Все, мне здесь делать нечего! Не друг ты мне больше, Леня, понял?! Я с тобой хотел выпить, а ты? Ты мне больше не друг!

Но Леня не реагировал. Владимир схватил свою одежду и выбежал через задний ход.

Добронравову ничего не оставалось, как взять тряпку и приняться за уборку. Он протер пол три раза, но ноги по-прежнему противно липли к половицам — вино было сладким. Леонид же, как бы Петр ни пытался его разбудить, просыпаться ни в какую не желал.

«Вот счастье-то привалило на мою голову», — ворчал про себя Петр.

Вдруг в дверь со стороны отделения постучались, да не просто постучали, а выбили какой-то пароль: тук-тук,-тук-тук. Время было позднее и Добронравов удивился, кого еще нелегкая принесла. «Кто бы это мог быть? Может, Вова вернулся? — подумал он. — Но почему с другой стороны пришел?»

Открыв дверь, Добронравов увидел на пороге главного врача больницы.

— Выпиваете? По какому поводу? А женщины где? — Он быстро прошел в лабораторию и осмотрел все помещения. Увидев Леонида, спросил: — Кто это?

— А вы не знаете? — удивился Петр. «Все же сын ректора», — подумал он.

— Знаю-знаю, — приглядевшись, хитро прищурился главврач. — А что он здесь делает?

— Спит.

— Да вижу я, что спит. Почему он здесь спит, а не дома?

— Ему в командировку лететь завтра. Надо перепечатать диссертацию. Вот он и решил здесь поспать, чтобы потом ночью работать, — соврал Петр.

— А вы? Почему здесь так поздно?

— Я же опыты ставлю. Чтобы выделить лимфоциты и затем провести анализ, необходимо больше семи часов. Я поздно начал.

Главврач пристально, оценивающе посмотрел на Добронравова, но Петр выдержал его взгляд.

— А выпить у тебя есть? — неожиданно спросил главный.

«Видно, проверяет», — решил Петр. Но, посмотрев в честные глаза главврача, засомневался:

— А вы правда хотите?

— Да, — искренне ответил тот.

— У меня есть немного спирта, мне для опытов его выдали. Но для вас могу развести.

— Хорошо. Очень хорошо. Ты пока разводи, а я в отделение выскочу на минутку.

Петр прикрыл за главврачом дверь и стал следить в щелочку за тем, что тот станет делать. Главврач прямиком направился к дежурному посту.

— Что у вас здесь делается? — грозно спросил он медсестру. — Почему вы устроили пьянку в отделении?

— Я? — Медсестра растерялась от неожиданного напора. — Я ночная медсестра, пришла недавно. Про какую пьянку вы говорите? Где?

— В лаборатории. Она на вашем этаже находится. Вы обязаны следить за порядком. Быстро пригласите дежурного врача и возьмите листок с ручкой. Мы сейчас акт составим комиссионно.

Добронравов понял, что главврач решил его обмануть. Вынудить самому же против себя улики представить.

— Хочу выпить, хочу выпить! — проворчал вслух Петр, бросился к Леониду и стал его будить.

— Леонид, вставайте! Главный врач пришел. Комиссию собирает. Надо сматываться. Срочно!

Но Леня спал как убитый. Тогда Петр решился на отчаянный поступок. Он схватил Леонида за плечи и стал поднимать, каждую секунду ожидая удара. Но Леня по-прежнему отказывался просыпаться. Он кулем повис в руках Петра и тот был вынужден его выпустить. Тогда Леня повернулся на диване к стенке и захрапел.

— Ну и черт с тобой! — в сердцах выругался Петр. — Почему я должен из-за тебя страдать?

Он быстро оделся и выскочил через задний вход под стуки в дверь:

— Откройте! Немедленно откройте! Это главный врач! Быстро открывайте!

Но Добронравов уже выходил из больницы.

«И какого черта приперся этот Леня с другом? — мысленно рассуждал Петр. — Столько проблем от них на пустом месте. Пол загадили так, что теперь не отмыть. Главный врач застукал. Теперь меня выгнать могут. Столько ждал зачисления и так влетел нежданно-негаданно».

На следующий день Добронравов пришел пораньше. Ему не терпелось узнать, чем все закончилось. Когда он зашел в лабораторию, все двери были закрыты на замок. Лени нигде не было видно. «Леня так крепко спал, — подумал Петр. — Интересно, достучался до него главный врач или нет? Хорошо хоть, перед его приходом я успел все убрать. Он точно ничего не нашел. Правда, пол лип, но, может, он этого и не заметил?»

В понедельник Петр пришел к десяти. Его уже ждали новости.

— Слышал? — улыбаясь, спросил Бончаров. — Про вас на больничной планерке объявили. Главный врач сказал, что в пульмоторапии напились лаборанты. Вы долго еще гуляли?

— Какие лаборанты? Ничего не знаю.

— Ладно, не прикидывайся. Сейчас академику доложат, будут у тебя большие проблемы.

— Я не знаю, про каких лаборантов говорили на планерке, — соврал Добронравов. — А где Леонид, вы его не видели?

— Видел. Он в академической группе сидит. Трясется от страха. Его академик ищет.

— Тогда я к нему. — Добронравов стремительно выскочил из лаборатории.

— Леонид! Что было, когда я ушел? Главный врач до вас досчучался?

— Не знаю. Я его не видел.

— А как вы вышли из лаборатории?

— Замок же в отделение изнутри открывается. Я под утро ушел, захлопнув дверь.

— И все? — уточнил Петр.

— Все. А разве этого мало? Меня главный врач видел?

— Видел, но я сказал, что вы отдыхаете, потому что ночью собираетесь работать, а машинки у вас дома нет.

— И он поверил?

— Не знаю.

— Мне надо срочно улететь. Я в Москву еще успеваю. И академик до меня тогда не доберется.

Через час Добронравова вызвал академик.

— Как твои дела? — дружелюбно спросил он.

— Хорошо, — ответил Добронравов, пытаясь понять, знает он или нет про случившееся.

— А что ты стоишь у порога? Проходи присаживайся. Ты знаешь, что сегодня на планерке доложили о пьяных лаборантах?

— Мне рассказывали, — осторожно ответил Петр.

— Это ты был в пятницу вечером в лаборатории, когда приходил главный врач?

— Я.

— А что ты там делал?

— Опыты ставил. Вы же знаете, их делать долго. Начал поздно, не успел.

— А Леонид что там делал?

— Он пришел, когда я работу уже заканчивал. Сказал, что ему надо что-то напечатать перед командировкой. Его печатная машинка сломалась.

— Он был пьян?

— Не знаю. Вроде нет.

— А до него кто был?

— Больше никого.

— Я тебя понимаю. Ты не хочешь никого подставлять. Это хорошо. Но я все знаю. С вами были Потягин, Бончаров, лаборанты. Потом пришел Леонид. Вы отмечали твое зачисление, так ведь?

— Нет. Я опыты ставил. Начал поздно. Потом пришел...

— Хватит! — резко перебил академик. — Ты врешь. Я же сказал тебе, что все знаю. Я проверял, честный ты человек или нет. А ты меня обманул. Иди и подумай над этим!

Добронравов уныло поплелся в лабораторию. Там его уже ждала вся честная компания.

— Зачем он тебя вызывал? — кинулся к Петру Бончаров.

— Спрашивал, кто был со мной в пятницу.

— А ты?

— Сказал, что никого не было.

— Кто-то проболтался! — воскликнул Потягин. — Шеф быстро ломает людей. Он хорошую школу в концлагере прошел. Может, ему Леня рассказал?

— Он же улететь должен был? — изумился Петр.

— То-то и оно, что должен был. А вдруг не улетел? — предложил Бончаров. — Леня шефа очень боится, ведь на него у шефа целое досье есть. Леня обещал больше не пить, а то академик его выгонит.

— А шеф что, на всех досье собирает? — удивился Добронравов.

— Конечно. А потом гаечки постепенно закручивает, — кивнул Потягин. — Он в этом деле большой специалист. Все, кто провинился, объяснительные пишут. А он их в сейф складывает. Когда надо — достает. Его все боятся.

Зазвонил телефон. Добронравова вызвали к академику.

— Ты меня извини, — начал академик, — я немного понервничал. Понимаешь, я ведь и так все знаю. Мне давно уже все рассказали. Я просто от тебя хотел правду услышать. Вы гуляли, отмечали — это нормально! Святое дело — отметить зачисление. С тобой гуляли... — Он назвал фамилии всех, кто был в лаборантской. Знал он и про Вовку, и про разлитое вино. — Мне ведь неприятно, когда нашу кафедру позорят. Я знаю, ты ни при чем. Просто подтверди мои слова — и все, можешь быть свободен. Иди занимайся своей наукой. Давай расскажи все, как

было. Итак, вы решили отметить твоё зачисление. С тобой были... Ну, продолжай...

— В пятницу вечером, — начал Добронравов, — я, как всегда, решил поставить опыты. Но эритроциты барана привезли позже, чем планировалось. Пришлось задержаться. Часов в девять пришел Леонид...

— А почему он к тебе пришел?

— Не знаю. Наверное, никого больше не нашел. А потом зашел главный врач...

Академик не выдержал. Он резко встал и с силой бросил несколько папок на стол.

Они с шумом разлетелись. Часть упала на пол.

— Вон!!! Вон отсюда! Чтобы мои глаза тебя больше не видели! Все, ты уже не аспирант. Мне не нужны такие, как ты.

В лаборатории все гадали, как поступит академик.

— Ну что? Плохо? Добивает?

— Нет. Добил. Выгнал из аспирантуры.

— Как выгнал? Совсем? — Все с жалостью смотрели на Добронравова.

— А можно разве не совсем? — горько пошутил Петр.

— На, выпей валерьянки, — предложила Наташа и протянула ему флакон.

— Нет, спасибо. Я был готов к тому, что он меня выгонит. Обидно, что я тут совершенно ни при чем. И зачем только этот Леонид пришел? Все испортил. Нет, чтобы самому рассказать правду, взял и сбежал.

Снова раздался звонок. Петра опять вызвали к академику.

— Ну что, подумал? — спросил тот. — Если расскажешь правду, прощу. Ты пойми, я и так все знаю. Мне все-всё уже рассказали, один ты упорствуешь. Каждый ко мне сам пришел и рассказал все как есть, а ты артачишься. Ну какой в этом смысл? Я ведь просто хочу убедиться, что ты честный человек и тебе можно верить. Итак, там был Потягин...

— Никого, кроме меня, в лаборатории не было, — твердо возразил Добронравов. — Я ставил опыты. А главный врач пришел, когда Леонид уже спал. Вот он и подумал, что мы пили. А я ставил опыты.

— Все. Надоела мне твоя песня. Не хочешь по-человечески? Ладно, как хочешь. Я тебя выгоняю из аспирантуры, можешь больше не приходить.

Добронравов, вернувшись в лабораторию, сообщил:

— Вопрос решен окончательно. Академик меня выгнал. Он сказал, что всех вызывал к себе. Это правда?

— Это точно. Всех! — сказал Бончаров.

— А что он спрашивал? — поинтересовался Петр.

— Знаем ли мы, что в лаборатории происходило.

— И что вы ответили?

— А откуда нам знать, — ответил Бончаров, — нас же там не было. Мы же раньше ушли.

— А мне он сказал, что все знает. И по именам точно всех назвал. Только откуда он все знает, если никто из наших ему не сказал? Жаль, конечно, что не получилось с аспирантурой. Ну да ладно, ничего тут уже не поделаешь. Но мне тут одну работу закончить надо. Можно я еще несколько дней поработаю в лаборатории? — спросил он Потягина. — Очень мне нужно несколько опытов поставить. Одна задумка есть.

— Конечно, — согласился тот, — приходи когда надо.

— Мы тебе поможем, — подхватила Наташа.

— Тогда я завтра приду.

Прошло три дня. Накопилось несколько счетов на оплату реактивов, которые раньше заказывал Добронравов.

— Что мне делать со счетами? — спросил он у Потягина. — Реактивы пришли. Их оплачивать надо. Нужна подпись академика.

— Так сходи и подпиши.

— Нет, я не пойду. Я уже не аспирант. Он сказал, что видеть меня не хочет.

— Я тоже не пойду, — покачал головой Потягин. — Он меня увидит, шею намылит. Не остыл еще. Сходи сам. Тем более ты заказывал. Нехорошо людей подводить. Реактивы на складе уже лежат и нам нужны.

Добронравов постучал осторожно в кабинет академика.

— Входите, — послышалось из-за двери.

— Здравствуйте, — нарочито громко сказал Петр.

— Здравствуйте, — равнодушно ответил академик.

— Я реактивы для опытов заказывал. Пришли счета. Оплатить надо. Требуется ваша подпись.

— Давай подпишу.

«Все же он добрый», — подумал Петр, когда выходил из кабинета.

— Слушай, а может, правильно, что ты не сознался? — спросил Бончаров. — Значит, на тебя надеяться можно — не предашь. Другие вот все объяснительные написали. Все же школу-то он прошел суровую.

Через несколько дней пришли новые счета. Петр опять зашел в кабинет к академику. Тот спросил:

— Ты тему выбрал для диссертации? Хватит отдыхать, пора наукой заняться!

ЖЕНИТЬБА ДОБРОНРАВОВА

Т

о лето в Иркутске выдалось дождливым и холодным. До середины июня постояла жара, а затем погода испортилась и начались дожди, которые и не думали прекращаться. Реки разлились и вышли из берегов. Температура понизилась почти до осенней.

— Может, съездим куда-нибудь на юг? — предложил Сашка. — Я узнал, есть турпутевки в Тбилиси и Гудауту на Черное море.

— Лучше на Черное море, — поддержал друга Петр.

— Нет, ты не понял. Путевка одна: в Гудауту через Тбилиси. И город посмотрим, и в море покупаемся.

Перед отлетом группа встретилась возле аэропорта. К ним подошла полная светловолосая женщина с небольшим шрамом на круглом лице:

— Ребята, я ваш руководитель. Мужиков в нашей группе мало, поэтому вы будете всегда со мной рядом. Давайте знакомиться. Я Элла.

Элла была старше Добронравова лет на десять.

— А почему мы должны быть всегда рядом? — спросил Сашка. — Там что, преступность высокая?

— Нет, — улыбнулась Элла, — местные туристов уважают. Они от нас кормятся. А вот девчонкам прохода не дают.

Петр оценивающе посмотрел на Эллу.

— Я не про себя говорю, — улыбнулась та. — Я уже десять лет летаю руководителем на Кавказ. Меня никто и пальцем не тронет. У меня там много друзей. Но мне поручили одну молодую девочку стеречь. — Она показала на стоящую невдалеке угреватую брюнетку лет семнадцати. — Она летит одна, поэтому мы ее с вами и будем оберегать. Понятно?

— Понятно! — согласились ребята.

Разместили группу на турбазе в тридцати километрах от Тбилиси. На небольшом огороженном металлической сеткой участке стояло несколько щитовых домиков, посередине — бетонный бассейн для купания и просторная столовая.

— Ребята, — обратилась к парням Элла, — мне надо съездить в Тбилиси позвонить друзьям, так что собирайтесь.

— Не, мы лучше покупаемся в бассейне, — возразил Петр, — жарко.

— Вы что, фруктов не хотите? — удивилась Элла. — Мы позвоним моим друзьям, они привезут фруктов, вина, покатают нас по городу. А мы вдвоем, — она посмотрела на девушку, — поехать не можем. Нас быстро грузины атакуют.

— Поехали, — поддержал ее Сашка, — город хоть посмотрим. Что в этой дыре торчать?

— Ну ладно, поехали, — согласился Петр.

В Тбилиси они быстро нашли центральный переговорный пункт, и Элла с девушкой, которую звали Леной, зашли в здание. Их не было более часа.

— Слушай, — сказал Петр Александру, — надо сходить проверить. Может, их украли уже?

Ребята поднялись на второй этаж и увидели Эллу в переговорной кабинке. Она оживленно с кем-то говорила.

— Что вы так долго? — поинтересовался Петр у Лены.

— Очередь большая. И до друзей она дозвониться никак не может. Уже в пятый город звонит.

— Да, ребята, нам сегодня маленько не повезло. Мой друг Мудон уехал вчера на свадьбу к брату. Серго повез фрукты на продажу. Нашла Аслана в Цхинвали. Это далековато, но он обещал завтра на три дня приехать. Фрукты и вино привезет! — радостно сообщила Элла.

— А знакомые в Тбилиси есть? — спросил Саша.

— Есть и в Тбилиси, но они сейчас не могут подъехать. А вообще, у меня друзья почти в каждом городе есть. Во всяком случае там, куда я группы возила. — Элла довольно улыбнулась. —

Мне надо сделать еще один звонок, и поедем на базу. Подождите на улице или здесь посидите, как хотите.

— Мы лучше снаружи подождем, — сказал Петр, — душно здесь.

На улице уже стемнело, хотя времени было часов семь. Минут через двадцать вышли Элла с Леной в компании трех грузин — молодых парней примерно одного возраста с Добронравовыми.

— Знакомьтесь, — начала Элла, — это Петр и Саша. А это, — она показала на грузин, — Вардан, Теймур и Леван!

Петр с интересом посмотрел на Эллу и грузин, пытаясь определить, в каких они отношениях.

— Ребята предлагают поехать к ним в гости, — продолжила Элла. — Я сказала, что решение за вами. — Она пристально посмотрела на Петра: — Одни мы не поедем!

— А можно мы посоветуемся? — обратился к грузинам Петр.

— Конечно, дорогой! — кивнул Леван, он был старший из ребят.

— Элла! Скажи, зачем нам ехать в гости к этим парням? Я понимаю, вы им нужны, но нас-то зачем тянуть с собой? — недоумевал Петр.

— Мы одни не поедем! Но ребята они хорошие, сразу видно. Поехали вместе! — настаивала она. — Вина попьем, когда еще у грузин в гостях побываете?

— Послушай, Элла, я на Кавказе впервые. Объясни мне, мы-то зачем им нужны? Мы же парни нормальной ориентации, понимаешь?

— Это просто кавказское гостеприимство, они не могут пригласить только нас с Леной. Мы сказали, что с вами, поэтому они вас тоже обязаны позвать. Все будет нормально, не переживай! — успокоила Элла.

— Слушай, Саша, — обратился Петр к другу, отозвав того в сторонку, — Элла настаивает, а я не знаю, что делать. У меня уже голова кругом идет. Зачем грузинам нас к себе звать? Может, ограбить хотят? У тебя деньги есть с собой?

Саша кивнул.

— Много?

— Три рубля. Остальные я на базе оставил.

— Я тоже. Что будем делать, рискнем?

Саша снова кивнул, уже в знак согласия.

По дороге зашли в магазин.

— Что вы пьете? — спросил Леван, обращаясь к ребятам.

— Водку. А вы? — ответил Александр.

— А мы все можем, — улыбнулся Вардан. — Водку можем, чачу можем, вино домашнее, магазинное... Но лучше пить вино сухое. Вы грузинское уважаете? — Вардан говорил с сильным акцентом, старательно подбирая слова.

— Мы вино тоже пьем, — поддержал его Петр. — А вы что будете? — спросил он Эллу.

— Вино, конечно! — категорично заявила она. — Только белое сухое вино.

— Белое так белое, — согласился Леван, заполняя несколько пакетов бутылками. — У меня дома еще домашнее есть, лучше этого! — Он презрительно посмотрел на бутылки. — Посидим попоем. Хорошо всем будет. Молодец, что согласился, дорогой, — обратился он к Петру.

Дом у Левана был двухэтажный, стилизированный. Сложен из какого-то светлого тесаного камня.

— Это дом моих предков, — с гордостью сказал Леван, заметив восхищение Петра. — Отец мой здесь жил, его отец тоже, отец моего деда, его отец... Много поколений. И дети мои здесь жить будут.

Во двор вышла немолодая женщина в черной одежде, стала накрывать на стол.

— Это моя мама, — представил женщину Леван. — С нами немного отец посидит за столом. Так у нас принято.

Хозяева угощали множеством местных блюд, которых Петр раньше никогда не пробовал: лобби, аджикой, жареными баклажанами, мамалыгой, хачапури, маринованным чесноком. Было много зелени и нарезанных овощей. В сторонке стояли тарелки с грецкими орехами и жареными каштанами.

Когда выпили несколько бутылок вина, хозяева многоголосно запели. Петр поддержал. Раньше он пел в хоре мединститута, где песни раскладывали на восемь голосов, поэтому легко переходил из одной тональности в другую и пел то тенором, то баритоном. Грузины удивились.

— А мы думали, что русские могут петь только одним голосом «Ой, мороз, мороз...», — улыбнулся Теймур.

— Можно и про мороз спеть несколькими голосами, — возразил Петр. — Давайте попробуем!

Спели. Получилось красиво. Теймур запел «Сулико». Петр подпевал с голоса, слов он не знал. Так пели и пили до четырех часов утра. Грузины оказались и вправду хорошими ребятами, чего Петр никак не ожидал. Они честно не приставали к девушкам, хотя постоянно смотрели в их сторону, надеясь на взаимность.

— Надо что-то делать, — тихонько шепнул Петр Сашке на ухо. — Может, они ждут, когда мы напьемся и уснем, чтобы закадрить наших девчонок? Но это ведь бесполезно!

— Была бы водка, может, и получилось бы у них. А вино через почки все выходит, ничего в голове не остается. Что делать будем?

— Давай скажем, что сильно спать хотим, пусть у них все получится. Ребята хорошие. Лично я никаких планов ни на Эллу, ни на Лену не строю. А ты?

— И я тоже, — согласился Сашка.

В девять утра ребят разбудили. Элла и Лена были веселые, грузины — довольные.

Через три дня группа переехала в Гудауту — маленький городок, в основном состоящий из частных домов, в которых и разместили туристов. Группа разбилась, и Петр с Александром потеряли Эллу с Леной из виду.

Погода стояла жаркая, воздух был влажным. Вдоль дороги к морю, которое находилось метрах в трехстах от дома, стояли группы местных мужчин, внимательно разглядывавших всех проходящих мимо и разматывающих цепочки с ключами от машин на

пальце. Было видно, что большим спросом у них пользовались незагорелые девушки, недавно приехавшие отдохнуть, к которым они и приставали. Бедняжкам надо было пройти несколько заслонов, чтобы оказаться у моря. Это было непросто, ведь в ход пускались всевозможные искушения: предложения показать город, покататься на катере, сходить в ресторан...

Вечером Петр с другом зашли поужинать в ресторанчик абхазской кухни, который от улицы отделяла плетеная изгородь. Мест не было, и их подсадили к двум русским девушкам, которые оказались тоже из Иркутска. Девушки не возражали. Здешняя кухня была похожа на грузинскую набором закусок, отличие было лишь в подкопченной говядине, которая подавалась как отдельное блюдо. Вина не хотелось, взяли водку. После жары и моря хмель быстро вскружил голову. Сашка пригласил девушку, сидящую рядом с Петром, потанцевать. Петр сразу же заметил, как друг его с самого начала положил на эту девушку глаз, но сам ее не смог толком рассмотреть, так как сидела она слишком близко, а плятиться в открытую не хотелось. Видя, что Сашка увлекся не на шутку, у Петра тут же возник спортивный интерес и на следующий танец красавицу пригласил уже он сам. А девушка была и вправду хороша. Голубой сарафан выгодно подчеркивал изящную фигуру, темные волосы волнами спадали по спине. Точеные черты лица и огромные голубые глаза, в которых можно было запросто утонуть. Петр влюбился с первого взгляда. Уже в танце он понял, что это его судьба.

В Иркутске события развивались стремительно. Еще в самолете он сделал предложение и красавица согласилась. Так Петр женился. Родственники с обеих сторон только диву давались такой скорости. Его жена Наталья оказалась продавцом промтоварного магазина. Но об этом Петр узнал уже после свадьбы, когда отпуск у молодых закончился и наступили трудовые будни.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Приближался конец августа — время открытия утиной охоты. Тесть вот уже несколько лет как приглашал на нее Петра, но тот все никак не мог выбрать время. Но в этот раз в кармане у Добронравова лежал железнодорожный билет до Братска, где жили родственники жены.

Петр вышел из больницы и сел в белые «Жигули». Этую машину он купил в складчину с родителями. Одну треть необходимой суммы вложил он, остальную часть — родители, которые сами перехватились у родственников под два процента годовых на два года. Петр обещал вернуть деньги в срок.

Индикатор сигналил об отсутствии бензина. Стрелка опустилась в самый низ, красная лампочка горела не мигая. Немного проехав, Петр увидел голосующего парня в черном костюме и остановился.

— До вокзала за пятерку подбросишь? — поинтересовался парень.

— Садись, — обрадовался Петр: ему было по пути, а предложенных денег как раз хватит на десять литров бензина.

Проехав метров сто, он увидел еще двух голосующих парней в таких же, как и у первого, черных костюмах.

— Остановись, — велел попутчик, — захвати их. Они со мной.

Добронравову происходящее не понравилось, но он все же остановился. Одному из парней было лет четырнадцать, а второму, сжимавшему в руках дипломат, — лет тридцать пять. Первому же пассажиру было около двадцати. «Братья они, что ли? — подумал Петр. — Все в одинаковых костюмах, коротко стрижены и очень худые». Тот, кто постарше, сел на переднее сиденье.

— Нам вообще-то до Ангарска надо, — заговорил он. — Может, докинешь? Хорошо заплачу.

— Нет, — отказался Петр, — не получится. Я сегодня в Братск уезжаю, до отхода поезда остается всего пять часов, а мне еще собраться надо.

— Я хорошо заплачу, — настаивал незнакомец. Он достал из внутреннего кармана пиджака сто рублей и помахал ими перед глазами Петра. — Сто рублей — отличные деньги. Если постараться, ты можешь успеть.

Сто рублей были для Петра действительно крупной суммой. В аспирантуре он получал девяносто пять рублей в месяц и получить за два часа такие деньжищи показалось Петру заманчивым предложением. Он заколебался.

— Я не уверен, что успею на поезд. Риск большой. Я на охоту собрался. Тещь меня ждет. Опаздывать никак не могу.

Незнакомец демонстративно положил сто рублей на переднюю панель.

— Может, ты думаешь, что мы тебя обманем? Так это ты зря. Вот, возьми деньги и спрячь куда-нибудь. — Он взял купюру и сунул Петру. Тот машинально протянул руку. — Вот и правильно. — Незнакомец словно гипнотизировал его. — Два часа — и дело в шляпе. Тещю подарок купишь.

— Ладно, — вздохнул Петр. — Только надо заправиться, а то бак пустой.

— Слушай, — продолжил незнакомец, — давай только водки купим. Горбачев её, конечно, из магазина изъял, но ты к таксистам на вокзале подъедь.

У таксистов водки то ли не оказалось, то ли им показались подозрительными парни в костюмах и они решили с ними не связываться.

— А ты не знаешь, где можно водкой разжиться? — спросил Петра младший.

— Не знаю, — пожал плечами Петр. — Да и вообще, я долго кататься не могу и бензин на исходе.

— Слушай, а что это у тебя музыки в машине нет? — удивился первый парень. — Давай, как заправимся, заедем в магазин и купим тебе магнитолу. Не бойся, мы на свои купим, — улыбнулся он, заметив смущение Петра.

— Да мне и так хорошо, — осторожно возразил тот.

— Не, без музыки плохо. Все же целый час ехать, — загадели наперебой пассажиры. — Решено. Заедем и купим магнитолу!

«Что-то здесь нечисто, — с тоской подумал Петр. — Коротко стриженные, в костюмах... Не из мест ли лишения свободы они? А может, беглые? Деньгами сорят. Откуда у них вообще столько денег?» Когда приехали на заправку, первый пассажир стал наставлять, чтобы Петр залил полный бак.

— Не бойся, мы сами заплатим за бензин. Его стоимость в сто рублей не входит. Только обязательно залей полный бак!

Петр вышел из машины. Он специально приехал на заправку на Маяковской, ее начальником работал одноклассник Сашка, но его на месте не оказалось. Хорошо, что Петр знал работников.

— Серега! — обратился он к одному из заправщиков, который на улице принимал цистерну бензина. — Выручай! У меня какие-то парни подозрительные сели в машину, просят до Ангарска их довезти.

— Так высади их!

— Как я их высажу, они же возмущаться станут! Велят довезти хоть куда, а потом уж и не отпустят. Может, со мной съездишь до Ангарска, я быстро довезу. Деньги поделим, они сто рублей дают!

— Нет, не могу я. Сменщик сейчас на обед пойдет, надо его подменить.

— А Сашка где? — в надежде спросил Петр. — Может, скоро придёт?

— Совсем недавно на нефтебазу уехал, к руководству.

«Ну все, мне конец!» — решил Петр. И тут к колонке подъехала знакомая салатного цвета горбатая «Волга». В ней сидел Дмитрий, старший брат Петра.

Петр кинулся к машине:

— Митя, выручай! Я тут подрядился довезти парней до Ангарска, но они какие-то странные. Боюсь, хотят у меня машину отобрать. Съезди со мной. Я мигом обернусь, тридцать минут туда, тридцать обратно.

— Вообще-то я за запчастями собрался.

— Вот и хорошо, там и посмотрим. И причина будет для них уважительная, почему ты поехал с нами.

Петр залил в бак только десять литров, несмотря на возражения пассажиров. А потом неожиданно для них на заднее сиденье забрался брат Петра. Парни и возразить не успели, как машина тронулась с места.

— Э, мужик, — возмутился первый парень, отодвигаясь от середины, — здесь занято! Нам не по пути, слышишь, финик?

— Нам по пути, — твердо сказал Петр. — Это мой брат, он тоже едет в Ангарск. Ему нужно запчасти купить. Он машину на заправке оставил.

Парни такого поворота явно не ожидали. Они почему-то быстро опьяняли или сделали вид, хотя до этого момента Петру казались трезвыми. Половину пути проехали спокойно. Попутчики вроде бы спали. Дмитрий тоже прикрыл глаза, изображая спящего. Но Петр в зеркало видел, как брат иногда осторожно осматривает салон, почти не открывая глаз. Положение у него было выгодное: Дмитрий сидел сразу за старшим попутчиком, а самый молодой, щуплый парнишка устроился посередине. Так что при всем желании средний не смог бы на Дмитрия наброситься.

На середине пути попутчик, сидящий на переднем сиденье, зевнул. Он открыл глаза и положил дипломат на колени. Оглянулся, внимательно разглядывая Дмитрия. Затем, решив, что тот крепко спит, стал толкать молодого. Тот открыл глаза и тоже посмотрел на Дмитрия, затем на старшего. Тот показал глазами на среднего. Но средний действительно уснул и не отреагировал на «маневры» подельников. Это разозлило старшего. Он сперва толкнул парня, а затем слегка ударил его по щеке ладонью:

— Просыпайся, нечего спать, уже подъезжаем.

В этот момент Дмитрий спокойным уверенным голосом произнес:

— Друг, не мешай человеку спать. Если сам выспался, то посиди тихо. Не лезь! — И снова закрыл глаза.

Старший сразу же понял, что Дмитрий все это время притворялся и на самом деле внимательно следил за ними. Это его явно смущило. Пальцы его стали тихонько выбивать на дипломате барабанную дробь. Петр же летел со скоростью выше ста километров в час, боясь притормозить даже на плохих участках. Он не сомневался: парни на большой скорости не решатся с ним что-нибудь сделать.

— Притормози-ка, — велел старший, — мне отлить надо.

— Нет, — решительно отказался Петр, — я опаздываю. Терпи! — И прибавил скорость. — Через пять минут будем въезжать в город. Куда вам там надо?

— В квартал А, — сквозь зубы процедил старший.

Машина влетела в Ангарск, попутчики разочарованно переглянулись.

— Рули к ресторану «Баргузин». Может, с нами пообедаете? — спросил старший, когда выходили. — Мы за все платим. Давайте не ломайтесь, мужики.

Но Петр с Дмитрием отказались.

— Фу... — протяжно выдохнул Петр и широко улыбнулся, — пронесло!

— Ты где их подцепил? — недовольно спросил Дмитрий, когда машина уже неслась в Иркутск.

— Случайно. Я сегодня собрался поехать на открытие утиной охоты в Братск, к тестю. Билет уже купил. А дома всего десять рублей. Стыдно ему на шею вешаться. И так они меня пилият за безденежье. Ну, выезжаю я из областной больницы и вижу, парень молодой голосует. А у меня бензина ноль и заправиться не на что. Остановился, оказалось, нам по пути. До вокзала пятерку предложил. А вскоре его попутчики нарисовались. Они немного ниже стояли.

Петр рассказывал, а сам чувствовал, что сковавшее его напряжение все никак не проходит. Руки слегка дрожали, голос тоже.

— Да, все могло закончиться иначе, — протянул Дмитрий. — Ты счастливчик! Видно, Бог с тобой! Я ведь хотел на другую заправку поехать, но задумался и проскочил ее. Это явно уголовники были. Думаю, накинули бы они тебе на шею струну, и не стало бы тебя. И все тихо и мирно. А у них и бак полный, и музыка. Тебя бы поздно хватились, ты ведь в Братск собирался. Счастливчик, — еще раз повторил брат. — Бог явно тебя оберегает!

Тесть обрадовался приезду Петра. Ружья были уже подготовлены и стояли зачехленными в коридоре. На охоту поехали часа в четыре вечера. На стареньком «Москвиче» добрались до лодочной станции. Забрали в кладовке мотор и рыболовные снасти, в лодке на дно постелили толстый войлок, сверху кинули палатку. В нос запихали рюкзаки и ружья. Поплыли вниз по течению. На воде холодало быстро, Петр начал ежиться.

— Говорил я тебе, что лишним свитер не будет! — громогласно смеялся могучий тесть. — Вода — дело коварное. Особенно у нас, в Сибири. На Ангаре даже в самую жару холод пробирает. Хорошо, что я в свое время войлок припас. Выручает. Да и в палатке спать теплее, и в лодке ночевать можно.

В километрах двадцати от лодочной, вниз по течению, нашли вытянутый тонкий остров, который одним концом почти примыкал к берегу, а вторым далеко вдавался в воду.

— Вот здесь и сделаем шалashi. Для этого ветки нарубим на берегу. А пока на острове надо вещи оставить, — командовал тесть.

Когда стало темнеть, развели небольшой костер, принялись за ужин.

— А когда охота-то начнется? — спросил Петр.

— Утром, как светать станет.

Где-то вдалеке разнеслось эхо выстрела. Затем одинокие выстрелы слышались и в других местах.

— Это охотники тренируются, — ехидно сказал тесть. — Но это неправильно. Охоту надо начинать всем одновременно. А эти, — он показал в сторону выстрелов, — нарушают закон. Пользуются тем, что в темноте инспектора их искать не поедут. Стемнеет-то уже минут через десять.

— А я в каком шалаще буду сидеть в засаде?

— В дальнем, — ответил тесть, — в том, что дальше всего от берега. Утка будет летать только над водоемом. На сушу не повернет, хитрая она. Тут тебе и карты в руки — стреляй не хочу.

На зорьке началась канонада, словно война началась. Выстрелы были слышны по всей округе. Над водой звуки распространялись быстро и сопровождались протяжным эхом.

Утки носились вдоль водоема, не зная, где спрятаться. Куда бы они ни залетали, везде их ждала засада. Охотники стреляли и стреляли. У Петра от жалости сжалось сердце. Такой бойни он увидеть никак не ожидал.

Возле их шалашей утки почти не летали, предпочитая заранее повернуть обратно. Иногда мелькали одиночки, но очень высоко, и их было не достать дробью. Часа в три дня тесть не выдержал.

— Надо собираться, — сказал он расстроенно, — не будет охоты. Вот в прошлом году я привез десять штук. На этом же месте был. А сегодня не наш день.

Когда плыли назад, Петр, оглянувшись, заметил, как крупная утка, как только лодка проплыла мимо, выскоцила из-за высокой травы и повела за собой пять взрослых утят к воде. Тесть тоже их заметил и резко развернул лодку.

— Доставай ружье быстро, заряжай! — крикнул он радостно. — Теперь уж точно домой с пустыми руками не придем. Слава богу!

Молодые утки прыгали по одной в воду и плыли гуськом за матерью.

— А почему они не улетают? — спросил Петр.

— Не могут. Поздний выводок. Но через неделю уже полетят, — уверенно сказал тесть. — Это кряква, она крупная, поэтому позже, чем другие, вырастает.

— Так, может, не будем в них стрелять? — с надеждой спросил Петр. — Они ведь еще маленькие. Это нечестно!

— Они-то маленькие? — В удивлении выпутился на него тесть. — Сейчас увидишь, какие они маленькие. Здоровые, как лоси. Это ж кряквы!

Заметив стремительно приближающуюся лодку, утка нырнула, утятя последовали за ней. Как и не было их. На поверхности не появлялись долго.

— Они не задохнутся? — стал переживать Петр.

— Они-то? — Опять выпутился на него тесть. — Они могут несколько минут находиться под водой. Они же рыбой питаются, им нырять на роду написано. Куда же они поплынут? — Он крутил головой во все стороны, пытаясь предугадать утиный подводный маршрут.

— Точно! — наконец воскликнул тесть. — К зарослям. Видишь, посреди реки ветки торчат — это топляк. Когда Усть-Илимская ГЭС появилась, вода прибывать стала. Там раньше берег был, деревья росли. Туда-то они и плывут. Вон они! Видишь? Вон мамаша всплыла за деревом. Сейчас и утятя вынырнут.

Он выключил мотор, направив нос лодки в сторону утки, и взял ружье. Выстрелил почти сразу. Утятя всплыли подальше в стороне.

— Вот бестия! — выругался тесть. — Хитрая какая, от утят нас уводит.

Утятя тут же нырнули. Но тесть, видимо, все-таки ранил утку. Она вскоре всплыла совсем недалеко. Тесть вновь выстрелил. Опять попал. Утка больше нырнуть не могла и лишь слабо колотила крылом по воде. Вскоре она замерла и течение понесло ее прочь. Тесть сумел убить еще только одного утенка. Остальные скрылись в неизвестном направлении.

— Жаль, что мы их потеряли, — сокрушался тесть. — Теперь они все равно не жильцы. Без матери их другие охотники пере-

быют. Эх, с какой добычей мы бы могли домой вернуться! Хотя и из двух уток можно хорошее блюдо приготовить. Суп сварим, а другую зажарим. Утки-то большие. Мать еще что-нибудь приготовила, — развеселился под конец тесть.

Когда пересели в машину, тесть спросил:

— Ну что? Понравилась тебе утиная охота?

— Это не охота, — грустно сказал Петр. — Это избиение.

— Зря ты так, — разочарованно протянул тесть. — Охота — это страсть!

— Нет! — возразил Петр. — Охота — это смерть!

ПРИВЕТ

— П етя, ты где ходишь? Тебя все ищут! — всплеснула руками Надежда Герастовна, когда Добронравов зашел в ординаторскую.

— А кто ищет, с кафедры? Я был в палате у больных.

— Тебя ищет заведующий отделением торакальной хирургии, уже несколько раз звонил. Ты что, кого-нибудь консультировал там?

— Нет.

— Тогда не знаю. Он мне не говорит, зачем ты ему нужен, но, чувствуя, ты ему здорово насолил. Может, его больным таблетки какие-нибудь дал? Ведь говорила тебе, перестань экспериментировать, до добра это не доведет.

— Ничего я никому не давал... — пробормотал Петр неуверенно.

«Хотя, — подумал он, — недавно в ночное дежурство в приемном отделении консультировал пациента, которого госпитализировал в торакальное отделение, но все назначения были согласованы с хирургом. Неужели ошибся в диагнозе?» Заведующего на месте Петр не застал. Врач в ординаторской сказала, что он на операции.

— А зачем он меня искал, не знаете? — спросил Петр озадаченно.

— А как ваша фамилия?

— Добронравов, Петр Николаевич.

— Что-то слышала про вас... А вы из какого отделения?

— Из пульмотерапии.

— А, вспомнила! Это про вас говорят, что вы эксперименты ставите над больными? — Она улыбнулась.

— Никаких экспериментов я не ставлю! Использую только официально признанные схемы лечения.

— Да вы не обижайтесь, я ведь так, пошутила. Отзывы о вас хорошие. Больные вас любят. Мне давно хотелось с вами познакомиться.

миться. Только вот сегодня говорить некогда. Я должна срочно идти на перевязку, больные уже ждут.

— Но вы мне так и не сказали, зачем меня заведующий ищет. Может, из-за больного, которого я консультировал в приемнике?

— Не знаю, может быть.

Добронравов еще несколько раз заходил в отделение, но заведующий вначале был на операции, а затем ушел в морг на вскрытие.

«Неужели умер тот больной, которого я консультировал? — испугался Петр и стал лихорадочно вспоминать поступившего по „Скорой помощи“ пациента. — Мужчина лет пятидесяти, находился в бессознательном состоянии. Привезли его из деревни Урик, он, будучи пьяным, упал с лошади, которая еще успела его и лягнуть. Рентгенограмма показала множественные переломы ребер. Голова и конечности не пострадали. При обследовании больной очнулся и стал петь песни, пытался встать с каталки. Пришлося его медикаментозно успокоить и направить в торакальное отделение. Может, в диагноз закралась ошибка? Или случилась передозировка лекарств?»

На следующее утро заведующий торакальным отделением сам нашел Добронравова по телефону.

В кабинете сидел высокий полный мужчина лет сорока пяти.

— Что от меня бегаешь? — спросил он грозно Петра. — Тебя уже несколько дней найти никто не может.

— Я вчера к вам несколько раз приходил, но вы были на операции, а затем ушли в морг. Вы по поводу того больного?

— Какого?

— Ну того, с переломом ребер. Он с лошади упал...

— Нет, у меня к тебе другое дело. Тебе посылку передали издалека.

Он достал из ящика письменного стола маленький, замотанный желто-коричневой бумагой сверток, плотно перевязанный зеленой тесьмой.

— А от кого посылка? — удивился Добронравов.

— Я не знаю. Наверное, внутри написано. Вскроешь — разберешься!

— Нет, я не могу ее взять. У меня нет знакомых, кто бы мог ее передать. Это явно ошибка.

— Слушай, — нервно сказал заведующий, — твоя фамилия Добронравов?

— Да.

— Ты работаешь в пульмоторапии?

Петр молча кивнул.

— Ну все, значит, тебе и передали.

— Нет, не мне, — уверенно возразил Петр.

— Что ты мне тут голову морочишь?! — возмутился заведующий. — Я был в командировке в Москве. Там мне знакомый передал для тебя. Сказал, что эта посылка из-за границы у него находится уже больше месяца, но он все это время никого не мог найти из Иркутска, чтобы передать.

— Но я никого не знаю за границей! — возмутился Добронравов. — Из какой страны ее доставили?

— Понятия не имею. Знаю только, что из Африки.

— Откуда, из Африки??!! Это явно какое-то недоразумение. Не знаю я никого в Африке и брать ничего не буду! Или это провокация?

— Да ты в своем уме?! — повысил голос заведующий. — Я что, получаешься, зря ее вез, что ли? Ты хоть представляешь, какой путь проделала эта посылка, чтобы попасть к тебе? Тот, кто захотел тебе ее выслать, должен был найти человека из России, а тот, в свою очередь, хранить ее, пока не найдется знакомый из Иркутска. Ты думаешь, мне она была нужна? Но я нашел возможность довезти бандероль. И это все ради чего? Чтобы ты отказался ее взять? Знаешь, кто ты после этого?

— Но я-то тут причем? Я не знаю никого из Африки. Вы сами подумайте, зачем мне, никому не известному человеку, кто-то решит ни с того ни с сего что-то посыпать из-за границы? Значит, это провокация против советского человека.

— Кто ты такой, чтобы тебя провоцировать? Ты что, академик или профессор?

— Я аспирант у известного академика. А вдруг его хотят через меня подставить? Он ведь раньше в концлагере сидел.

— Нет, точно, у тебя, парень, крышу сносит. Зачем нужна была такая сложная многоходовая комбинация? Да еще и тебя в нее втягивать... Бред какой-то!

— А что, если, — осенило Добронравова, — хотят моего брата подставить?

— А кто он у тебя?

— В КГБ работает. Об этом-то разведка могла узнать. Тогда через меня и его, и академика можно подставить.

— Ну ты и фантазер! Короче, не морочь мне голову, бери свою посылку и иди себе с Богом. Мне работать надо, меня больные за-ждались.

— Хорошо, — сдался Петр. — Но я вскрою эту посылку при вас. Мало ли что там может быть, потом доказывай, что ты ни при чем.

— Ладно, вскрывай, — тяжело вздохнул заведующий, — только быстрее!

В посылке оказалось три предмета: мужской кошелек цвета хаки на липучке, набор фломастеров и небольшой косметический набор. Все предметы были завернуты в белую бумагу, на которой женским почерком значилось: «Петя, привет! Появилась возможность с оказией тебе передать из Гвинеи-Биссау. Тебе и жене».

— Ну что, понял от кого? — спросил заведующий.

— Еще меньше, чем раньше. Почерк женский.

— Может, твоя первая любовь?

С тех пор прошло три года. К Петру заехал приятель:

— Не хочешь отдохнуть? Давай на Аршан на выходные смотримся?

— А что там хорошего? Уж больно далеко ехать.

— Водичку минеральную попьем, воздухом чистым подышим. На одной науке далеко не уедешь. Ты хоть раз там был?

— Нет.

— Значит, тебе сам Бог велел там побывать. На моей машине сгоняем. Заодно и домой воды привезем. Возьми с собой какую-нибудь тару.

Когда шли к бювету набрать минералки, Петру показалась знакомой врач в белом халате, которая степенно ступала впереди. Она оглянулась.

— Соелма?! — удивился Петр. — Ты что, здесь работаешь?

Они тепло обнялись.

— Уже год.

— А почему не позвонила, что рядом? Я все спрашивал наших однокурсников про тебя, но никто не знал, где ты и чем занимешься.

— Так я ж твой телефон потеряла. Все хотела найти...

— Но ты ведь раньше работала в Улан-Удэ?

— Я оттуда в Ленинград уехала в спецординатуру, два года там отучилась. Там обучают иностранному языку, а затем отправляют работать за границу.

— И ты что, прям язык выучила? А какой?

— Французский...

— Ты — французский?! — удивился Петр. — Мы же в институте немецкий учили.

— А в школе я французский изучала. Правда, учителя все время менялись, так ничего и не выучила толком, только здороваться.

— Нет, но как можно выучить за два года иностранный язык? Ты что, и с больными общалась на французском, что ли?

— Да, я и ребятам из других социалистических стран помогала переводить. Они похуже меня понимали.

— Ничего себе! А работала где, во Франции?

— Нет, в Африке. В Гвинее-Биссау. Тебе, кстати, понравился мой подарок?

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

Академика перевели в Красноярск на должность директора научно-исследовательского института в тот год, когда Добронравов оканчивал аспирантуру.

— Знаешь, Петр, у меня очень много организационных вопросов в связи с переездом. Ты уже успешно прошел предзащиту, осталось только найти оппонентов. Сделай это сам, хорошо?

— А кого лучше брать?

— Ты будешь защищаться в Челябинске по двум специальностям, поэтому лучше найти в том же городе двух известных профессоров по пульмонологии и иммунологии. Сосредоточься на защите!

Решение об отъезде академика было принято в августе. Конкурс на замещение вакантной должности заведующего кафедрой проводить было поздно — уже начинался учебный процесс. Ректор решил временно, на один год, объединить две кафедры под руководством профессора Гадяева, проректора института.

— Ты будешь работать теперь на моей кафедре, — объявил профессор Добронравову, когда вызвал его к себе.

— Но я ведь пульмонолог, у вас нет такого отделения.

— Забудь об этом. Будешь преподавать студентам пропедевтику и общий уход — два самых важных предмета в институте.

— Но я их не знаю!

— Ничего, ты парень способный, справишься. Как, кстати, твоя лаборатория?

— Как раз об этом я и хотел с вами поговорить. Областная больница переехала в новое здание. Для организации иммuno-логической лаборатории выделено пять комнат. Руководство больницы поручило на общественных началах мне ее возгла-

вить как ассистенту кафедры. Поэтому я и прошу вас изменить свое решение.

— Вот ты какой?! Да, мне рассказывали про твоё упрямство. Но ничего, академик уехал, а я научу тебя слушать старших. Ты уже один раз дорогу мне перешел!

— Когда? — удивился Добронравов.

— Когда поступил в аспирантуру. Теперь моя очередь. Когда у тебя защита планируется?

— Весной.

— Многое может измениться за это время. А пока делай, что я говорю.

Лаборатория аспиранта Добронравова стала городской достопримечательностью. Многие врачи и ученые обращались к нему за помощью: кто-то за советом, кто-то просил сделать анализы для диссертации или оценить здоровье пациента. Петр никому не отказывал. Видя полезность проводимых Добронравовым исследований, главный врач больницы начал поддерживать его: выделил несколько ставок лаборантов и две врачебных, помогал реактивами. Петр стал неформальным лидером лаборатории, которая вскоре по набору тестов стала ведущей в Восточной Сибири. Академик радовался, приводя в пример Петра своим ассистентам:

— Учитесь у Добронравова как работать. Он за полгода поднял лабораторию на новый уровень. Сам прекрасно владеет современными методиками, да и других им обучил. Использует не только общепринятые, но и сам изобретает. Молодец!

Но другие так не думали. Добронравов потревожил их спокойствие.

— Если не сделал, значит, не хотел! — говорил академик. — Кто хочет, тот изыскивает средства, а кто не хочет — ищет причину. Учитесь у Добронравова!

Когда академика перевели в другой город, многие вздохнули с облегчением и решили отыграться на его протеже. Поэтому-то никто не поддержал Петра, когда он попытался воспротивиться профессору Гадяеву. Для общего дела было важней сохранить ла-

бораторию и Добронравова в областной больнице, но его перевели в городскую, на кафедру пропедевтики.

Однажды Гадяев пригласил Петра для беседы в свой проректорский кабинет в административный корпус института.

— Прошло уже три месяца, но я не вижу с твоей стороны желания перевести лабораторию на мою кафедру.

— Объединение кафедр временное. Оборудование приобреталось не вами. Я считаю справедливым сохранить его на базе областной больницы.

— Что ж, пеняй на себя. Когда у тебя следующая пара?

— Через десять минут.

Добронравов видел, как проректор сел в «Волгу» и уехал. Сам он добирался до работы троллейбусом и на занятия опоздал. В практикуме сидел Гадяев и еще два преподавателя.

— Ну вот и опоздавший, — провозгласил профессор. — Давайте подпишем акт, — обратился он к ассистентам. Те молча подписали. — Кстати, на тебя и студенты жалуются: ты постоянно опаздываешь, плохо ведешь занятия.

— Я опаздываю? — удивился Добронравов. — Но это неправда!

— Правда-правда! — возразил Гадяев. — Вот смотри. — И он потряс пачкой листов. — Это объяснительные студентов. Они недовольны тобой и просят... нет, требуют заменить преподавателя.

Петр взглянул на студентов. Они опустили глаза.

На следующей неделе обсуждали плохое поведение Добронравова на объединенном кафедральном собрании. В защиту выступили только три преподавателя, которые хорошо знали Петра и не поверили обвинениям в его адрес. Остальные злорадствовали. Теперь на их улице наступил праздник!

Перед Новым годом в Иркутск по своим делам прилетел академик.

— Что, непросто тебе? Давят? — сочувственно спросил он Петра.

— Есть такое.

— Я ведь предупреждал: тебя всегда будет окружать серость. Гадяев решил отыграться на тебе. Без меня власть почувствовал.

— Ничего, я выдержу. Ведь немного осталось, всего полгода — и кафедры вновь разделят.

— А если бы я тебе предложил в Красноярск ко мне в институт перебраться, поехал бы?

— Я бы поехал, — не задумываясь, ответил Петр, — но жена...

— Да, я слышал, что ты женился. Для ученого это большое испытание — можно потерять себя. Ладно, если надумаешь, звони.

Однажды к Добронравову перед занятиями подошел ассистент Путозеров, ярый сторонник Гадяева.

— Слушай, странный ты какой-то. Что к Гадяеву не идешь?

— Зачем? — удивился Петр.

— Ты защищаться вообще думаешь? Подошел бы к профессору, сказал бы, что согласен.

— На что?

— Скоро кафедры разделятся. Гадяев хочет оставить лабораторию и тебя на своей.

— Вряд ли он меня захочет оставить. Я ведь плохой преподаватель и нарушитель трудовой дисциплины.

— Зря ты так. Он к тебе хорошо относится, уважает как специалиста. А нарушения сразу забудутся, он не злопамятный.

— Я подумаю.

Петр твердо решил, что с Гадяевым работать не будет, но и защита диссертации откладываться бесконечно не может. Необходимо было найти компромисс.

— Заходи! — пристально глядя на Добронравова, сказал Гадяев. — Что надумал?

— Перевезти лабораторию на вашу кафедру.

— Долго же ты думал. Давно бы уже защитился. Что для этого нужно?

— Несколько дней. Очень много реактивов и оборудования на складе. Необходимо все тщательно упаковать.

— Помощники тебе нужны?

— Нет, сам справлюсь. А как мои занятия? Не придется опять объяснительную писать?

— Не придется. А за прошлое сам виноват — не надо было артачиться. У меня на кафедре все беспрекословно подчиняются или плачут, даже мужчины.

— И Путозеров плакал?

— Один из первых. Так что привыкай!

«Не на того нарвался! — зло подумал Петр. — Я никогда не заплачу. Не дождешься!» Перед тем как собирать оборудование, Петр сообщил заведующей отделением пульмотерапии, Надежде Герастовне, о готовящемся переезде.

Она возмутилась:

— Ни о каком переезде речи быть не может! Наши больные нуждаются в постоянном контроле иммунитета. И не только. Вся больница пользуется результатами анализов. Так что ничего не выйдет.

— Но я вынужден подчиниться. Он завкафедрой, а я хоть и временно, но его подчиненный. У меня защита диссертации встала. Он никуда меня не выпускает.

— Хорошо. Ты пока собирай, а я пойду к главврачу и сообщу о решении Гадяева.

Главный врач, узнав о готовящемся переезде лаборатории, поехал к ректору института, который сменил на посту предыдущего. Он был из Красноярска, не знал предыстории вопроса и обещал разобраться. Через два дня Добронравова вызвал Гадяев.

— Продолжаешь безобразничать? Чем ты все это время занимался, интриги плел? Я ведь могу тебя уволить за нарушение трудовой дисциплины. Тебя не было на кафедре два дня.

— Я упаковывал оборудование и реактивы.

— Не ври! Меня вызывал ректор и сказал, что ты не хочешь переезжать. К нему приезжал главный врач и просил отменить мое распоряжение. Это ты его попросил?

Гадяев говорил возбужденно. Даже в спокойном состоянии он с трудом выговаривал слова из-за какой-то давно перенесенной

болезни, а когда нервничал, то его речь делалась совсем невнятной. Эта его особенность, равно как и утиная походка, очень гармонировала с фамилией.

— Нет. Но я и не скрывал, что готовлю оборудование к переезду. Возможно, ему кто-то рассказал.

— Я все равно убедил ректора в правильности своего решения. Он меня поддержал. — Глаза Гадяева торжествующе блеснули. — Но тебе я верить перестал. Ты перевезешь лабораторию под контролем Путозерова. Завтра же!

Добронравову ничего не оставалось, как подчиниться.

На следующем кафедральном собрании опять разбирали его поведение. На это ушла половина времени.

Учебный год подходил к концу. Гадяев не разрешил слетать в командировку в Челябинск. Год был потерян. Приближалось лето. Перевезенная лаборатория так и осталась стоять в ящиках, так как, кроме Добронравова, никто не знал, как пользоваться оборудованием. Но, главное, что никакие угрозы, никакие издевательства не заставили его заплакать.

В начале июня Добронравов встретился с Потягиным.

— Вы всех профессоров и академиков пульмонологов знаете в Советском Союзе. Помогите договориться с двумя из них — членами ученых советов. У меня будет защита по двум специальностям. Такое условие выдвинул иммунологический совет.

— Стариk, тебе повезло! Через два дня через Иркутск с посадкой будет пролетать делегация из Ленинграда на съезд пульмонологов в Благовещенск. В ней несколько профессоров, которые тебе и нужны. Есть возможность с ними переговорить во время стоянки самолета. Правда, времени на это немного. Но организуй хлеб-соль — и все будет в порядке.

В день прилета делегации погода резко испортилась. Усилился ветер, похолодало. Самолет приземлился, когда пошел снег. Объявили задержку рейса на сутки.

— Ты счастливчик! — Потягин довольно улыбнулся. — Сможешь организовать хорошую баньку? Остальное я беру на себя. Теперь уж точно получится договориться. Они из наших!

Петр договорился с одноклассником Сашкой, который недавно вместе с родителями переехал в частный дом в предместье Рабочее. Там они построили большую баню. Его родители тоже любили париться и часто принимали гостей.

— Да... — сказал профессор восхищенно, обтираясь снегом возле бани. — Теперь я понимаю, что такое Сибирь. В июне месяце снег. И как вы здесь живете?

— Ты не поверишь, Саныч! Я такое сам впервые вижу. По-видимому, Бог на стороне Петра.

— Какого Петра?

Потягин взглядом показал на Добронравова.

— Ему очень надо было с вами поговорить. Переживали, что времени не будет в аэропорту. А тут снег выпал.

— Так это из-за тебя нас задержали? — засмеялся профессор. — Тогда наливай!

Добронравов не ожидал, что ученые окажутся такими простыми и душевными людьми. В Москве он видел других. Они сразу согласились прилететь на защиту к Добронравову и помочь. Только предупредили, что раньше следующей весны не получится.

В сентябре назначили нового заведующего кафедрой госпитальной терапии — профессора Сизову. Она была из Красноярска, знакомая ректора. Добронравов вернулся в областную больницу, но лабораторию потерял. Не дождавшись Петра, помещения отдали в распоряжение новой кафедры клинической иммунологии. Добронравову выделили другие две комнаты, которые, к сожалению, были мало приспособлены для исследований. Часть оборудования Гадяев так и не вернул из вредности — но и пользоваться им там никто не научился.

— Здравствуйте! — поздоровалась профессор с Петром. — Вы и есть тот самый знаменитый Добронравов? Много слышала

о вас. Разного. Профессор Гадяев очень вами недоволен. А академик характеризует только положительно. Пойдете ко мне заместителем кафедры по науке?

— Я?! — удивился Добронравов.

— А что? Вы молодой, перспективный. Без пяти минут кандидат наук. Я пульмонолог, и у меня большие планы. Мне нужны способные, преданные люди. Я здесь никого не знаю, вы можете помочь.

— Помочь я всегда готов! — ответил Петр. — Но от предложения отказываюсь. Думаю, меня не поймут, ведь есть более достойные люди. Я бы посоветовал вам Сафудинова. Он очень работоспособный и ответственный человек. И ни в каких интригах не участвует.

— Что ж, спасибо. Ваше решение окончательное?

— Да.

— А как ваша диссертация? Когда защита?

— Весной. Совет должен быть с участием профессоров пульмонологов, а они раньше не смогут. Отпустите?

— Отпушу.

Новый профессор развернула бурную деятельность. Она защищила докторскую диссертацию по новому способу лечения бронхиальной астмы: предложила пропытывать горло больным и вставлять тонкую пластиковую трубку в трахею, через которую каждые два часа вводили растворы. В своем труде Сизова доказывала, что после такой процедуры мокрота разжижается и дыхание у больных улучшается. Все врачи отделения взвыли. Она настаивала на том, чтобы ассистенты-пульмонологи, в том числе и Добронравов, сами научились проводить эту процедуру и обучили врачей. Больные отделения рыдали. После каждого введения раствора они заходились кашлем до синевы и эффекта от лечения не наблюдали. Но профессор была непреклонна.

Наступила весна. Подходило время защиты. Необходимо было решить, как организовать приезд в Челябинск профессоров, которые подтвердили свое согласие. Но надо было решить вопрос

с проживанием, а в незнакомом городе это было сделать ох как непросто.

Узнав о проблемах Петра, тренер по карате Алексей предложил:

— Давай я тебе помогу. Я сам родом из Челябинска, многих в городе знаю. Все решим, но не по телефону. Мне тоже придется с тобой поехать.

— Да, это было бы здорово! — обрадовался Петр.

С гостиницей договорились быстро, у Алексея и правда в городе было много знакомых. С одними он вырос, с другими — занимался спортом, с третьими — учился. Когда поехали встречать профессоров, он спросил Добронравова:

— А какую культурную программу ты намерен им предложить?

— Кому? — удивился Добронравов.

— Профессорам, конечно! Они ведь приехали ради тебя. Ты им должен скрасить время до защиты, — пояснил Алексей.

— Но как? Разве это хорошо? Они ведь будут оценивать мою диссертацию и голосовать.

— Вот именно! Поэтому их надо встретить как следует. Ладно, не волнуйся, у меня есть идея.

Когда профессора устроились в гостинице, Алексей предложил им поужинать в ресторане «Уральские пельмени».

— Вы когда-нибудь пробовали пельмени из медвежатины? — спросил он профессоров.

— Нет!

— Тогда закажем под водочку?

Добронравов много не пил, ведь завтра ему предстояла защита, а еще надо было подготовиться. Но все равно наутро чувствовал себя неважно. Защита должна была состояться в одиннадцать, но ее перенесли на два часа.

— Это хорошо, — обрадовался Алексей, — успеем опохмелить наших друзей! Бери бутылку водки и поехали. Надо еще колбаски захватить по дороге.

— Ты что?! — возмутился Добронравов. — От них же будет перегаром нести на защите. Да они и не поймут этого. Я не поеду!

— Они не поймут, если ты этого не сделаешь! Тогда настроение у них будет плохое и я не ручаюсь за последствия. А мы вчера выпили немало.

Профессора гостям обрадовались. Уговаривать их не пришлось, они с удовольствием выпили всю бутылку.

На ученом совете собралось человек сорок, в основном профессора. Фамилии многих из них Добронравов знал, так как читал их труды. Петр выступил великолепно. Ответил на многочисленные вопросы. Оппоненты дали положительные отзывы. Профессора из Ленинграда отметили оригинальность работы, ее новизну. Наступило голосование. «За» проголосовали почти все, «против» — один. Петр расстроился.

— Не расстраивайтесь, молодой человек, — подошел к нему председатель ученого совета. — Ваша защита прошла блестяще. А черный шар мы кинули специально, чтобы в ВАКе не посчитали, что у вас слабая диссертация и вы ее защищали по блату. Да, — глядя в недоуменные глаза Добронравова, улыбнулся профессор, — у ВАКа своя логика!

— Ну что, в ресторан? — предложил Алексей.

— Что-то я устал, — вздохнул Петр, — спать сильно хочется.

— Не забывай про профессоров. Они тоже устали. Им завтра улетать.

Отмечали защиту вчетвером в том же ресторане. Когда допивали вторую бутылку, Алексей сказал:

— Заметил? Профессора на девчонок косятся за соседним столиком. Иди с ними познакомься и договорись к нам пересесть. Если бы не они, твоя защита точно не состоялась бы.

— Ты уверен, что это обязательно надо сделать? — засомневался Петр.

— Уверен. Кандидатская степень — только начало твоего пути. Ты непременно захочешь защитить докторскую, и они тебе пригодятся еще не раз. Так что иди и не сомневайся.

Девушки оказались местными, отмечали день рождения. Узнав, что Петр празднует защиту, легко согласились пересесть за их столик. Профессора были довольны и быстро забыли про усталость.

На следующий день Алексей и профессора улетели, а Добронравов еще неделю оформлял документы для ВАКа.

В Иркутске его уже ждали: необходимо было лететь в командировку на Север и оценить с помощью иммунологических тестов здоровье нефтяников. Утвердили диссертацию в ВАКе через четыре месяца.

— По какой теме вы хотите писать докторскую? — спросила Добронравова профессор Сизова.

— По методам нетрадиционной медицины. Я уверен, что легочным больным во многих случаях эффективно могут помочь иглотерапия, траволечение и психотерапия. В настоящее время их используют разрозненно. Я хочу разработать методику комплексного применения под контролем функциональных методов исследования и иммунологических тестов.

— Это не тема для исследования. Я хочу, чтобы вы продолжили сбор доказательств высокой эффективности предложенного мной метода. Получится прекрасная диссертационная работа. Новизна ей обеспечена. Никто в мире его больше не использует.

«Это точно! — мысленно согласился Петр. — Никто больше не хочет так издеваться над больными».

— Но для начала, — продолжила профессор, — вам надо съездить в Ленинград и пройти хорошую специализацию по пульмонологии в головном институте. Я уже договорилась. Вы вылетаете через неделю.

Это был тот самый институт, из которого приезжали профессора на защиту, так что по приезде Добронравов первым делом с ними встретился.

— Знаем мы твою начальницу, — улыбаясь, сказал профессор, наливая водку в рюмку. — Она ученица академика Адо, а он большой авторитет в аллергологии. Помню ее еще смазливой девчонкой, как-то вместе в бане парились. Она быстро с академиком со-

шлась. Ее метод смешон. Но наука — это не только идеи, это еще и связи.

Петр параллельно со специализацией по пульмонологии прошел и иглорефлекстерапию. В Иркутск он вернулся, вооруженный новыми знаниями, и жаждал их применить на практике. Через день после прилета подошла его очередь ночного дежурства. По графику ассистенты должны были дежурить один раз в месяц, но так как он отсутствовал долгое время, то его включили в график аж целых три раза. Во время обхода своего отделения он обратил внимание на то, что в одной из палат одновременно находится шесть больных с бронхиальной астмой. Все они были инвалиды второй группы, гормонозависимые. Поступили на госпитализацию почти одновременно два дня назад. У всех было обострение заболевания и сейчас бедняги шумно хрипели. Однако лечение им не назначали, почему-то ждали профессора Сизову, которая должна была вернуться завтра утром из командировки. Увидев страдания больных, Петр предложил им попробовать иглотерапию и те, уже порядком намучавшись, с радостью согласились. Через двадцать минут хрипы у всех исчезли, они стали дышать ровно и легко.

— Доктор, а вы не могли бы нас лечить? — спросили больные под конец.

— Завтра я переговорю с вашим лечащим врачом, если он согласится, то я не против, — согласился Добронравов.

Утром на практику пришли студенты. Тема занятия — бронхиальная астма. Обсудив теоретическую часть, Добронравов взял их с собой на обход. В палате, где лежали больные с бронхиальной астмой, его уже ждали: у двоих состояние резко ухудшилось и теперь они шумно хрипели на выдохе. Петр поставил им иголки и через пятнадцать минут хрипы исчезли. Результат поразил студентов, и они потом долго с восхищением рассказывали своим однокурсникам об увиденным своими глазами чуде. Вот только профессор Сизова осталась крайне недовольна произошедшим. Оказалось, этих больных собрали в одной палате для демонстра-

ции эффективности именно ее метода лечения. Им предстояла операция по имплантации трубки в горло, но после эксперимента Добронравова они настаивали, что хотят продолжать лечиться только у него.

— Как вы посмели?! — брызгая слюной, зло вопила профессор. — Кто вам дал право использовать метод лечения, которым вы не владеете?!

— Почему не владею? — удивился Добронравов. — В Ленинграде я прошел специализацию по иглорефлексотерапии.

— Я вас посыпала на специализацию по пульмонологии.

— Я ее тоже получил. Сдал зачеты на «отлично».

— Я вам не верю! Невозможно одновременно качественно пройти специализацию по двум предметам. Я сделаю официальный запрос в институт. Вы не боитесь? — рассерженно спросила она.

— Не боюсь. Делайте!

Об этом инциденте вскоре заговорили и в больнице, и в институте. Тамара Петровна на кафедральном собрании включила дополнительно в повестку вопрос: «О поведении Добронравова». «Это мы уже проходили на кафедре Гадяева, — устало подумал Петр. — И почему я все время попадаю в такие переделки?»

Преподаватели разделились на два лагеря. В этот раз сторонников у Добронравова было намного больше, чем во время работы у Гадяева. Тем не менее по настоянию заведующей ему вынесли порицание.

«Зачем все это терпеть? — тоскливо думал Добронравов. — Я стараюсь как лучше, а получается, что все время виноват».

Дома он поделился своими печалями с женой:

— Я принял решение уйти с кафедры. Устроюсь врачом и буду просто лечить больных. Я владею многими эффективными методами, а применять их не могу. Не разрешают. Почему больные должны страдать от глупости заведующей? Она ведь просто издевается над людьми, когда вводит лекарство через трубку в горле. Врачи тоже недовольны, но боятся ей возразить.

— И правильно, Петя, — согласилась жена, — тем более что денег платят мало, а работаешь ты сутки напролет.

На следующий день Петр подал заявление на увольнение. Это еще больше возмутило профессора, которая надеялась на его помощь.

— Если вы хотите уволиться из-за несправедливого к вам отношения, то хочу признаться: подтверждение о ваших специализациях я получила. Возможно, я была неправа. Ну что, инцидент исчерпан?

— Нет, простите, я уже принял решение.

— Хотите, чтобы я извинилась на кафедральном собрании? Хорошо, я согласна. Только вы тоже должны передо мной извиниться.

— За что? — удивился Петр.

— Вы ведь специально хотели мне навредить? Мне об этом сказала старший лаборант.

— Да, мы с ней не ладим. Она активно помогала «объективно» меня оценивать Гадяеву. Теперь вот и вам «помогает». Я не знал, что вы больных специально собирали для своих опытов. Меня никто не предупредил. Но я ни о чем не жалею. Больным стало лучше. Пусть хоть шесть человек, но я спас людей от не- нужной операции.

— Ах, вот вы как оцениваете мой новый метод лечения! — поморщилась Сизова. — Хорошо, мы еще позже к этому вернемся. А пока идите работать.

— Я подал заявление на увольнение и хотел бы, чтобы вы его подписали.

— Не я буду решать. Я вынесу вопрос на кафедральное собрание.

Вопрос опять назывался «О поведении Добронравова». Профессор выступала очень эмоционально.

— Нет, вы скажите, это нормально?! — обратилась она к присутствующим. — Молодой талантливый кандидат наук, без пяти минут доктор, хочет покинуть кафедру. Другие стремятся к нам

попасть, а он не ценит свое место. Это неуважение ко всему коллективу.

Многие преподаватели только на собрании узнали о намерениях Добронравова и теперь шумно обсуждали эту новость.

— И главное, вы не знаете, куда он собрался. Он хочет пойти работать участковым врачом, — продолжала нагнетать Сизова.

Гул в комнате нарастал: всех удивило решение Добронравова.

— Я же вас предупреждала, — выступила преподаватель-гематолог, которая консультировала Петра на шестом курсе. — Сама, собственноручно, написала в характеристике, что он склонен к нестандартному мышлению. Вот вам и результат!

— Я хорошо обдумал свое решение, — поднялся Петр и шум тут же утих. — Больше я работать на кафедре не буду!

— Тебе это еще аукнется, — зло выкрикнула профессор. — Ты еще пожалеешь! Захочешь еще вернуться — не возьмем!

— Ничего, жизнь все расставит по своим местам.

КОПАЙ

Добронравов медленно шел по грязной улице Копая, одного из самых запущенных районов Иркутска, самовольно застроенного в разные годы одноэтажными деревянными домами. Район этот находился на самой окраине города, поэтому у властей до его благоустройства руки никогда не доходили. А может, это происходило из-за скромности его жителей, которые, построив дома без необходимых согласований, stoически терпели отсутствие элементарных бытовых удобств — водопровода, освещения на улицах, асфальтированных дорог, довольствуясь только электричеством, за которое они, правда, как правило, не платили. На картах города Копай вначале нигде не значился, однако его жители как-то умудрялись получать городскую прописку, так появлялись улицы и кварталы, микрорайон разрастался и не замечать его на конец стало попросту невозможно. Поэтому к жителям сталиходить участковые врачи, давшие клятву Гиппократа оказывать медицинскую помощь всем нуждающимся. И вот теперь участковый врач Добронравов шел на вызов к ветерану войны, который числился на диспансерном учете по гипертонической болезни. Вызов был последним. Добронравов специально отложил его на конец рабочего дня, чтобы не торопясь поговорить со стариком. Для пожилых людей главное лекарство — это доброе слово. Хотя общее число вызовов превосходило все нормативы, Добронравов был вынужден с этим мириться. Врачей отчаянно не хватало, а больных в беде оставить было нельзя. Что ж, такова доля современного российского врача, а в свое время и советского, в ранге которого Добронравов успел поработать несколько лет. Что интересно, как бы высоко ни ценила любая власть врачей, денег им много никогда не платили. Зато требования к их квалификации

повышались изо дня в день, постоянно придумывались какие-то «важные» нововведения. Так врачи стали заложниками своего образования и глупой романтичной молодости, когда они приняли решение пойти учиться по выбранной специальности. Сейчас, осмысливая выбор профессии, Добронравов пришел к выводу, что она проигрывает многим другим в плане материального достатка и удовлетворенности результатами. Поэтому детям своим он решил посоветовать избрать любую другую профессию, но только не врачебную, чтобы они смогли и дух свободным сохранить, и зарабатывать достойно. Правда, детей у него не было. Добронравов был женат, однако счастье продлилось недолго. В стране началась перестройка, и он, к тому времени уважаемый всеми врач, не смог противостоять зарождающемуся капитализму. Жена не вынесла постоянного безденежья и вскоре ушла к «новому русскому».

Дом, в котором жил ветеран, находился в глубине Копая, возле реки Ушаковки, раньше, до того, как выше по течению не построили новые многоэтажные дома, славившейся своими лечебными свойствами. Теперь народ из-за неприятного запаха, вечно витающего над водой, называл ее Говнянкой. По-видимому, желая сэкономить, строители часть канализации отвели в реку, может, планировали временно. Затем дома вообще перестали строить, а к неприятному запаху все привыкли и перестали замечать эту проблему, как и многие другие.

Как известно, эпидемия гриппа чаще распространяется весной и осенью. В это время в Сибири разница между дневной иочной температурой может достигать двадцать градусов, а такие резкие перепады способствуют развитию инфекции. Плохая погода благоприятствовала и ухудшению дорог, которые и так в Копае никто не ремонтировал, — после дождя и мокрого снега вообще становилось невозможно ходить. Но это никогда не волновало руководство поликлиники, где работал Добронравов, так же как и вышестоящее начальство. Врач был обязан обслуживать своих пациентов — и никаких разговоров.

В тот день, когда Добронравов шел на свой последний вызов, утром был сильный дождь. Приподняв гачи брюк, он медленно продвигался по Копаю, заблаговременно уступая дорогу одиночным машинам, которые, буксую и разбрызгивая грязь из-под колес, обгоняли его. В костюме, с большим портфелем в руках Петр не вписывался в окружающую его картину.

Проходя мимо домов, он привлекал внимание многочисленных собак за заборами, которые шумно встречали и провожали его, передавая эстафету соседским четвероногим сторожам. Добронравов хорошо знал дорогу, это его и выручало. Можно было не только успешно миновать наиболее грязные места, но и сократить маршрут, двигаясь по переулкам и пустым, еще не застроенным или заброшенным участкам. Тем не менее нужно было торопиться. Начало смеркаться, а тащиться домой по темным улицам в частном секторе совсем не хотелось.

Подходя к нужному дому, Добронравов издалека услышал писклявый лай Тимки, маленького четвероногого сторожа, который, видимо, узнал врача. Поэтому, когда он подошел к калитке, она приоткрылась и из нее вышла пожилая маленькая худая женщина:

— Здравствуйте, Петр Николаевич! Ждем вас, что-то давненько к нам не захаживали. Вы ведь знаете, что мы вам всегда рады.

— Да, конечно знаю, Софья Ивановна, и я всегда с большим удовольствием к вам прихожу, и не только, когда вы меня вызываете, но и по собственной инициативе, для профилактики.

Хозяйка улыбнулась, глаза ее засветились, и она, привязав собаку к будке, широко открыла калитку, жестом приглашая Добронравова войти, хотя Тимка и так не причинил бы врачу никакого вреда. Он относился к разряду добродушных беспородных псов, от которых требовалось только предупреждать заранее о приходе посторонних.

Дом представлял собой старую постройку, нижние бревна уже слегка подгнили и немного перекосились. Ставнями, которые еще как-то держались на месте, явно не пользовались. Но входная дверь была сделана из толстых, хорошо прокрашенных досок

и представляла собой серьезное препятствие для непрошеных гостей. Дорожка от калитки к дому была вымощена потрескавшимися бетонными квадратными плитами, которые во время дождя являлись основой чистоты в доме.

Недалеко от дома стоял деревянный сарай без ворот, в нем размещался старенький горбатенький «Москвич-401» — эхо былой роскоши. Он давно уже никуда не выезжал, о чем говорило смятое, сильно проржавевшее левое переднее крыло, прислоненное к капоту. Под днищем автомобиля валялась груда запчастей, покрывшихся толстым слоем грязи.

Во всех окнах горел свет, в комнатах было жарко натоплено. На слегка влажном полу — видно, недавно помыли — лежали пестрые домотканые дорожки. Хозяева явно готовились к встрече с врачом и сделали уборку. Впрочем, это было характерно для людей старшего поколения, и не только живших в неблагоустроенных домах на окраине города. Может, потому, что в последнее время их мало кто навещал. А может, поступали они так в силу старого, еще советского воспитания, когда было принято гостям подавать все самое лучшее из своих скучных запасов и наводить порядок перед их приходом, чтобы никто не знал, как люди живут на самом деле. «Сейчас такого уже не встретишь, — подумал Добронравов, — все стало намного проще. Пыль в глаза пускать не принято, да возможности у многих поубавились. Жить-то большинство стало явно хуже, особенно пенсионеры». Круглый стол в большой комнате был накрыт белой скатертью и сервирован на четыре персоны. Это не стало для Петра неожиданностью — хозяева всегда старались накормить его. Может, потому что у него был вид старого холостяка, хотя они и так знали, что он живет один, а может, потому что считали своим долгом отблагодарить врача за то, что он их посещает. Или просто хотели задержать его подольше, чтобы наговориться всласть. Но в любом случае Петр любил эти скромные застолья, потому и спланировал последний вызов именно по этому адресу. Хотя, как правило, ужинали они втроем, и четвертая тарелка в привычную картину

сейчас не вписывалась. «Мало ли какие причины, — подумал Добронравов. — Может, кто в гости приехал. Или просто про запас тарелку поставили».

Хозяин, Матвей Сидорович, высокий жилистый мужчина с седой шевелюрой, находился в маленькой спальне, лежал на застеленной красным покрывалом металлической кровати. Лицо его было изъедено глубокими мимическими морщинами, но взгляд был бодрым. Когда Добронравов зашел в комнату, Матвей Сидорович немного приподнялся на кровати, приветствуя врача.

— Заждались меня, наверное? Уж извините, сегодня, как никогда, очень много вызовов. Эпидемия гриппа народ валит, не успеваем вовремя ко всем прийти. — Добронравов тщательно стал растирать ладони. — Приходится делать такую вот гимнастику, чтобы повысить иммунитет. Вы ведь знаете, что в кистях рук находится большое количество нервных рецепторов и биологически активных точек, когда их массируешь, все органы активизируются, меньше шансов заболеть. И вам надо делать. — Добронравов внимательно посмотрел на стариков. — Что, не верите?

— Почему же не верим, обижаете, Петр Николаевич, вам во всем верим. Вы наш царь и бог здоровья. Когда в прошлый раз вы показали точечный массаж, помогающий не заболеть простудой, так Софья Ивановна по нескольку раз в день стала делать, поэтому и хорошо себя чувствует. Видите, какая она шустрая? А я ленюсь, скажу честно, видно, поэтому и расхворался.

— Ну-с, Матвей Сидорович, для начала измерим ваше давление. Как ваша голова, не болит? — Добронравов достал из портфеля механический российский тонометр, медленно раскрутил манжетку и надел на руку пациента. Вставил концы фонендоскопа в уши, сосредоточился и стал прислушиваться к пульсу.

— Да, немножко повышенено. Таблетки, которые я вам рекомендовал, пьете регулярно? Артериальная гипертензия — очень коварна, только и ждет, когда больной расслабится. Мы ведь часто не знаем, когда и как погода изменится или кто нас расстроит. Или другая какая болезнь вспыхнет, например простуда. Это все фак-

торы риска развития грозных осложнений, таких как инфаркт и инсульт. Поэтому вы уж, Матвей Сидорович, принимайте таблетки от давления регулярно, как я вам прописал. Хорошо или плохо себя чувствуете — неважно, лекарства — это ваша надежная защита.

Добронравов, не вынимая из ушей фонендоскоп, не торопясь, прослушал дыхание пациента, затем осторожно пропальпировал живот.

— Что ж, чуденько. Печень у вас в порядке, не увеличена, но курить надо бы все равно поменьше. Бронхит никто не отменял, немного хрипите, хотя хрипы старые, сухие, как и у всех хронических курильщиков.

— Вот и я ему то же самое говорю, — вмешалась в разговор Софья Ивановна, — курить меньше надо. Да разве он послушается?!

— Ну ладно-ладно, Соня, прекрати, старую песню свою опять завела. Теперь уж оттого, курю я или нет, ничего не изменится. Я курю более шестидесяти лет, и если бы это так сильно влияло на мое здоровье, то сейчас бы меня и на свете бы не было.

Добронравов улыбнулся:

— В определенной степени Матвей Сидорович прав: организм или выдерживает такую нагрузку, или сразу отвергает. Я вот, например, тоже по молодости пытался курить, как все, так мне сразу плохо становилось, вот и не курю до сих пор. Хотя скажу вам начистоту, — он поглядел на хозяина, — как врач, курить все же вредно, и если будете курить меньше, то и вам, и Софье Ивановне только лучше будет, ведь она тоже вынуждена вдыхать никотин как пассивный курильщик. Кстати, давайте-ка я и вас тоже послушаю и измерю давление.

Добронравов повернулся к хозяйке, но она очень бурно запротестовала, размахивая руками и качая головой:

— Нет уж, спасибо. Только начни свое здоровье изучать, так вмиг и заболеешь. Я себя очень хорошо чувствую, а когда понадобится, знаю к кому обратиться, вы ведь не откажете мне, Петр Николаевич?

Она улыбнулась и пошла в большую комнату. Сделав назначения, Добронравов изучил все таблетки в старом пожелтевшем полиэтиленовом пакете, лежавшем на тумбочке возле кровати, отложил несколько упаковок и подробно расписал на тетрадном листке, что необходимо принимать и в какой последовательности.

— Ну вот и все, осмотр окончен. — Добронравов собрал свои принадлежности, аккуратно положил в портфель и встал.

— Вот и слава богу! А то наши болезни все равно все не изучить и не вылечить — слишком их много накопилось за нашу жизнь. — Матвей Сидорович поднялся с кровати, застегнул плотную клетчатую рубашку и предложил Добронравову выпить чаю.

Софья Ивановна уже успела поставить на стол несколько блюд — домашний холодец в металлической миске, соленые огурчики и грибочки, квашенную капусту, дымящийся отварной картофель, порезанное мороженое сало.

А хозяин, подойдя к холодильнику, достал полулитровую, слегка запотевшую бутылку водки:

— Собственного изготовления, крепкая, как вы любите, Петр Николаевич.

Софья Ивановна, которая только пригубила рюмку, спросила у Добронравова:

— Скажите, а почему вы не женитесь?

— В молодости женился по взаимной любви, а она оказалась некрепкой. Как только трудности появились в семье, так и ушла жена к другому. В начале девяностых многим стало не до жиру, быть бы живу! Деньги совсем перестали платить бюджетникам, а цены росли как на дрожжах. Так что я опустился на самое экономическое дно.

Я ведь вначале собирался ученым стать, даже кандидатскую защитил, но работа на кафедре не сложилась. Тут и перестройка подоспела, будь она неладна. Потом строй сменился. Стал работать на полторы ставки в поликлинике и по ночам подрабатывать на «скорой помощи». Но сколько бы я ни зарабатывал, все равно ни на что не хватало. Вот жена и убежала к «новому русскому».

Так, незаметно для себя, в борьбе за выживание я перестал думать о личной жизни. Так что не женат не потому, что не хочу, просто смирился.

— Нет, так жить нельзя, не по-человечески это. — Софья Ивановна решительно замотала головой. — Вот мы с Матвеем Сидоровичем поженились более пятидесяти лет назад, и оба до сих пор ни о чем не жалеем. Так ведь, Митя? И трудности тоже были, и без квартиры жили, и зарплата была низкая, но мы любили друг друга. Не все, Петр Николаевич, женщины только за деньгами гонятся, хотя и раньше такие были. Ведь любая женщина больше всего хочет любви, семью создать, детей воспитывать. Хотя, конечно, сейчас жизнь стала другая, без денег пропадешь.

— Что ты, Соня, набросилась на Петра Николаевича, он и так сегодня набегался не от хорошей жизни. Давайте лучше выпьем. — Матвей Сидорович взял бутылку и разлил по рюмкам. — Мы ведь с вами поговорить хотели об одном деле. К нам племянница приехала из другого города, тоже не замужем. Ей уже тридцать лет, а все какими-то общественными делами занимается, также, как и вы, жизнь свою никак устроить не может. Вот мы и решили вас с ней познакомить. Но давайте немного выпьем, а то водка испаряется быстро.

Рюмки были маленькими, вмещали не более тридцати граммов, но выдохнул Матвей Сидорович с шумом, будто стакан выпил.

Добронравову не очень хотелось разговаривать о семье, после личной неудачи он решил эту тему закрыть до лучших времен. «Хотя, — подумал он, — мне уже за сорок перевалило, может, пора и о себе подумать. Время так быстро летит, не заметишь, как на пенсию надо будет выходить. А с кем потом останешься, кому нужен будешь, старый и больной?» Тут в дверь постучали и в дом вошла молодая женщина. Добронравов внимательно ее рассмотрел. Волосы у нее были выющиеся, темно-русого цвета, глаза — большие. Одета она была в голубое трикотажное платье, которое вместе с такими же по цвету клипсами очень гармонировало с ее сине-голубыми глазами. В руках держала светлый плащ.

— Это Ольга, наша племянница, знакомьтесь. А это наш врач, Петр Николаевич.

Добронравов несколько смущился от неожиданного прихода и стремительного знакомства. Но еще больше оттого, что незнакомка необъяснимо для него самого вывела его из состояния равновесия, хотя человек он был спокойный и сдержаный. Петр тут же пожалел, что так небрежно оделся. «Надо было белую рубашку надеть, — тоскливо подумал он, — да и галстук бы не помешал». Галстуки он перестал носить после развода с женой, которая всегда настаивала на том, чтобы муж выглядел презентабельно.

Ольга оказалась бойкой девушкой. Быстро разувшись, присела за стол, пододвинув к себе тарелку и вилку.

— А рюмку что же не взяли? — поинтересовался Добронравов.

— Она у нас совсем не пьет, — с гордостью сказала Софья Ивановна. — Хотя в таких случаях, как сегодня, может быть, и не помешало бы. — Она вопросительно посмотрела на племянницу.

— А я и так веселой буду, не сомневайтесь, тетя Соня. — Ольга широко улыбнулась и весело посмотрела на Добронравова. — Чтобы веселиться, выпивать необязательно. Правда, доктор? Что об этом говорит медицина?

— Можно и не выпивать. Алкоголь ведь человечество не с момента своего рождения принимает. Много тысячелетий без него как-то обходилось. А когда люди попробовали спиртное, то быстро пристрастились к нему, с ним проще, хотя и не всегда лучше. Алкоголь ведь не только настроение поднимает, но и боль, в том числе и душевную, снимает. Он и микробов активно убивает, и температуру снижает при обтираниях. А когда холодно, наоборот, согревает при приеме внутрь. То есть не только вред от него, но и польза есть.

— А алкоголики тогда откуда берутся и почему?

— А это уже не физические, а социальные последствия его употребления. Алкоголь ведь изменяет душевное состояние человека, облегчает страдания. Выпил человек — и стало ему не так больно из-за своих неудач в жизни. Сильный человек, смягчив остроту пе-

реживаний, затем сам справляется со своими проблемами, а морально слабый человек, без стержня, пристраивается к нему. Ведь можно ничего не делать, а чувствовать себя победителем, пока под действием спиртного находишься. Поэтому и пьют.

— А цирроз печени разве не алкоголь вызывает?

— Не алкоголь, а алкогольные напитки. Я по этой теме в студенчестве реферат писал — мне поручили на научном кружке, — тщательно изучил литературу и не нашел ни одной статьи, доказывавшей, что алкоголь действительно разрушает печень и мозг. Все эти проблемы связаны с продуктами распада алкоголя и примесями, которые содержатся в напитках. Например, водка и белые вина меньше всего влияют на печень, зато коньяк и красные вина разрушают ее из-за большого количества красящих веществ, которые печень вынуждена перерабатывать, нейтрализуя их. Я после своего доклада коньяк вообще перестал пить. Хотя и здесь не все так однозначно.

— Давайте сменим тему, а то пить совсем расхочется, а я ведь целый день сегодня простоял у станка, чтобы такой божественный напиток получился, — рассмеялся хозяин. — Как, Петр Николаевич, нравится вам мое изделие? — Матвей Сидорович снова разлил по рюмкам и выпил, долго после этого причмокивая.

Добронравов пригубил, но пить не стал. Он поймал себя на мысли, что Ольга ему нравится. «Опять, что ли, влюбился с первого взгляда?» — удивленно подумал он.

— А вы, Ольга, чем занимаетесь? — спросил Добронравов, слегка смущаясь.

— Общественными работами! — Она звонко рассмеялась. — Вам уже, наверное, об этом рассказали. — И игриво посмотрела на стариков. — На самом деле я менеджер по маркетингу. Для продвижения любого товара на рынке необходимо изучать потребности людей, чтобы потом, основываясь на их желаниях, изготавливать нужную для них продукцию. Или упаковывать ее так, как им больше нравится, подбирая лучшие цвета, формы и так далее. Вот этим я и занимаюсь, работаю в тесной связи с рекламны-

ми фирмами, ищу новые способы продвижения товара. А в Иркутске оказалась почти случайно, сама я из Новосибирска. У вас в городе мы открываем супермаркет, наш филиал, а меня назначили главным по маркетингу. Конечно, если бы у меня не было здесь близких родственников, может, и отказалась бы сюда ехать, так как картина передо мной предстала удручающая. Я много езжу по России, но такого грязного, запущенного во всех смыслах города я еще не встречала. Я уж не говорю про дороги, которых, можно сказать, и нет вовсе. Может, у вас и городской власти нет? — Она грустно улыбнулась.

— А разве в других городах по-другому? Я думал, мы живем, как все в России, не лучше и не хуже. Если не считать Москву, конечно. Там-то всегда люди хорошо жили.

— В том-то и дело, что в большинстве городов лучше живут. Я впервые в Иркутске побывала еще маленькой — мне было лет двенадцать или четырнадцать, сейчас уже точно не помню. Так вот, тогда у вас было лучше, чем сейчас. Намного лучше. Город маленький, но уютный, утопал в зелени, много красивых деревянных домов. А сейчас те дома перекосились, но их никто не ремонтирует, даже не красит, многие деревья уничтожили, улицы темные, грязные... Прямо разруха какая-то, как после войны.

— Вас послушаешь — так убежать из города захочешь. Зачем же вы тогда свой магазин здесь открываете, не разоритесь?

— Нет, все просчитано. Наоборот, ваш город поднимем на новый уровень. Ведь у вас и магазина-то приличного нет, а в супермаркетах цены необоснованно высокие, и товарный ассортимент скучноват. Только вы не обижайтесь, лучше знать правду.

— Мы-то из своего города редко выезжаем, — сказал грустно Добронравов. — Хотя, может, и не стремимся.

— Но ведь мы с вами познакомились?

— Познакомились, и что?

— Теперь все будет иначе. Мы ведь с вами будем дружить? — Оназывающее посмотрела на Добронравова и улыбнулась одиними глазами.

— Да, конечно, будем, если вы не против, — снова засмущался Добронравов. — Но, правда, не совсем понимаю, зачем вам это нужно. У вас и планы большие, и возможности, а я человек маленький, только в медицине и понимаю, да и то немного. Только этим и живу.

— Что-то вы прибедняетесь, Петр Николаевич! — возмутился Матвей Сидорович. — Мы с Соней много разных людей на свете повидали, но мало таких, как вы, добрых, отзывчивых, чутких. А специалистов таких еще поискать надо — не найдешь. Это ведь не только наше с Софьей Ивановной мнение, а многих, очень многих людей, которые лечатся у вас. Беда только, что государство у нас не ценит хороших людей, что правда — то правда. Но такие, как Ольга, и есть наша надежда на лучшее будущее. А если хорошие люди объединятся, то и другим станет жить лучше. И дети у вас хорошие пойдут.

— Эк ты куда загнул, Матвей! Они ведь только познакомились, а ты уже про детей заговорил. Не смущай людей. — Софья Ивановна налила себе и Ольге чай, достала варенье.

— А я и не смушаю, вижу ведь, что они друг другу понравились и их брак — только дело времени. Правда ведь, Ольга, понравился тебе Петр Николаевич?

— Врать не буду, понравился, хотя все же вы несколько торопитесь, дядя.

— Никуда я не тороплюсь, просто вы уже немного опоздали с устройством своих жизней. Вот я вас и подталкиваю.

Матвей Сидорович опять разлил свой напиток по рюмкам. В этот раз Добронравов выпил до дна. Глядя на Ольгу, он почувствовал, что это именно та женщина, которую он так долго ждал, забыв о своей личной жизни, и что теперь он все сделает, чтобы у них все получилось, как и прогнозирует хозяин, даже если надо будет для этого очень-очень постараться.

Прощаясь, они с Ольгой обменялись телефонами, и Петр пообещал ей, что непременно завтра позвонит. Будет суббота, а значит, много свободного времени, чтобы лучше узнать друг друга. Поблагодарив хозяев и подхватив портфель, он осторожно по тем-

ной улице направился к тракту, интуитивно обходя глубокие лужи и грязь, чтобы меньше запачкаться. Мысли переполняли его голову, а душа пела, и даже неустроенный, грязный, темный Копай казался ему цветущим садом. Машин на улице практически не было. Лишь иногда вдалеке проезжал автомобиль, и свет от его фар отражался в бескрайних лужах. Чтобы сократить путь, Добронравов пошел через двор заброшенного старого дома, который превратили в несанкционированную свалку. Воздух после дождя был свежим, и на этом фоне гниющий здесь мусор вонял особенно нестерпимо. «Интересно получается, те люди, которые сохранили семьи до старости, живут существенно дольше, чем одинокие старики», — подумал Петр. В детстве, когда Добронравову было десять лет, его поразил один случай, который запомнился на всю жизнь. В соседнем доме жил дядя Вася, носивший густые черные с проседью длинные усы. За них-то пацаны и прозвали его Буденным. Он был высокого роста, ходил всегда в черной кожаной куртке, даже зимой. А жена его, любившая подолгу сидеть на лавочке возле дома с другими бабушками, была маленькой, полной, невзрачной женщиной. Иногда они шумно ругались, так как дядя Вася любил выпить, хотя и не напивался. Все ребята думали: «И зачем он живет с такой бабкой, которая всегда ворчит?» Она была явно не пара для такого видного мужчины с военной выправкой, по крайней мере так всем казалось. Долго так думали, пока она вдруг скоропостижно не умерла. Но что самое поразительное, Буденный после смерти жены продержался не больше месяца — его нашли мертвым в собственной постели. Он так горевал, что даже перестал выходить из квартиры, так и умер в одежде, в своей верной черной куртке. А теперь уже и наука доказала, что семейные люди живут дольше, чем одинокие старики. И пациенты Добронравова тоже доживали до глубокой старости чаще тогда, когда жили вместе со своей второй половинкой. В чем секрет, один Бог знает. Ведь явно дело не только в сексе, да и какой секс может быть у старииков? Хотя и это можно допустить. Но нет, все же важнее общение, отсутствие чувства одиночества, необходимость за-

ботиться друг о друге. А может, это любовь помогает? Наверное, именно любовь играла самую важную роль в жизни пожилых пар, а ворчание — это просто проявление заботы, своеобразный способ признаться друг другу в чувствах. В голове у Добронравова закрутилась песня «Любовь одна виновата...».

За развалившимся домом что-то быстро мелькнуло, как будто кто-то пробежал. «Собака, наверное, — подумал Добронравов. — Да, пришло время подумать и о себе. Что-то сильно затянулось мое одиночество. Может, и вправду я всю жизнь ждал Ольгу, свою судьбу? И не зря меня тянуло к этим старикам, не ради домашней же водки я к ним приходил. А может, Бог специально так устроил, чтобы я развелся с женой, душевно очистился от всего ненужного, стал участковым именно этого запущенного района, познакомился и полюбил этих конкретных стариков. И, глядя на них, понял, что жить лучше вместе. Тогда-то Бог и послал мне Ольгу, мою судьбу? Надо будет сегодня же привести все свои вещи в порядок. Когда приду домой, все перестираю, найду галстуки, почищу обувь... Нет лучше куплю новую. Надо будет, наверное, взять несколько дней выходных, тем более что отпуск за прошлый год я еще не до-гулял. Схожу в баню, в парикмахерскую. Да и выпивать надо поменьше. Или лучше вообще брошу, тем более что... »

Не понимая, что происходит, Добронравов вдруг стал медленно опускаться на колени прямо в лужу. Он попытался подняться, но не сумел и повалился лицом в грязь. В ту же секунду что-то сильно обожгло затылок. Сознание медленно угасало. Он уже не чувствовал, как кто-то быстро обшаривал его карманы, выхватывает из ослабевших рук портфель. Он слышал лишь слова песни «Любовь одна виновата... », которые звучали все громче и громче. Последней мыслью, которую он успел зафиксировать на фоне поглощающей его сознание музыки, была: «Вместе быть лучше». Глаза Добронравова закрылись одновременно с его последним выдохом, тело обмякло, и он перестал что-либо ощущать. И только мысль еще несколько минут крутилась в голове: «Вместе лучше. Ольга, мы с тобой обязательно встретимся!»

ВЫБОР ЗА ТОБОЙ

Петр и Ольга поженились через три месяца после знакомства. Особенно радовались свадьбе Софья Ивановна и Матвей Сидорович.

— Вот тебе, Соня, и Юрьев день! Какая пара красивая получилась. Как хорошо, когда встречаются и женятся такие замечательные люди.

— Да, твоя правда. Но могло бы и не получиться, если бы не «скорая». Петр Николаевич рассказал, что, когда потерял сознание, недалеко как раз «скорая» проезжала. Они никак не могли найти адрес, куда их вызвали. Заметив Петю, поехали в его сторону, чтобы уточнить. А он как раз во двор зашел. Фары машины осветили двор, и врачи заметили человека, лежащего на земле. Может, они и развернулись бы, если б не костюм.

— Какой костюм? — поинтересовался Матвей Сидорович.

— Петра Николаевича. Они сперва посчитали, что бич какой-то лежит, но, увидев человека в костюме, решили все-таки подойти. И увидели, что Петр Николаевич весь в крови. Они его забрали и быстро отвезли в больницу.

— Да... Вот как бывает, — протянул Матвей Сидорович. — А я все хотел ему посоветовать, чтобы не стеснялся сапоги надевать, когда его в наш район вызывают. Ведь грязь здесь неимоверная, особенно в дождь. Но Бог миловал. Я промолчал, это и спасло Петра.

— Да и не могло быть иначе. Заслужили они счастье! Ты, Матвей, постарался. При первой же встрече стал про детей говорить. Я-то не знала, куда и деться от стыда. Очень переживала. Получилось все прям по старинке, когда родители сватали, а жених

с невестой даже знакомы не были. Ох, лишь бы все у них получилось!

— Теперь уже точно получится, — уверенно заявил Матвей Сидорович.

Молодожены съездили в Новосибирск, к родителям Ольги. По дороге заехали в Красноярск. Остановились на два дня, чтобы посмотреть город.

— Ты теперь понял, Петя, что Иркутск отличается от других городов? — спросила Ольга, когда они вернулись.

— Да, лучше бы и не знать. Меня что удивило: и в Красноярске, и в Новосибирске, конечно, за центром смотрят особо, но благоустройство везде ведется. А если про центр говорить, то он не заканчивается несколькими улицами, как у нас, когда центральные улицы — Карла Маркса, Ленина, Дзержинского — еще поддерживают в порядке, а завернешь в какой-нибудь переулок и в грязь по колено попадаешь. Гулять человеку или на велосипеде прокатиться негде. У вас и в Красноярске совсем другое дело. Можно и налево, и направо завернуть — везде будут скверики с фонтанчиками, дороги асфальтированы, чисто. Гулять — одно наслаждение. Чувствуется, что есть в городе хозяин!

— Я рада, что ты не обиделся, когда при знакомстве я про Иркутск свое мнение высказала. А раз так, надо что-то делать.

— Ты это о чем? — поинтересовался Добронравов. — Если хочешь, давай в субботу в театр сходим.

— Петя, я про другое. Вот взять, к примеру, Копай, где ты чуть не погиб. Ведь если бы дороги там были нормальные и улицы освещались, то и преступности бы меньше стало. Так ведь?

— Наверное... — согласился Добронравов.

— Ты знаешь, что для продвижения даже самого лучшего товара необходимо предпринимать какие-то действия. Ведь то, что именно этот товар лучший и самый нужный, человек может никогда и не узнать, так как аналогов существует великое множество.

— И что? — не понимая, к чему клонит жена, спросил Петр.

— А то! Чтобы что-то изменить в вашем... — она замялась, — в нашем городе, надо, чтобы это кому-нибудь стало нужно.

— Но разве жителям того же Копая не хочется, чтобы было лучше? — не понял Петр.

— Им, может, и хочется, но они ничего для этого не делают или не знают, что сделать. А под лежачий камень вода не течет. Надо, чтобы интересы жителей кто-то продвигал во власти, как товар. Может, ваш мэр и депутаты не знают о проблемах Копая и других запущенных районов города. Понимаешь?

— Нет, не понимаю.

— Хорошо. Вот смотри. — Ольга взяла конфету и сжала руку в кулак. — Ты, например, очень хочешь конфету, но не знаешь, где и как ее взять. У меня есть несколько конфет. Но раз я не знаю, кто в ней нуждается, значит, дам тому, кто попросит. А если одни и те же всегда просят, а другие молчат, что получится? — Ольга посмотрела на мужа.

— Одни будут жиреть, а другие — голодать.

— Правильно, — улыбнулась Ольга. — Поэтому у вас в городе такой перекос. Некоторые улицы в центре всегда ремонтируют, но за ними совершенно не замечают переулки. Особенно страдают окраины, ведь люди, которые могут что-то изменить, бывают там нечасто.

— Да, интересно получается... Так что же, разве об этих проблемах никто не знает? Все же так просто.

— Просто, если понимаешь и знаешь что надо делать.

— А что можно сделать?

— Продвигать интересы жителей. Сделать так, чтобы проблемы окраин были у всех на слуху. Тогда не замечать станет невозможно.

— Но как? — заинтересовался Петр.

— Тебе надо идти в депутаты. На носу выборы, слышал?

— Слышал.

— Так вот, я все просчитала, ты сможешь выиграть выборы и стать депутатом. Причем идти тебе нужно именно от запущенного округа, чтобы было чем заняться, когда выиграешь.

— Ты же шутишь? — Удивлению Петра не было предела.

— Нет. Все серьезно. Я переговорила со своим руководством, они готовы помочь. Ведь если город будет развиваться, то и покупать в магазинах станут больше, да и размер чека вырастет.

— И что ты предлагаешь?

— Подать заявление в избирательную комиссию.

Добронравов никогда не принимал участия в выборах и в последнее время даже не ходил голосовать — не видел в этом никакого смысла. Кто бы на выборах что ни обещал, никогда потом свои обещания не выполнял. «И зачем эти выборы вообще нужны? — думал Петр. — Только пустая трата денег. Лучше бы новое оборудование в больницу купили». Но, поговорив с женой, он понял, что жители, которые думали так же, как и он, сами виноваты в том, что происходит в городе. Ведь город немаленький. Откуда мэр и депутаты могут узнать обо всех его проблемах? Чтобы пройти по всем улицам, и года не хватит. Поэтому жители сами должны сигнализировать о своих проблемах власти. И не просто так ругаться в пустоту, а обращаться конкретно, через своего депутата, и требовать от него выполнения предвыборных обещаний.

Выборы проходили летом. Стояла страшная жара. Добронравов решил баллотироваться от Куйбышевского района, где и находился злополучный Копай. Впрочем, ровно в таком же состоянии были и предместья — Марата, Рабочее, Радищева. Всех их объединяло отсутствие хороших дорог, освещения, водоснабжения, детских и спортивных площадок. Лишь помойки были в избытке.

На избирательном округе было семь претендентов, и все, кроме Добронравова, были люди известные. Один — действующий депутат — главный врач больницы, три директора заводов и фабрик, один общественник — бывший военный и активный коммунист.

Когда Добронравов впервые объехал свой избирательный округ, то ужаснулся его масштабам. Население было небольшое,

но территория — огромная. В участок входили еще три поселка, про которые Петр даже не слышал ранее.

— Не пугайся! — утешала Ольга. — Глаза боятся, а руки делают. Вначале мы должны выяснить, знают ли жители действующего депутата и что о нем думают.

— А как?

— Мы должны провести социологическое исследование. Не переживай, я знаю, как это сделать. А потом на основе полученных данных разработаем стратегию с учетом интересов жителей.

Через неделю Ольга радостно сообщила:

— Как я и думала, большинство жителей нашего округа знать не знают своего депутата и никогда к нему не обращались, так как не верят, что он может помочь. И что получается? — Она посмотрела на мужа и победно улыбнулась: — У действующего депутата узнаваемости и доверия избирателей нет!

— И что это значит?

— А то, что мы участвуем в выборах с ним почти на равных. Правда, других кандидатов избиратели знают лучше. Особенно одного директора. Говорят, у него хорошие связи с администрацией. Но ничего, и мы не лыком шиты!

Ольга организовала избирательный штаб, который состоял из нее самой и журналиста из ее отдела.

— Нам необходимо привлечь еще агитаторов, — объясняла она мужу. — Но это уже твоя работа, ведь тебя многие знают и уважают. Ты честно работал и обещаниями не разбрасывался. Теперь надо, чтобы о твоем выдвижении все узнали. Это непросто. Поэтому информация должна исходить от людей, которым точно поверишь. Ты должен составить список, куда войдут те, кому веришь ты и кто тебя хорошо знает, чтобы они о тебе потом рассказывали другим. В общем, ты будешь выступать перед избирателями.

— Думаю, что список такой я составлю. А выступать... — Петр задумался. — Давно я уже публично не выступал, как с кафедры ушел.

— Начни перед зеркалом, очень помогает. Увидишь, какое впечатление производишь на других.

— Но на тебя же хорошее произвел? — улыбнулся Петр.

— Я не в счет. В отличие от тебя, я ждала нашей встречи. Мне дядя с тетей много про тебя рассказывали, а им я доверяю. И фамилия у тебя очень звучная, состоит из двух слов: добро и нравственность. А когда тебя увидела, все сложилось и я полюбила тебя. Так появился еще один стимул для брака. Я деятельный человек, мне очень захотелось тебе помочь. А на выборах надо, чтобы люди поверили, что ты можешь помочь другим. Сможешь, как считаешь?

Петр задумался. Вся его жизнь заключалась в оказании помощи другим.

— Думаю, что смогу, — наконец кивнул он.

— Нет, ты должен быть в этом так уверен, чтобы и другие в тебя поверили. Выборы — это борьба. Ты должен избирателям доказать, что имеешь все основания претендовать на должность депутата. Что ты сможешь не просить, а добиваться помощи нуждающимся. Это совсем другое состояние. Ты спортом занимался когда-нибудь?

— Да, боксом и карате в студенчестве.

— Значит, ты лучше поймешь. В боксе нельзя победить, оказывая помощь сопернику. Также нельзя получить кубок без борьбы. Кто сильней, тот и заберет. И в городской Думе тебе тоже никто просто так ничего не даст — бюджет-то общий. Необходимо будет бороться за своих избирателей. Не просить, а добиваться тех решений, которые люди ждут. Это непросто. Но раз ты занимался спортом, тебе будет легче настроиться на эффективную работу. Итак, вперед!

Выборы состоялись в конце июня. Борьба была напряженная. Социологический опрос за несколько дней до голосования показал, что большинство избирателей поддерживают Добронравова и проголосуют за него. Когда стали распределять наблюдателей на избирательные участки, выяснилось, что в округ входит еще и СИЗО.

— Как могло получиться так, что мы его совсем оставили без внимания? — сокрушалась Ольга. — Ведь там около трех с половиной тысяч человек, которые совсем тебя не знают, Петя. Теперь уже придется надеяться только на везение. Надо в обязательном порядке послать туда наблюдателя. Есть очень большие сомнения в том, что там все пройдет честно.

Но в день голосования наблюдателя в СИЗО не пустили. Результаты выборов показывали, что Добронравов лидирует почти по всем участкам, только в трех из пятнадцати Петр немного уступил соперникам. Осталось СИЗО. Но информации оттуда все никак не поступало. Наблюдателей не было, спросить было не у кого. Собрав копии протоколов участковых комиссий, Ольга и Петр поехали в окружную и стали ждать. В других округах комиссии уже подсчитали результаты и закрылись. Только в округе Добронравова участок с СИЗО молчал. Час ночи, два, три... Напряжение нарастало. И вот наконец в полчетвертого двое хорошо подвыпивших военных привезли бюллетени, которые все так ждали.

— Почему вы так долго не приезжали? — спросил председатель комиссии. — Все уже давно закончили и разъехались по домам.

— Так считали долго. Потом протоколы оформляли, — немногого запинаясь, ответил один из офицеров.

— Все, вы выиграли! — сказала председатель комиссии Добронравову. — За вас проголосовало большинство. Поздравляем!

Офицеры, которые сидели спиной к Петру, повернулись, улыбаясь, но, увидев Добронравова, удивились:

— А это кто? Вы кого поздравляете? — обратился к членам комиссии один из них.

— Петра Николаевича Добронравова. Вот, знакомьтесь, это наш новый депутат.

— Как это?! — возмутился офицер. — Разве не директор завода выиграл? Он у нас больше всех набрал голосов. Намного больше Добронравова.

— Да, но в итоге существенно меньше, чем Петр Николаевич!

— Поздравляем, — скривившись, офицеры протянули руки Добронравову.

В офисе у Ольги собирались все, кто активно помогал участвовать в выборах. Людей, которые поверили Добронравову, оказалось невероятно много. Немало было и тех, кто добровольно, без вознаграждения, агитировал за него. Все страшно устали, но каждого переполняла радость — они старались не зря. Однако теперь предстоит работа намного более сложная — претворить в жизнь обещанное.

В шесть утра Добронравову позвонили из избирательной комиссии:

— Петр Николаевич?

— Да, — радостно ответил Петр.

— Мы хотим вам сообщить, что выборы в вашем округе не состоялись.

— Как? — удивился Петр. — Это что, шутка?

— Никто с вами не шутит. Мы проверили протоколы и пересчитали голоса. Против всех кандидатов проголосовали больше, чем за вас.

— Не понял?

— Большинство избирателей проголосовали против всех. Количество голосов за вас оказалось немного меньше. А значит, по закону должны пройти повторные выборы.

— И когда они пройдут?

— Когда назначат новые. Наверное, месяца через три. Узнавайте.

— И что, необходимо будет заново вести избирательную компанию?

— Конечно. Это же выборы. Так что готовьтесь, если, конечно, захотите в них участвовать.

Собравшиеся в кабинете люди этого разговора не слышали и теперь Петр не знал, как сообщить им об этом. Играла музыка. Пили шампанское. Все радовались победе.

Тяжело вздохнув, Петр отозвал в сторонку жену и тихо сказал:
— Сейчас позвонили из избирательной комиссии и сказали,
что будут перевыборы.

— Какие еще перевыборы? — удивилась она. — Ты шутишь?

— Если бы. Все очень серьезно, — грустно произнес Петр. — Я не уверен, что выдержу такую гонку еще раз.

— Вот тебе и административный ресурс! — зло прошипела Ольга. — Тебя в Думе никто не ждал, а ты взял и выиграл. Они хотят отыграться. Но мы просто так не сдадимся. Давай сами пересчитаем голоса избирателей по копиям протоколов участковых комиссий и определим, насколько они с нами честны.

— Зачем им обманывать? — удивился Петр. — Они ведь знают, что мы делали копии.

— Поверь, я знаю, о чем говорю.

Они закрылись в кабинете. Пересчет голосов показал, что за Добронравова проголосовало больше, чем против всех. Всего на тридцать бюллетеней, но больше.

— Вот она, истина! — радостно провозгласила Ольга. — Мы победили! Поехали срочно в комиссию. Хотя подожди, давай попробуем все решить по телефону. Ты позвони и передай мне трубку как доверенному лицу.

— Здравствуйте, — сказала Ольга, когда муж передал ей трубку. — У нас есть копии протоколов, заверенные всеми членами участковых комиссий и председателями. Мы пересчитали голоса избирателей, и у нас получились другие цифры. Петр Николаевич победил! За него проголосовали больше всех. Но, чтобы все как следует уточнить, необходимо сверить итоговые цифры. Давайте вызывать членов комиссии и выяснить.

Наступила пауза. Было слышно, как на другом конце телефона что-то бурно обсуждают. Затем Ольге сообщили:

— Хорошо. Приезжайте в двенадцать. Мы соберем комиссию.

— Вот видишь, — радостно сказала Ольга мужу, — не все еще потеряно! Но для этого мы должны подстраховаться. Надо

с собой взять своих наблюдателей, которые были на участке, где цифры не совпали, чтобы их члены комиссии видели.

Разбор был недолгим. Члены комиссии признали свои подписи. Все списали на старого директора школы, председателя участковой комиссии, которая ошиблась в цифрах.

— Вот теперь победа! Настоящая победа! Ты молодец, Петя!

— Это ты молодец! Ты стала и моим вдохновением, и грозной защитницей.

Добронравов нежно обнял жену и ласково поцеловал.

— Нет, Петя, — возразила она, — основная заслуга твоя. Именно тебе поверили избиратели. Можно, конечно, с большими деньгами обольванить людей, но очень сложно. Если кандидат слаб, хоть сколько денег потрать, ничего не получится. Поверь мне. Я все же маркетолог.

Первое заседание новой Думы состоялось через месяц. Добронравову хотелось поскорее приступить к выполнению наказов избирателей, а их было очень много — проблем в округе хватало. Например, воду в частном секторе не проводили более тридцати лет. Освещение улиц в годы перестройки пришло в негодность и не восстанавливалось с тех пор. Дороги все были разбиты. Но главное — мусор. Его не вывозили годами. Дети были предоставлены сами себе: бесплатные кружки исчезли, детские городки и спортивные площадки разрушились.

Открыл заседание мэр. Утвердили повестку. Мэр зачитывал вопросы, депутаты без обсуждения голосовали. Добронравов ничего не мог понять: «А когда же обсуждают? Какова роль депутатов, если за них уже все кто-то решил. Но кто?» Не выдержав, он поднял руку.

— Вы хотите что-то сказать, Петр Николаевич? — спросил мэр.

— Я бы хотел, чтобы мы не просто голосовали, а обсуждали проблемы. Я, например, не согласен, что все деньги на ремонт дорог пойдут в центр города. В Куйбышевском создалась невыносимая ситуация. Надо и там предусмотреть работы.

Мэр и депутаты с недоумением смотрели на Добронравова:

— А что вы хотите запланировать?

— В первую очередь отремонтировать магистральные дороги, соединяющие предместья и поселки с центром города. Ездить по ним невозможно. А ведь там ходит общественный транспорт.

— Но на это знаете, сколько денег надо? Очень-очень много. Таких денег в бюджете нет!

— Я понимаю, — возразил Добронравов. — Сразу все дороги сделать невозможно. Но я настаиваю, чтобы отремонтировали в этом году хотя бы одну, главную — Рабочего штаба. А на будущий год необходимо запланировать Баррикад, Радищева и Шевцова.

Повисло тяжелое молчание. Все смотрели на мэра.

— А что? — сказал мэр. — Рабочего штаба — очень важная улица. Она соединяет нас с областью и Ленинским районом. Надо ее сделать.

Все с изумлением смотрели на мэра и Добронравова.

— Так, следующий вопрос, — объявил мэр, — строительство ледового дворца. Если нет вопросов, то давайте голосовать.

Добронравов снова поднял руку.

— Что, Петр Николаевич, вы хотите что-то спросить?

— Да. Для кого строится этот дворец?

— Для детей, конечно, — снисходительно пояснил вице-мэр, который выступал докладчиком.

В зале раздались смешки: надо же, новенький депутат не понимает очевидного.

— Я понимаю, что для детей, но для каких — новых русских? Кто может себе позволить водить ребенка в секцию по хоккею с шайбой? Ведь там очень дорогая экипировка нужна. У нас и тренеров нет, их придется приглашать из других городов, предоставлять жилье, платить большую зарплату. Кроме того, у нас в регионе распространен хоккей с мячом, а там зал предназначен только для хоккея с шайбой.

— Такие дворцы в каждом регионе есть, — возразил седовласый депутат, — даже в Красноярске. Чем наш город хуже?

Зал опять загудел.

— И еще вопрос с предложением. — Добронравов повысил голос. — Кто-нибудь подсчитывал, сколько можно построить на эти деньги объектов инфраструктуры, которые намного больше нужны жителям, чем дворец? Я вот примерно прикинул. Можно построить пять общежитий, пятьсот детских городков и спортивных площадок, отремонтировать много дорог, подвести воду в частный сектор. Да на эти деньги можно преобразить город! Я считаю, что мы должны вначале расставить приоритеты, а потом решать, куда тратить деньги.

Гул усилился. Поднял руку высокий молодой депутат, сидевший напротив Добронравова:

— А что, предложение интересное. У меня в округе стадион есть, он пришел в негодность. Денег на ремонт надо немного, а какая бы польза была от него и детям, и взрослым. — И тут посыпались предложения от других депутатов.

— Все, заканчиваем обсуждать этот вопрос! — подытожил мэр. — Пора голосовать. Какие будут предложения? — Он сурово посмотрел на депутатов. И снова поднял руку Добронравов. Мэр явно был недоволен, но все же предоставил ему слово.

— Я предлагаю снять данный вопрос с обсуждения, чтобы его затем более глубоко проработать. Речь идет о больших деньгах. Их можно потратить на что-нибудь другое. Но если мы, — он обвел всех присутствующих внимательным взглядом, — придем к выводу, что надо строить именно дворец, то поддержим предложение мэра.

Все депутаты, как один, согласились с Добронравовым. После заседания к Петру подошел депутат, врач, старый знакомый, который уже не раз избирался и выигрывал. Немного картавя, он сказал:

— Старик, ну ты даешь! Зачем тебе это надо? Тебя уже после первого заседания Думы стали называть оппозиционером.

— Почему это? — удивился Добронравов.

— Ты слишком много задаешь вопросов и постоянно что-то предлагаешь. Так здесь не принято. Лучше соглашаться. Тогда

у нас у всех все будет хорошо. Но если продолжишь в таком же духе, то ты лично ничего не получишь. Там, — он показал пальцем вверх, — не дадут.

— А мне лично ничего и не надо.

— Как, разве ты не за этим шел в Думу?! — удивленно всплеснул руками депутат.

— Я?! Конечно нет. Я решил реализовать свою гражданскую позицию. Я хочу, чтобы наш город стал лучше, и все для этого сделаю, чего бы мне это ни стоило.

Куйбышевский район стал меняться. Уже через два года все магистральные дороги — Рабочего Штаба, Шевцова, Радищева, Баррикад — были восстановлены.

Началось строительство водовода в микрорайон Зеленый, в частном секторе стали прокладывать водопровод, восстанавливать освещение, асфальтировать дороги. Но главное, чем гордился Добронравов, — разгребли наконец мусор. Теперь уже можно было не опасаться за здоровье горожан. Появились в районе и детские городки. И люди стали понимать, что многие свои обещания Добронравов честно выполнил.

Но, увы, все было не так просто. А вернее, очень непросто. Добронравов стал изгоем в Думе и администрации. От него шарахались как от чумного, когда он выступал с новыми предложениями, но он упорно гнул свою линию и не сдавался. Многие депутаты считали Петра чудаком. «Разве можно все время чего-то доказывать? — пожимали они плечами. — Зачем? Что он в итоге получает? Ничего!» Но были и другие, которые после каждого заседания Думы подходили к Петру и жали руку:

— Николаевич! Ты молодец! Четко им впесочил! Мы с тобой, знай об этом. Но... Сам понимаешь, мы выступать, как ты, не можем. Мы же служащие.

Добронравов знал про все, что о нем говорили, но относился к происходящему с пониманием — люди просто привыкли к тому, что их окружает, и постепенно перестали замечать многие про-

блемы города. Именно поэтому развитие Иркутска затормозилось. Добронравов с полной отдачей выполнял миссию, добровольно возложенную им самим на себя: громко сигнализ о проблемах — и администрация прислушивалась. Других целей перед собой Петр не ставил.

Однажды Добронравова вызвал к себе мэр:

— Петр Николаевич, скажите, на кого вы работаете? Кто вам дает задания критиковать администрацию?

— На жителей нашего города. Именно они поручили мне отстаивать их интересы, — удивился вопросу Добронравов. — У нас общая цель — сделать Иркутск лучше. Я, как и вы, люблю свой город. Но мы смотрим на него с разных точек зрения.

— Чем же они отличаются?

— Вы смотрите на город сверху, а я снизу, со стороны жителей. Но в этом нет никакого противоречия. Я думаю, мы удачно дополняем друг друга. Я на заседаниях Думы озвучиваю те проблемы, которые невозможно увидеть издалека. Вы же не ходите по темным улицам частного сектора по вечерам, не носите воду из колонки, расположенной в трехстах метрах от дома. Но жители сталкиваются с этими трудностями каждый день. Если грязно, то они не только видят, но и чувствуют мусор. Все они живут в разных условиях. Но мы с вами можем изменить это, правда?

— А разве мы не занимаемся этим каждый день?

— Занимаетесь.

— Тогда в чем смысл вашей критики? — настаивал мэр.

— Я не критикую. Я привлекаю ваше внимание к малому. И призываю при формировании бюджета учитывать интересы и обычных жителей.

Ольга всегда поддерживала мужа, была его вдохновением и опорой. Но и сама она не бездействовала. Супермаркет, где Ольга работала заместителем директора по маркетингу, строился быстро, и вскоре должно было состояться открытие. И вот однажды ее послали в командировку в Москву.

— Петя, как в сказке, хочу тебя спросить: что тебе привезти из Москвы?

— Ничего мне не надо. У меня и так все есть. Главное, у меня есть ты, а все остальное имеет минимальное значение. — Он нежно поцеловал жену в губы. — Главное, чтобы у тебя все получилось. Прилетай поскорее, мне тебя будет не хватать.

Через пять дней Добронравов поехал встречать жену в аэропорт. Уже объявили о приземлении, как вдруг произошло непредвиденное: самолет, только начавший тормозить, вдруг вновь разогнался и врезался в гаражи, примыкающие к забору аэропорта. Самолет загорелся. Многие спаслись, но вот Ольга погибла.

Добронравов был убит горем. «Почему я ничего не почувствовал, когда она собиралась лететь? — в отчаянии думал он. — Ведь можно было ее остановить! Или такая судьба уготована нам Богом? Но почему?! Неужели мы встретились только для того, чтобы расстаться навсегда? Или смысл человеческой жизни — в бесконечном преодолении испытаний? Почему же мне все время приходится бороться? Боже, в чем я провинился перед тобой?! Я, сколько себя помню, помогал людям. Ведь не за это ты теперь так наказываешь меня? Тогда за что?!» Добронравову почти каждую ночь снилась улыбающаяся Ольга в доме у стариков, где они познакомились. После таких снов просыпаться ему не хотелось. А когда он все же открывал глаза, то понимал, что рыдает, хотя и не помнил, чтобы плакал во сне.

Добронравов не стал запивать горе водкой. Он еще больше погрузился в работу, совсем как тогда, на шестом курсе, когда «неличимо» заболел. Советы матери не прошли бесследно. Постепенно переживания стали стихать. Жизнь вошла в привычный ритм. И только иногда, по ночам, когда ему снилась Ольга, Петр просыпался и думал о жене, вспоминая времена, когда был так бесконечно счастлив.

Вскоре состоялись новые выборы. Добронравов выиграл с большим отрывом от других кандидатов. На первом заседании новой Думы мэр поздравил депутатов с победой, торжественно

вручил депутатские значки и удостоверения. Он крепко пожал руку Добронравову:

— Я рад. Искренне рад, что вас переизбрали. В городе есть еще много нерешенных вопросов, и лучше ими заниматься вместе.

— Всегда готов! — улыбнулся Петр.

Победа Добронравову далась тяжелее, чем в первый раз. Директор завода, занявший второе место на предыдущих выборах, решил во что бы то ни стало взять реванш. Руководство города активно помогало ему. Директор за большие деньги нанял команду настоящих профессионалов, специально для этого приехавших в город. Они использовали в работе грязные технологии: заливали краской плакаты Добронравова, вытаскивали из почтовых ящиков его листовки, распространяли позорящие Петра слухи. Финалом их работы стал выпуск газеты «Народная правда о Добронравове», в которой они извратили все факты его биографии.

Но избиратели не поверили столь явной лжи, на подсознательном уровне люди отторгали неправду. Наоборот, все пасквили на Добронравова они рассматривали как призыв на борьбу против зарвавшихся политтехнологов. По своей инициативе местные жители создали в микрорайонах группы поддержки, которые активно агитировали за Добронравова.

Петр всегда честно выполнял свои обязанности, и ему действительно многое удалось сделать. Но главное его достижение — простые люди стали проявлять активность. Они сами инициировали многие решения, выполнения которых Петр потом добивался от власти. Люди поверили в него и осознали свою ответственность за свои дом, улицу, микрорайон. Отстаивая любимого депутата, они защищали и свое будущее.

Однажды в квартире Петра зазвонил телефон.

— Петя, привет! Это Наталья.

— Какая Наталья?

— Твоя бывшая жена.

— Кто?! — удивился Петр.

— Твоя жена.

— Как? — не поверил Петр. — Как ты меня нашла?

— Ты у нас теперь человек известный. Мелькаешь по телевизору и в газетах. Мне позвонила подружка из Иркутска и про тебя рассказала.

— Понятно. А ты где сейчас живешь?

— Я в Краснодарском крае. В Приморско-Ахтарске. Слышал про такой?

— Что-то слышал, — вспомнил Петр. — Певица Валерия оттуда.

— Интересуешься попсой?

— Нет, просто где-то услышал и как-то оно запомнилось. Так что ты хотела?

— Я ничего от тебя не хочу, успокойся. Я узнала, что у тебя в семье произошла большая трагедия, соболезную. Мужайся.

— Ты только из-за этого звонишь? Тогда спасибо. Или хочешь позлорадствовать?

— Что ты! Я бы не посмела. Я ведь тебя любила. Всегда любила. Но той нашей жизни я не выдержала. Я ведь была красивой девушки, мне хотелось блистать, а с тобой я только и думала о том, где занять денег. Прости... Но я не поэтому тебе звоню. Может, тебе это поможет? Я хочу тебе сообщить очень важную новость. Ты сидишь?

— А что?

— Присядь на всякий случай, — после паузы продолжила: — У тебя есть сын. Слышишь, у тебя есть сын!

— Что?! — не поверил собственным ушам Петр. — Сын? Какой еще сын, чей сын?

— Твой! Когда я от тебя ушла, то была беременна. Он родился через восемь месяцев после моего отъезда. Он очень похож на тебя. Такой же упрямый и правильный. У него такие же ямочки на щеках, как у тебя раньше были. Представляешь? Один в один!

— Подожди, что ты такое говоришь? У меня есть сын, мой сын?! — возбужденно повторял Петр.

— Да!

— Но почему ты мне об этом раньше не говорила? Почему скрывала? Я бы...

— Не хотела, чтобы он знал о тебе, — перебила Наталья. — Мой муж был ему отцом.

— Твой муж? Был отцом? А сейчас почему мне сообщила? Из-за трагедии, чтоб поддержать?

— Нет, не поэтому. Мой муж год назад умер. Его убили. В разборках... Но это неважно. Короче, у тебя есть сын, и ты должен знать об этом.

— А где он сейчас?

— Ищет тебя.

— Как ищет меня? Объясни! — Сердце у Петра от радости чуть не выпрыгивало из груди.

— Он не знает, где ты живешь, я не сказала. Знает только, что в Сибири, но не знает город. Сейчас поехал в Новосибирск. Ты хочешь его увидеть?

— Да, очень хочу.

— Тогда записывай адрес.

ЖАВОРОНОК

Д обронравов нашел сына в Новосибирске, когда тот уже собирался вылететь в Краснодар — у него как раз начинались занятия в академии. Петр предложил юноше сдать билет и улететь в Краснодар из Иркутска, задержавшись на два дня: этого времени как раз бы хватило на путешествие по железной дороге Новосибирск — Иркутск. Добронравов купил билеты в вагон СВ на проходящий скорый поезд № 1.

— Скажите, — спросил Добронравов кассира, — а почему в билетах не указаны места?

— Так он же проходящий. Так всегда было.

— Но мы точно окажемся вместе в одном купе? Я еду с сыном, с которым давно не виделся, и нам очень надо поговорить.

— Не сомневайтесь. В СВ всегда есть места. Вам проводник обязательно поможет.

В вагоне оказалось всего два места и конечно же в разных купе.

— Извините, — обратился Петр к проводнику, — вы не могли бы нам помочь? Мы едем с сыном до Иркутска. Нам бы хотелось ехать в одном купе. Кассир сказал, что вы сможете все устроить.

— Увы, но в этот раз ничего не получится. В вагоне много ветеранов с льготными билетами. С ними очень сложно договориться. Если хотите, попробуйте сами.

— А в каких купе есть свободные места?

— В третьем и девятом.

В третьем сидел худой пожилой мужчина в спортивном костюме, он что-то жевал.

— Здравствуйте! Вы далеко едете?

— До Владивостока из Москвы.

— Да, длинная дорога.

— Поэтому я и еду в СВ. У меня льготный билет как у ветерана, — сказал он с гордостью. — Я до Берлина дошел.

— Здорово! Вы заслуженно едете в хороших условиях. Я, знаете, хотел вас попросить...

— Если пересесть, то ничего не получится. Ко мне во время дороги не раз подходили с такой просьбой. Я еду из Москвы. Это очень далеко, и каждый раз пересаживаться я не собираюсь. Но если кто ко мне перейдет, то пожалуйста. А сам я никуда!

— Понятно.

Добронравов пошел в девятое купе, в душе его еще теплилась надежда. Но если и там откажут, то весь план пойдет псу под хвост. В девятом купе он увидел читающего газету пожилого человека в очках, который тоже, видимо, ехал по льготному билету.

— Здравствуйте! — поприветствовал Петр. — Я ваш новый сосед.

— Очень хорошо. А то я уже целый день в одиночестве еду. Поговорить не с кем.

— У меня к вам большая просьба. Вы не поверите. Я жил и не знал, что у меня есть сын...

— Да, сейчас молодежь очень безответственная. В наше время такое трудно было себе представить. Сталин порядки наводил знает какое? Вот...

— Да, конечно знаю, — перебил Петр. — Я не прятался и не убегал от алиментов. Моя бывшая жена скрыла...

— У, эти бабы совсем распустились! От отца скрывать такое. Вот в наше время...

— Да, конечно, — согласился Добронравов. — Но я хотел вам о другом сказать. Я его сегодня впервые увидел, и у нас единственная возможность пообщаться только во время пути от Новосибирска до Иркутска...

— Это правильно! — подхватил ветеран. — Детей надо воспитывать. Они сейчас совсем распустились. Одно хулиганье...

— Извините, что перебиваю вас. Вы не могли бы пойти мне навстречу и поменяться со мной местами? Перейти в другое купе.

— Ах вот ты о чем... А я-то думал, что ты пообщаться хочешь. Так бы сразу и сказал. Никуда я переходить не буду. Я до Читы еду. Вот когда выйду, там и меняйтесь.

— Но мы-то с сыном едем до Иркутска. Поймите, мы с ним увиделись сегодня первый раз в жизни. Нам столько нужно друг другу сказать. Хотите, я вам денег заплачу? Что хотите сделаю. Но пойдите мне навстречу, умоляю. Мы вам так благодарны будем...

— Да, я понимаю, — начал ветеран, — встретиться с сыном впервые... Вот помню, я, когда пришел с войны, жена моя без меня родила...

— Я вас очень прошу, будьте милосердны. Ведь вы же человек имеете детей. Можете понять...

— Да, человеку непросто сейчас. Понимания мало стало...

Добронравов вышел из купе. Сын курил в тамбуре. Добронравов жестами показал, что ничего не получается.

— Да не расстраивайся, — подошел к нему сын. — Мы с тобой можем и в коридоре пообщаться. Не хотят идти навстречу, и не надо. Навоевались они. Может, в жизни в первый раз в таких условиях путешествуют. Пусть себе едут.

Но Добронравову было очень больно. Почему его не поняли? Ведь он же объяснил, как дорог для него настоящий момент. Что же они прошли за свою жизнь, что так почерствели?

— Знаешь, — сказал он сыну, — а давай с тобой в ресторан пойдем, там сядем за столик и будем разговаривать.

В ресторане был занят только один столик. За ним сидел официант, который очень обрадовался посетителям.

— Что-то у вас народа нет? — поинтересовался сын.

— Да, в последнее время совсем не выгодно стало ездить. Люди деньги считают. Все с собой берут. А вы что будете?

— Все, что наша душа пожелает, — пошутил Петр. И спросил сына: — Ты что будешь, Сергей?

Сергей ткнул пальцем в строчки меню.

— А пиво, — он посмотрел оценивающе на отца, — будем брать?

— А ты пьешь пиво? Не рано ли?

— Мне, между прочим, уже двадцать лет!

— Да... И почему только моя мать раньше обо всем не рассказала? Я ведь до последнего времени жил один. Если бы я только знал, что у меня есть ты...

— А мать и не собиралась ничего говорить. Мне бабушка рассказала, когда отца... ну, отчима... Не знаю, как теперь мне его называть.

— Тяжело было узнать о том, что он не родной?

— Да уж... Ошарашила она меня, аж мозги потекли. Я же на могилу его предков ездил, корни свои изучать. А оказалось, что они вовсе и не мои. И вообще... Мы с отцом... — Сергей снова смущился и промямлил: — Ну, с тем...

— Слушай, будь проще, — улыбнулся Петр, — он ведь тебя воспитывал. Поэтому называй его отцом, как раньше. А меня — папой, чтоб не путать. Если сможешь, конечно.

— Папа... Па-па... Да, интересно звучит. Смогу! Так вот. Мы с отцом в последнее время не ладили. Они с мамой какие-то странные. Старились больше и подороже купить всякого барахла и потом хвастались им перед знакомыми. И друзья их такие же. Меня это раздражало.

«Меня бы тоже коробило от такого», — подумал Добронравов, радуясь позиции сына.

— Кем решил стать?

— Юристом по уголовным делам. Чтобы таких, как мои родители, сажать в тюрьму!

— Ну зачем ты так? Они ведь хотели как лучше.

— Так не может быть одним лучше, когда другим плохо. Я вообще не понимаю, куда власть смотрит! Ведь тех, перестроенных бизнесменов, всех сажать надо. Деньги-то у них ворованные. Но многие из них, наоборот, во власть пошли, депутатами стали.

— Я тоже депутат.

— Я знаю, мама сказала. Но ты ведь не такой, как они. Ты же врач?

— Да, до избрания я работал участковым врачом.

— Ну вот! — облегченно выдохнул Сергей. — Ты не такой, как они.

Петр не выдержал, пересел к сыну и крепко его обнял.

— Сынок! Как же я рад, что ты есть! — Немного помолчав, продолжил: — Ты в этом году заканчиваешь академию. Что планируешь делать дальше? Где работать, жить?

— Не знаю. Вообще, хотел бы сбежать из Ахтарска. Там тупик. В прямом и переносном смысле. Железнодорожная ветвь там заканчивается. И, кроме рыбы и торговли, заниматься больше нечем.

— Может, в Иркутск тебе перебраться?

— Не знаю, подумаю. Может быть... — задумался Сергей. — А может, в Москву или Питер подамся. Или в Краснодаре останусь. В больших городах веселее.

— Может быть.

Сергей пил пиво и становился разговорчивее. Добронравов с любовью принимал все, что говорил сын. Он представлял, как тот родился, бегал по песчаному пляжу Азовского моря, учился в музыкальной школе. Петр пытался представить его маленьким мальчиком и видел только себя, запечатленного на детских фотографиях. Он слушал Сергея и вспоминал свое детство, бабулю, дедушку, жареную картошку, плотину, из-за которой он подрался с соседом, Сережкой Артемьевым.

— А почему тебя назвали Сергеем? — вдруг спросил Петр.

— Мама сказала, что в честь деда, который, как оказалось, и не дед мне вовсе. А что, тебе не нравится?

— Нет, что ты! Прекрасное имя. Я просто вспомнил, что был у меня друг в детстве, тоже Сережка. К сожалению, он потом спился.

— Я тоже люблю выпить, — сказал Сергей, улыбаясь, чем не приятно удивил Петра. — Пиво. Иногда водку в компании.

Не могу пить один, люблю общаться. А что у вас это такое, — спросил он у буфетчика ресторана, — под телевизором? Не ви-дик, случайно?

— Случайно, видик.

— И фильмы к нему есть?

— Большой выбор. Хотите посмотреть?

— Хотим, — обрадовался Петр. — А долго можно здесь си-деть? Когда закрываешься?

— Хоть до утра. Вы же нам за просмотр деньги заплатите. А за место в ресторане дополнительно платить не надо.

— А заказывать обязательно? — спросил Сергей.

— Нет, только если что-нибудь захотите.

— Тогда принесите еще две бутылки пива. — Сергей оценива-юще посмотрел на отца: — Не переживай, я себя хорошо веду. Проблем не будет.

Они смотрели фильмы до трех ночи, а потом пошли спать по своим купе.

Добронравов вспомнил, что необходимо поздравить с днем рождением отца.

— Скажите, — спросил он у проводника, — а когда будет большая остановка, чтобы успеть отправить телеграмму?

— В Красноярске в шесть утра.

Было четыре. Добронравов решил пока не ложиться. Он сел в коридоре на откидной стул и стал вспоминать встречу с сыном. Петр сразу узнал его. Ему показалось, что одного из моло-дых людей, мелькавших в аэропорту, он уже где-то видел. Сер-гей был одет в спортивную майку и джинсы. Высокий, широкоплечий, с русыми волосами. Точно таким же был и Петр в молодости. У него сохранилась фотография с тех времен, ког-да он вместе с одноклассником Сашкой отдыхал в Гудауте. Он был даже одет почти так же. Если бы ему показали фотогра-фию сына, он бы наверняка засомневался: не его ли это фото? Да, именно там, в Гудауте, он и познакомился со своей будущей женой Натальей, когда их с другом подсадили за столик к двум

девушкам, ведь в ресторане больше не было свободных мест. Петр пригласил ее на танец и влюбился с первого взгляда. Свадьбу сыграли быстро. И только потом выяснилось, что они совершенно разные люди. Не сошлись взглядами на жизнь, как говорится. Петра тянуло к духовному, а Наталью — к материальным ценностям. Тогда Петр, молодой кандидат наук, принял решение уйти с кафедры и устроиться на две работы, чтобы больше зарабатывать. Но и этого оказалось мало. Их семью добила перестройка — жена ушла к другому.

Поезд остановился.

— Сколько стоим? — спросил он у проводника.

— Двадцать минут.

Петр, как был — в трико и майке, — выскочил на улицу. В здании вокзала нашел почту. Там стояла небольшая очередь. Диктор что-то нечетко пробурчал в микрофон, но Петр ничего не понял. Когда он вернулся на вокзал через пять минут, поезда уже не было.

— А где поезд, который здесь стоял? — озадаченно спросил он у дежурной по перрону.

— Как где? Ушел!

— Но он же должен был стоять двадцать минут, а прошло не более десяти?

— Он опаздывал на два часа. Вот стоянку и сократили.

— А мне теперь что делать?

— Идти к дежурному по вокзалу.

— Скажите, что мне делать? Поезд нельзя остановить? — наивно спросил Петр дежурного.

— Вы что, гражданин, с ума сошли?! Это литерный поезд № 1. Он останавливается только в районных центрах.

— И через сколько будет следующая остановка?

— Примерно через полтора часа.

— А мне-то что делать? У меня в поезде сын остался.

— Он грудной?

— Нет.

— Тогда не переживайте. Мы сообщим составу, и вашему сыну все расскажут и передадут ваши вещи, когда он выходить будет. Вы в каком вагоне ехали?

— В пятом. А я? Я как догоню поезд?

— А вас посадим на какой-нибудь другой. Ближайший будет через два часа. Доедете вы до Иркутска, не переживайте.

— Нет, я так не могу! Мне очень надо в тот поезд вернуться. Может, вы все-таки что-то посоветуете?

— Посоветую. Идите на привокзальную площадь и возьмите такси. Не вы первый опаздываете на поезд. Они все знают что и куда.

На площади стояло около десятка машин.

— Мужики, выручайте! Я отстал от поезда, там сын остался. Мне догнать надо.

— С первого номера? — спросил худой водитель.

— Точно.

— Это очень сложно будет сделать. Остановка через семьдесят километров, а дорога так себе. На моем «Жигуленке» не успеем. Гена, может, ты?

— Дорого обойдется, и гарантии нет... — протянул полный водитель с праворукой иномарки.

— Сколько?

— Тысяча.

Петр достал из кармана трико оставшиеся деньги. Брал он собой сто рублей.

— Осталось семьдесят. У меня больше нет, — сказал он, не зная что делать.

— А в поезде?

— Есть.

— Тогда поехали, — согласился водитель.

— А если не успеем? Я не смогу вам отдать.

— Что делать, значит, оба в накладе будем. Кто не рискует...
Дальше и сам знаешь. Садись давай. Времени очень мало.

Добравшись наконец до вокзала, Петр помчался в справочную. Поезд еще не пришел.

— А когда будет?

— Минут через пятнадцать. Стоянка полторы минуты.

Но поезд пришел через пять минут. «Хорошо, что я тут остался. Хотел ведь в туалет сходить», — подумал Петр.

Он стоял на перроне, когда поезд остановился. Подошел его вагон. Проводник открыл дверь и раскрыл рот.

— Здравствуйте! — громко сказал Добронравов.

— А вы как это? — чуть не заикаясь, спросил проводник. — Вы... вы не с нами ехали?

— С вами уедешь! Вы сказали, двадцать минут, а сами уехали через десять, — проворчал Добронравов.

— Но я сам не знал... — стал оправдываться проводник.

Времени было очень мало. Водитель ждал, необходимо было с ним рассчитаться.

Когда поезд тронулся, Добронравов зашел в купе и закрыл глаза. Через полчаса дверь с шумом открылась.

— Папа, привет! Ну ты и спать горазд! — воскликнул Сергей. — А я вот жаворонок!

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

Повесть

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Он медленно подошел к ограждению смотровой площадки отеля «Патайя-парк», расположенной на высоте двести пятьдесят метров над уровнем моря. Оттуда открывался прекрасный вид: с одной стороны море, отражающее лучи заходящего солнца, с другой — панорама города. С высоты птичьего полета даже самые большие машины, стоявшие рядом с отелем, казались маленькими букашками, а снующие мимо люди были похожи на мельтешащие в капле воды бактерии.

Он оглянулся, вокруг собралась группа китайских туристов, которая только что поднялась на лифте. Они шумно разговаривали, смещаясь то в одну, то в другую сторону смотровой площадки, словно морские волны. И чем быстрее они метались из стороны в сторону, тем сильнее охватывало его неприятное необъяснимое чувство. Что-то закипало внутри.

Он еще раз глянул вниз и подумал, что будет, если он упадет на асфальт с высоты двухсот пятидесяти метров. Скорее всего, от него останется только мокре, быстро испаряющееся биологическое пятно. Он представил, как полетит, отсчитывая последние секунды своей жизни... Куда он станет смотреть тогда? На землю, наблюдая за тем, как стремительно увеличиваются в размерах предметы внизу, или вверх, прощаясь с небом, солнцем, прося Бога простить его за все грехи? А может, вспомнит свою жизнь, которая промелькнет перед его мысленным взором как кинолента, проматываемая в ускоренном режиме? Или просто заорет, пытаясь спикировать на что-нибудь мягкое, хрупкое или многоступенчатое, чтобы смягчить удар при падении и спастись?

Вдруг пришла мысль, что среди туристов может оказаться психически нездоровыи человек, а может, и несколько сразу, ведь ни-

кто не контролирует состояние их здоровья, не спрашивает справку от врача, когда продают входные билеты на аттракционы. Неожиданно что-то ударило его в бок, и он вздрогнул. Оказалось, его задел сумкой, перекинутой через плечо, проходящий мимо китаец, который оглянулся, молча посмотрел на него и растворился среди своих соплеменников. И тут его охватил почти животный страх за свою жизнь. Перед глазами возник образ сумасшедшего китайца, который тихо подкрадывается сзади, хватает его за ноги и перекидывает через невысокое ограждение. Падение показалось ему уже вполне осуществимой реальностью.

Он машинально отодвинулся от ограждения и стал наблюдать со стороны за тем, как один за другим туристы подходят к аттракциону, чтобы затем стремительно спуститься по тросу, прикрепленному к шпилю башни отеля. Его главным желанием до подъема на башню было испытать себя, совсем как и они. Однако сейчас его тело стало ватным, и он никак не решался подойти к краю площадки. Вернуться на землю можно было по канатной дороге: в вагончике на двадцать человек, в кабинке, рассчитанной на двоих, и индивидуально. Таец, работник отеля, так небрежно пристегивал к тросу альпинистский замок, крепившийся к спасательному жилету, что возникли большие сомнения в надежности крепления и опасение сорваться во время полета вниз. Быстро смеркалось, людей на площадке становилось все меньше, а он никак не мог решиться. Тогда он задумался: «Конечно, родители будут убиты горем, друзья и коллеги тоже пожалеют обо мне, но много ли наберется тех, кто станет искренне обо мне скорбеть? Большинство живущих на планете людей даже не подозревают о моем существовании и моя смерть ничего не изменит. Тогда почему мне так жаль свою жизнь, если по большому счету она никому, кроме меня, не нужна вовсе? А мне? Мне-то она нужна?»

Он присел на скамейку, размышляя: «Я прожил уже немало, больше сорока, и самое лучшее всегда откладывал на потом. Я всегда хотел добиться признания в обществе, стать богатым и счастливым. Для осуществления задуманного много учился,

потом работал. Учился и работал... Думал: вот еще немнogo, и я займусь собой, поиском большой любви, реализую юношеские мечты. Откладывал каждый день на потом самое важное, убеждая себя, что вот-вот, очень скоро все изменится, нужно только достичь определенного уровня благосостояния, а затем я обязательно остановлюсь и начну воплощать задуманное много лет назад и вынашиваемое в сердце. Но на самом деле каждый день отдалял меня от мечты, дни превратились в месяцы, а затем годы и десятки лет».

И вот именно здесь, на вершине башни, он четко осознал, что наступил момент истины, час расплаты за небрежное отношение к себе, осознание низкой цены всей предыдущей жизни. Смотровая площадка стала для него водоразделом, отделившим прожитую и несостоявшуюся будущую жизнь, а он сам оказался в точке бифуркации — в месте здесь и сейчас. Он осознал это, а также всю никчемность своего прошлого, хрупкость планов, за которые цеплялся. Все это время он только и делал, что мечтал, отказываясь от настоящего. Он отказывался замечать реальную жизнь, отгораживался от нее и на самом деле совершенно не контролировал свое будущее. Разве об этом он мечтал в детстве и юности? Он постепенно, ища более легкие пути, идя на компромисс со своей совестью и предавая свои идеалы, потерял главное направление. Он словно в какой-то момент потерял компас и стал метаться в темном замкнутом пространстве, ошибочно полагая, что идет навстречу своим мечтам, но на самом деле все больше отдаляясь от них. Здесь и сейчас, на высоте двести пятьдесят метров, когда можно осознанно шагнуть в будущее из прошлого, во всей полноте ощущая настоящее, сошлись в одной точке случай, судьба и выбор. Он сейчас наконец сможет воспользоваться своим правом выбора и шагнуть в пропасть, а Бог либо предотвратит трагедию, либо допустит ее. Никогда раньше он не ощущал такую близость с Богом. Эти мысли полностью захватили его и он даже не заметил, как остался на площадке почти один. На улице уже окончательно стемнело, и служащие гостиницы с любопытством и не-

терпением смотрели в его сторону. Когда он наконец вынырнул из раздумий, они стали интенсивно жестикулировать, и на ломаном английском стали просить наконец-то определиться. Вдруг он почувствовал, что его сущность разделилась на две половины: одна стремилась сделать шаг в неизвестность, другая дрожала в ужасе, предчувствуя трагическую развязку. Осознавая, что не готов сделать окончательный выбор, но при этом понимая, что необходимо принять решение здесь и сейчас, он медленно встал и, подавшись всем телом вперед, неуверенно шагнул в сторону аттракциона...

* * *

— Вы пристегнули ремень? Молодой человек, ремень пристегните, пожалуйста!

Я вздрогнул, почувствовав легкое прикосновение, что-то сжалось внутри. Сфокусировав взгляд, я увидел возле себя стюардессу, которая, по-видимому, и пыталась вернуть меня в реальность.

— Наш самолет пошел на посадку, поэтому, пожалуйста, приведите спинку кресла в вертикальное положение и пристегните ремень.

— Да, конечно, извините. Я просто увлекся книгой и не слышал, как объявили о посадке.

— А что, такая интересная книга? Как называется?

— «Шаг в пропасть».

— Что-то не слышала про такую, надо будет купить. Или дадите почитать?

— Да, собственно, я не против, только... — Я быстро пролистал книгу, пытаясь определить, успею ли дочитать до посадки, однако страниц оставалось не менее сотни.

Стюардесса улыбнулась и томно посмотрела на меня:

— Ничего, тогда в следующий раз. Вы ведь часто летаете? Просто захватите книгу на обратном пути, может, еще увидимся и...

Самолет резко накренился, совершая разворот в сторону аэропорта города Сочи. Я посмотрел в иллюминатор и увидел море.

Сердце радостно забилось в ожидании встречи с родителями и сыном, которые жили в Сухуме. Оглянувшись, я уже не увидел рядом стюардессу, она, спешно закончив обход пассажиров, быстро села в кресло для бортпроводников и пристегнулась, ожидая посадки. Я прикрыл глаза, передо мной вновь возник образ героя книги, который сделал шаг навстречу испытаниям. «Интересно, какой путь он пройдет, решится на что-нибудь или нет? — подумал я. — Цена прожитой жизни, ощущение времени — да, для меня это тоже очень актуально». В последнее время я отчаянно борюсь со своим прошлым, которое иногда всплывает в сознании, особенно по ночам, когда сны соединяют сцены давно прожитой жизни с недавними событиями. Тогда я просыпаюсь и долго потом не могу уснуть. Развод с первой женой дался мне нелегко, затем гибель второй, Ольги, новость о сыне...

И хотя с тех пор прошло уже несколько лет, я так и не смирился с произошедшим, а главное, не смог разобраться, зависело ли от меня хоть что-нибудь или всем в нашей жизни распоряжается судьба? Все же, скорее всего, автор прав: Бог даровал человеку право выбора, и только он сам отвечает за свои поступки и их последствия. Убегая от прошлого, я с головой ушел в работу и, хотя многого добился, в результате потерял ощущение настоящего. Я, как заведенный робот, просыпался, бежал на работу, что-то делал, а затем возвращался домой лишь для того, чтобы поспать. А потом все повторялось. День, ночь, день... Дни сменяли друг друга, складывались в месяцы и годы, но в моей жизни ничего принципиально не менялось.

Я так увлекся суетой, что совсем забыл о себе и своих близких. Вроде бы все делал для будущего, но душу в это не вкладывал. Я забыл, каково это — радоваться. Когда в последний раз я валялся на зеленой траве, забыв обо всем на свете, и часами наблюдал за плывущими по бескрайнему небу, постепенно меняющими форму облаками? А когда последний раз, оказавшись на море, я искренне радовался встрече с ним, полной грудью вдыхал его запах, слушал шум прибоя, улетал душой в ночное небо и раство-

рялся в свете звезд, наслаждался шумом весеннего дождя или журчанием горной речушки?

Пожалуй, о настоящем, также, как и герой книги, я начинаю вспоминать только в минуты опасности или возможных испытаний. Это чувство всякий раз охватывает меня в самолете перед взлетом и посадкой, когда, вспоминая наконец про свою бренность, молю Бога дать мне возможность благополучно долететь. Даже в автомобиле, когда сам сижу за рулем и вроде бы должен быть внимателен, я быстро погружаюсь в свои мысли и воспоминания о прошлом — о делах, которые не доделал, о будущих встречах, думаю, как лучше поступить в той или иной ситуации. А машина и дорога будто бы существуют отдельно от меня в какой-то иной реальности. Иногда я даже удивляюсь тому, как быстро и благополучно я доехал по переполненным улицам города и даже этого не заметил.

Самолет немного тряхнуло при соприкосновении с взлетной полосой, мотор взревел на реверсе, замедляя скорость. В иллюминаторе показались густые зеленые холмы, цепью окружавшие аэродром, длинное серенькое здание, а затем громадный новый недостроенный аэровокзал. Самолет развернулся и, подъехав ближе к старому аэропорту, остановился. Пассажиры быстро вскочили со своих мест, разбирая вещи на полках и вытаскивая их из-под сидений, и непреодолимой стеной встали между мной и стюардессой, с которой я планировал продолжить разговор после приземления. Я решил, что отложу его до лучших времен, тем более через две недели я собирался лететь обратно той же авиакомпанией. Я совершенно не подумал о том, что их бригады часто меняются, как и людские маршруты. Впрочем, тогда я еще не знал, что ощущение здесь и сейчас станет лейтмотивом всей моей последующей жизни.

НЕПОЗНАННАЯ АБХАЗИЯ

Я взял такси и уже через двадцать минут был на границе, для перехода которой понадобилось в два раза больше времени из-за большого количества туристов, желающих недорого отдохнуть в Абхазии. Было жарко. Яркое солнце, играя в лучах Черного моря, сопровождало меня всю дорогу, и пассажиры то открывали, то закрывали форточку микроавтобуса. Воздух, влетавший в салон, был особенным. Он нес с собой ароматы моря и сладковатый запах южной растительности. Его хотелось вдыхать полной грудью. Глядя на мелькавшие за окном пейзажи, пьянея от нахлынувших ароматов, я радовался стремительному движению навстречу своим самым близким людям на свете. После нашей последней встречи с сыном Сергеем прошло уже два месяца, полгода назад он переехал жить к моей маме. За это время в Абхазию приехал и мой папа, который давно собирался съездить в Адлер повидаться со своими друзьями, а затем пожить в Сухуме у бывшей жены, моей мамы, с которой они были уже более тридцати лет в разводе. Море всегда манило его как бывшего моряка. Планы папы идеально совпали с моими интересами: я хотел чуть ослабить влияние на Сергея его чрезмерно энергичной бабушки. Однако уже через неделю папа стал говорить языком своей бывшей жены, полностью поддав под ее влияние.

Я ехал в Сухум в великолепном настроении, вез для сына добрую весть, которую он с нетерпением ждал. Я договорился в Москве с руководством университета о зачислении сына в очную аспирантуру. По образованию Сергей был юрист, поэтому в Абхазии не смог устроиться по профессии. Законы в тогда еще не признанной республике отличались от российских, да

и юридические потребности местного населения только зарождались. Учебу в Москве мы с сыном рассматривали как возможность радикально изменить его жизнь. К сожалению, в последнее время Сергей больше огорчал меня, чем радовал. А после аспирантуры он при желании смог бы остаться в Москве, найти работу в столице... И вот, все получилось! Теперь все зависело от сына. У меня появилась надежда, что худшее позади.

Я приехал в Сухум в семь часов вечера. Мама сразу же кинулась накрывать на стол:

— Сейчас быстро сделаю хачапури, тесто уже поставила.

— Как Москва, сын? — спросил отец. — Давненько я там не был. Помню, в последний раз, когда меня лет тридцать назад посыпали в командировку во Львов, мы с коллегой часов пять гуляли, ожидая стыковочного рейса. Раньше не было трансеров, приходилось отдельно покупать билеты.

— Трансфертов, — поправил я.

— Ну да, трасертов.

Я улыбнулся. «Удивительно, — подумал я, — мой отец обладает великолепной памятью, четко помнит даже то, чему его учили в школе более шестидесяти лет назад, легко цитирует по памяти любое стихотворение или химическую формулу из учебников, не может... а может, не хочет после выхода на пенсию овладеть новой терминологией. Уверился в том, что все современное его совершенно не касается. Просто взял и остановил время».

От отца я узнал, что Сергей уже неделю лежит в психиатрической больнице в поселке Дранды в сорока километрах от Сухума. Меня тут же захлестнули эмоции:

— Почему вы мне не сообщили раньше, ведь я недавно вам звонил?!

— Ты же в Москве не отдыхал, зачем было тебя расстраивать? — вздохнула мама.

— Вы что, не понимаете, что работа никогда не закончится? Я вас не прошу меня жалеть, мне это не нужно. Я хочу, чтобы вы говорили правду. Сын попал в больницу, а вы мне ни слова не сказали. У вас вообще совесть есть?!

Я еще многое чего им тогда наговорил, слово не птица, обратно не поймаешь. Сейчас, вспоминая тот вечер, не могу не сожалеть об этом. На родителей было больно смотреть. По-видимому, из-за напряжения последних месяцев, не оправдавшейся надежды на лучшее будущее и неожиданной печальной развязки я окончательно слетел с тормозов, и крайними оказались мои родители.

Утром мы с мамой поехали в больницу. Дорогой она рассказала, что дней за двадцать до этого Сергей запил, потерявшись на два-три дня, но по возвращении сам попросил положить его в психиатрическую больницу, в которой он пролечился около десяти дней и справил свой двадцать третий день рождения. Выписался в отличном настроении, решил полностью отказаться от спиртного и курения, демонстративно смяв начатую пачку сигарет и выбросив ее в мусорное ведро. Однако наутро нашел смятые сигареты и докурил их. Уже на следующую ночь плохо спал, несколько раз вставал, а затем попросил у бабушки снотворное, для лучшего эффекта сразу две таблетки. Однако бессонница не проходила, и он попросил еще таблеток, стал почему-то спрашивать о клофелине, который бабушка принимала от повышенного артериального давления. В тот вечер у них были гости, поэтому наутро она не смогла вспомнить, куда делась упаковка лекарств: то ли она сама ее спрятала, то ли Сергей забрал. Одно совершенно точно: на следующий день Сергей стал вялым.

Дальше события развивались быстро. Сергей стал молчаливым, а затем и вовсе замкнулся в себе. Но к вечеру начал проявлять беспокойство, постоянно оборачивался и вглядывался вдаль. Ночью неожиданно ушел из дома и вернулся только через два дня утром в совершенно невменяемом состоянии. Он ничего не мог

объяснить, да и говорил нечленораздельно, был грязный, без рубашки, не мог даже самостоятельно есть. Так он снова оказался в стационаре.

Больница находилась в живописном месте в окружении апельсинового сада. В стационаре работал гостеприимный медперсонал, который к больным относился как к своим родственникам, по крайней мере так мне показалось. Все палаты, кроме дверей, закрывались еще и на толстые металлические решетки с внушительными висячими замками.

В нужной нам палате находились трое мужчин: один из них неустанно ходил из угла в угол, другой спал, третий бодрствовал, но был привязан к постели. Это и был Сергей. Он издавал нечленораздельные звуки, изо рта его текла вязкая слюна, цвет лица был землистым с синюшным оттенком, один глаз немного косил. Когда сын заметил меня, то в его взгляде на мгновение мелькнула искра, но тут же погасла, и он снова ушел в себя. А может, мне это и вовсе показалось.

Я знал, что увижу, и, казалось, был к этому готов. Но реальность сломила меня. Я посмотрел на маму, ища в ее глазах ответ. Она сказала, что Сергей в таком состоянии уже несколько дней, она не знала, что делать, а по телефону не решалась мне рассказать.

Мы попросили развязать его, сын медленно встал и я крепко обнял его, прижав к груди и целуя в щеку. Все его тело было покрыто липким потом, пах он так, словно никогда не мылся. Сердце его сильно билось, будто готово было вот-вот выскочить из груди, кисти были бледными и холодными. Когда я попытался с ним заговорить, он ритмично задвигал руками, прикладывая указательный и средний пальцы правой руки к губам, показывая, что он то ли курит, то ли просит закурить. Периодически он щелкал по шее, явно намекая на то, что неплохо было бы и выпить. Иногда он останавливался и начинал часто подпрыгивать на месте, что-то мыча. Все это повторялось снова и снова. Когда я его о чем-то спрашивал, особенно если трогал его за плечо или за

руку, он на мгновение останавливался, медленно поворачивал в мою сторону голову, глядя на меня мутными глазами, а потом все повторялось вновь. С последней нашей встречи Сергей полностью потерял себя и стал напоминать то ли слетевшего с катушки робота, то ли зверя с человеческим лицом. На это невозможно было смотреть, хотелось закричать, зарыдать и убежать куда глаза глядят. В конце концов мы вышли из палаты, и санитар тут же закрыл на замок массивную дверь. Разговор с врачами был недолгим. Чувства переполняли меня, я едва сдерживался. Хотелось накричать на них, обвинить в том, что они губят сына. Желание срочно забрать его из больницы было почти непреодолимым. Но куда я его повезу? Я находился в непризнанной стране, где никого не знал. А сын явно был нетранспортабельным, возможно, нуждался в экстренной помощи. Какой у него диагноз, какие анализы были сделаны? Я представился лечащему врачу, сказал, что тоже врач и предложил провести Сергею антитоксический курс для исключения вредного воздействия неконтролируемого приема сильнодействующих лекарств. Врач, женщина лет сорока, скептически посмотрев на меня, согласилась, предложив самим купить в аптеке набор медикаментов. Я настоял, чтобы сыну при нас ввели лекарственные растворы, пообещав компенсировать их в дальнейшем.

Как выяснилось позже, Сергей находился в необычной в моем представлении больнице. Врачи ее посещали всего три раза в неделю, медикаменты в основном приобретали родственники пациентов. Здесь не было воды, больных умывали только утром, а после туалета никто гигиену не соблюдал.

На обратном пути домой я предложил маме вернуться в больницу вечером и сделать Сергею очищающую клизму, не совсем представляя, как реально это можно было осуществить при отсутствии элементарных условий. Мама предложение поддержала с энтузиазмом, пообещав найти все необходимое.

После процедуры мы помыли сына прямо в палате, предварительно расстелив на деревянном полу полиэтиленовую пленку.

Сергей легко подчинялся нашим командам, возможно, подсознательно понимая их полезность. Он все время молчал, но иногда подпрыгивал и все теми же жестами намекал на то, что было бы неплохо выпить и покурить. Когда я дал ему сигарету, он затянулся, но тут же выбросил ее. Так закончился первый день моего пребывания в Сухуме.

Проснулся я рано. Еще только начало светать, через густую листву сада за окном едва пробивался серый рассвет, а птички, которых здесь было великое множество, перебивая друг друга, пели, радуясь первым солнечным лучам. У нас в Сибири такие чудесные трели никогда не услышишь. Я с удовольствием, не открывая глаз, провалялся в постели еще минут тридцать, но затем все же встал. Мама уже готовила завтрак, одновременно успевая прибирать в квартире и мести во дворе. Я всегда восхищался ее энергичностью, да и не только я. Она всех неизменно заряжала оптимизмом, постоянно делилась большими планами, которым не было числа, в компаниях много и быстро говорила, то и дело разражаясь звонким смехом.

И сегодня она по-прежнему делала все быстро, но было видно, как она сдала за последнее время — она ходила чуть сгорбившись, на лице появилось больше морщинок, а на голове — седых волос. Конечно, ей пришлось многое пережить. На ее глазах единственный внук терял человеческий облик, и она ничего не могла сделать, ничем помочь. Да и передо мной ей было стыдно. Этому во многом способствовал наш с ней разговор накануне вечером. Видно было, что она плохо спала, ночь напролет, обдумывая последние события. Мне тут же стало отчаянно жаль маму: бедная, что же я делаю?! У нее ведь и так высокое давление. Она все пропускает через чувства, оценивает не умом, а сердцем, переводит все в разряд ощущений и такой подход медленно, но верно разрушает ее здоровье. Мне захотелось подойти к ней и крепко обнять. Я позвал: «Мама!» Но она лишь бросила на меня мрачный взгляд, сухо сказала, что завтрак на столе, и продолжила за-

ниматься своими делами. Меня будто ледяной водой окатило. Мириться тут же расхотелось, желание стать лучше пропало. Я, насупившись, злясь и на себя, и на весь свет, пошел завтракать.

Мы приехали чуть позже врачей, которые уже шумели вокруг сына, засыпая его вопросами. Слышно было, что он отвечает четко и правильно, но врачей что-то не устраивало.

— Как тебя зовут?

— Сергей.

— А твоя фамилия?

— Меркулов.

Я не понимал, что происходит. Моя мама молча отвела меня в сторонку и тихо сказала, что врачи не знают его настоящей фамилии, его оба раза госпитализировали под фамилией Петров, но он, похоже, об этом забыл. Поэтому врачи думают, что Сергей еще не пришел в себя.

Я сразу же решил честно рассказать обо всем врачам, иначе им сложно было бы адекватно оценить состояние сына. Заметив нас, они развели руками: мол, видите, еще не пришел в себя. Но затем, выслушав наши объяснения, понимающе улыбнулись. Видно было, что столь быстрое улучшение состояния больного их удивило. Сергей был общителен. Он спросил меня, когда я приехал. Стал вспоминать, как попал в больницу и что этому предшествовало. Рассказал, что перед тем как загреметь в стационар, всю ночь напролет пил водку с двумя абхазцами в каком-то кафе и видел — хотя, может быть, ему это и показалось, — как один из них что-то ему подсыпал. Пока мы разговаривали, я присел к сыну на кровать и стал делать ему массаж пальцев рук, чтобы активировать работу внутренних органов. Руки его были влажными и какими-то жирными, словно были покрыты несколькими слоями пота. Хотя, наверное, так оно и было, ведь в больнице воды постоянно не хватало.

К сожалению, наш разговор был недолгим — Сергей вскоре уснул. Однако настроение у меня тут же улучшилось. Мы с ма-

мой поверили в то, что Сергей скоро поправится и выйдет из больницы. Перед уходом зашли к лечащему врачу сына. Она также отметила существенное улучшение его состояния, однако выразила сомнение в том, что он алкоголик. К нашему удивлению, она не исключила того, что он мог принять большую дозу лекарств, и предположила у него более серьезное заболевание.

Мы с мамой выходили из больницы в приподнятом настроении, улыбались всем встречным, и нам казалось, что и они радуются вместе с нами. В тот день я стал думать о том, где Сергей будет жить, когда его выпишут из больницы, и решил помочь сыну найти хорошую девушку. Женитьба могла бы, как мне казалось, если не полностью исцелить его, то во многом помочь. За этими приятными размышлениями я и не заметил, как уснул.

Но через день все изменилось.

Я поднялся на второй этаж, где лежал сын. Дверь в его палату была прикрыта. За ней обнаружилась наглухо закрытая толстая металлическая решетка, на которой висел большой замок. А за решеткой стоял он — мой сын, вид его был ужасен. Мертвенно-бледное, без единой кровинки лицо, глаза широко раскрыты и затуманены. На кисть правой руки намотано окровавленное больничное полотенце. Время от времени он диким голосом выкрикивал что-то нечленораздельное: то ли обещал кого-то убить, то ли вызывал на бой неведомого врага. При этом он методично колотил кулаком в металлическую решетку. Я не мог поверить своим глазам. «Неужели врачи ему что-то специально назначили, — лихорадочно подумал я, — чтобы не признавать своих прошлых ошибок? Неужели они сознательно вредят ему и готовы пойти на все, лишь бы сохранить лицо? А может, они просто плохие специалисты?» Я вошел в палату и крепко обнял сына. Как же дорог он мне был, в тот момент я все бы отдал, лишь бы спасти его. Сергей секунду постоял в моих объятиях и затем снова подошел к решетке, которую за мной тут же закрыли.

— Сам ты козел! — заорал сын в пустоту. — Иди сюда, я вызываю тебя на бой!

Я оглянулся, за дверью никого не было. «Может, кто-нибудь прошел мимо, а я и не заметил?» — с тоской подумал я, отчаянно прислушиваясь. В коридоре царила тишина. Тогда я спросил сына, с кем он разговаривает и что случилось. Я был готов тут же наказать обидчика. Сергей посмотрел на меня, задумался на секунду, а потом молча отвернулся, прислушиваясь, и снова заорал на дверь:

— Иди сюда, я вызываю тебя на смертный бой!

Он снова со всей силы ударил кулаком по металлическим прутьям. Из-под полотенца закапала кровь. Я снова прислушался, но опять ничего не услышал. Сказать, что я растерялся, было ничего не сказать.

— Сергей, что происходит?! С кем ты все время разговариваешь, кто тебя обидел?

— Папа, а я не козел? — Вопрос сына прозвучал неожиданно.

— Что?! — переспросил я.

Он внимательно посмотрел на меня и повторил:

— Я ведь не козел, правда?

Мне стало жарко. Я бросился к соседям сына по палате и принялся расспрашивать их о том, что же произошло. Они сказали, что Сергей ночью плохо спал, периодически вставал, с кем-то громко разговаривал, а потом стал изо всей силы бить кулаком по стене, почти сразу же разбив руку в кровь. В палату же никто не приходил, но из-за Сергея они все равно не спали всю ночь.

Пока я выяснял все обстоятельства ночного происшествия, мама старалась накормить Сергея, хотя у нее это получалось из рук вон плохо. Сын едва открывал рот, а то, что в него попадало, никак не мог прожевать и проглотить. Наконец я не выдержал и попросил ее прекратить мучить Сергея — все равно не впрок. Но она возразила:

— Разве ты не понимаешь, он должен хорошо питаться, чтобы выздороветь. Бедненький мальчик!

Мне казалось, будто я оказался в каком-то тягучем кошмаре. Мама механически продолжала совать внуку ложку, из глаз ее катились слезы. Пришлось увести ее от Сергея чуть ли не силой. В это время в палату зашла пожилая санитарка, многозначительно посмотрела на нас и заявила, что она хорошо кормит Сергея и мы можем не переживать за него, он в надежных руках. Намек мы поняли. Как только она вышла, стали обсуждать, сколько ей дать денег, чтобы она позаботилась о Сереже. Санитарка натолкнула нас на важную мысль: наверное, стоило бы «подогреть» и врачей. Может, то, что случилось за ночь с сыном, результат нашей нерасторопности? Все же на Кавказе есть свои обычай.

Перед уходом я попросил санитарку перенести постель Сергея на другую свободную кровать. До этого он лежал в темном углу, куда даже в самый погожий день не попадал солнечный свет. Все продукты мы оставили санитарке, может, хоть часть достанется сыну, когда он проснеться. Но сможет ли он вообще есть?

Когда я вновь приехали в больницу, Сергей лежал на новом месте. Он спал.

— Я знаю, что вы вчера приходили, — сказала зашедшая со мной в палату врач, — и спрашивали, какие лекарства я дополнитель но назначила. Так вот, их назначила не я, а главный врач, и он хочет с вами поговорить. Мы вместе еще раз осмотрели Сергея и думаем, что дело не в алкоголизме. Его тяга к алкоголю, скорее всего, есть проявление более тяжелого психического заболевания. Поэтому мы решили добавить нейролептики и разошлись только в дозировке. Я настаивала сразу на большей дозе, но главный врач решил увеличивать ее постепенно.

— Так, может, то, что произошло с Сергеем, — результат ваших экспериментов?! — не выдержал я. — Ведь когда мы уезжали позавчера из больницы, у него было существенное улучшение, а вчера ему опять стало хуже, как тогда, когда я увидел его в первый раз. Он все время пребывает в возбужденном состоянии, у него постоянно течет вязкая слюна. Может, вы делаете что-то не то?

— Вы были в палате, где лежит ваш сын, и, наверное, обратили внимание, что окно в ней сломано. Так вот, его сломал Сергей. Когда его привезли, он был невменяем. А когда пришел в себя, стал агрессивен. Начал сражаться с несуществующими бандитами, убегать от виртуальных милиционеров, хвататься за оружие, которого рядом не было, бить кулаком по стенам и окну, которое и разбил с первого же удара, порезав руку. Было много крови, часть осталась на окне, вы можете ее увидеть. Нам пришлось привязывать его к кровати. Так он пролежал несколько дней, но, когда его развязали, все повторилось. Увы, но словами вашего сына успокоить невозможно. Поэтому-то мы и добавили нейролептики, они снижают активность, правда, имеют и побочные эффекты. Но ночью их действие закончилось, Сергей опять забуянил, пришлось привязать. Сегодня ночью опять все повторилось, отвязали незадолго перед вашим приходом.

Я слушал и пытался понять, о чем она вообще говорит. Какое буйство, какая агрессия? Бедный Сергей, куда он попал? Надо срочно вытаскивать сына отсюда. В моей голове не укладывалось, как за столь короткое время состояние моего сына могло так резко измениться. «Может, это я — главная причина всех его бед? Ведь он говорил, что, узнав о моем существовании, он чуть с ума не сошел. Нет, я не могу поверить в то, что мой сын психически больной. Когда я в последний раз приезжал в Абхазию, он чувствовал себя хорошо. Были проблемы, да, но многое можно было списать на особенности личности. Он, похоже, всегда был безответственным, но этим грешат многие его сверстники. При этом все они психически здоровы», — думал я.

Видимо, выражение моего лица было весьма красноречиво, потому что врач пустилась в дальнейшие объяснения:

— Я хорошо вас понимаю. Поверьте, я за свою жизнь многое повидала. У меня были разные больные, и в намного более худшем состоянии тоже. И ничего, мы их поднимали на ноги, они даже могли работать, а многие из них заводили семью, имели детей. И у вашего сына, думаю, все будет нормально, важно только

подобрать правильный препарат и назначить адекватное поддерживающее лечение. Сходите к главному врачу, он работает психиатром уже полвека, имеет большой опыт. Тем более он сам хотел с вами познакомиться и поговорить о вашем сыне.

Спросив, где находится кабинет главврача, я побрел по коридору. Из палат, мимо которых я проходил, то и дело раздавались странные, а порой и жуткие звуки, и я всякий раз невольно вздрагивал и испуганно озирался.

— Отец! Отец!

Я оглянулся. За решетчатой дверью стоял невысокий худой абхазец неопределенного возраста. Я бы даже предположил, что мы с ним ровесники. Он смотрел прямо на меня и махал рукой.

— Отец! Сергей — это ваш сын? Он хороший парень, очень хороший. Когда мне было плохо, он ухаживал за мной. Тогда, в первый раз, когда лежал в нашей больнице. Мы там еще его день рождения справляли. Он нас тортами угощал. Вы не бойтесь, мы его в обиду не дадим. Сейчас ему что-то совсем плохо стало, смотрите, как бы врачи его не залечили. Я тоже, когда в первый раз попал сюда, чувствовал себя хорошо, а сейчас видите, что со мной стало?

Мужчина был бледен, на лице блестели крупные капли пота, глаза его застилала туманная поволока.

— Отец! Дай закурить, а? А то ко мне родственники не ходят, забыли совсем, сволочи, списали со счетов. Да и то верно, кому я теперь такой нужен?!

— А жена? — спросил я.

— Я давно уже развелся. Она отказалась от меня.

На месте он стоять не мог, словно ему моторчик вшили, все время вертелся, переминался с ноги на ногу, подпрыгивал, хватался за решетку, то и дело сплевывал себе под ноги. Лицо его тоже все время было в движении. Я не курил, но пообещал ему помочь с сигаретами. Уговор мы скрепили, пожав друг другу руки.

Кабинет главного врача находился на первом этаже. Ведущий к нему коридор был темным и длинным. Табличек или указателей

не было, и мне пришлось дважды спрашивать работников больницы, чтобы наконец найти нужную дверь. Главврач был один в кабинете и, по-видимому, ждал меня. Мы представились. Поговорив о жизни в Сибири, о проблемах Абхазии, мы перешли к главному. Первым делом меня интересовало, что происходит с сыном, какой диагноз ему ставят, почему его состояние так резко ухудшилось и что они вообще намерены делать дальше.

Главврач посмотрел мне прямо в глаза и медленно, тщательно подбирая слова, начал:

— Я увидел вашего сына впервые, когда ваша мама привезла его на консультацию в поликлинику. Она хотела его закодировать от алкоголизма, а я как раз этим занимаюсь вне больницы. Моя дочь открыла частный кабинет, там мы ведем платный прием и лечим алкоголиков. Когда они ко мне пришли, ваш сын чувствовал себя неплохо. Мы с ним поговорили по душам и решили, что он попробует сам бросить пить. Условились: если через десять дней он сам придет ко мне на прием и за это время в рот не возьмет спиртного, то кодировать мы его точно не будем. А если сорвется, то ляжет ко мне в клинику и там закодируется. Когда я увидел, что ваш сын снова записался на прием, я подумал было, что он сорвался и все же решил кодироваться. Но, увидев Сергея, я понял, что его необходимо немедленно класть в психиатрическую больницу. Это-то я ему и предложил. Вы бы видели его в тот момент: лицо будто окаменело, глаза застыли, на мои вопросы он не отвечал и, казалось, вовсе меня не слышит. Однако, когда я предложил ему лечь в больницу, он будто бы понял, о чем я говорю, и попытался убежать. Мне пришлось вызывать милицию. Они, слава богу, приехали быстро и увезли вашего сына. Скажите спасибо своей маме, она святая женщина. Вы даже не представляете, как она заботилась о вашем сыне, как пыталась его вылечить. Но, увы, у него оказалось более серьезное заболевание, чем мы предполагали изначально.

— Какое же?!

— Пока я не могу сказать вам точно — необходимо за ним наблюдать. Но вы не беспокойтесь, сейчас многое лечится, глав-

ное, правильно подобрать схему и постоянно принимать лекарства. Правда, в наших условиях это сделать очень трудно. Вы сами видите, что творится у нас в республике: разруха, денег нет не то что на ремонт, а даже и на самые необходимые лекарства. Люди работают почти задаром... — Он многозначительно посмотрел на меня. — Но ничего, мы справимся. И Абхазия снова зацветет, спасибо России, помогает! Все когда-нибудь восстановим.

— А если его перевести в лечебное учреждение в России? Как вы считаете, в этом есть смысл? У меня есть знакомые в Петербурге и Москве, могу попробовать договориться.

— А вы потянете финансово? Вы же сами знаете, что такое Москва и сколько там все стоит. Там и жить-то дорого, а лечиться и подавно. Если хотите, я могу позвонить своему родственнику, абхазцу из правительства, он многих знает. Он может договориться с Краснодаром лучше вас, я через него многих устраивал, и все были довольны. Хорошо помогает.

— Я подумаю, возможно, мы так и поступим. Но сейчас Сергей ведь все равно нетранспортабелен, в таком состоянии его никуда не увезешь. Вы поймите меня, все так навалилось неожиданно. Я просто никак не могу прийти в себя, не могу поверить, что мой сын психически болен. Конечно, мне и раньше казалось, что он не совсем здоров. Но вначале его тягу к спиртному я объяснял плохой наследственностью со стороны его матери, этому есть доказательства. Но никто из наших родственников не страдал психическими расстройствами. Думал, что на него так влияет компьютер, от которого он иногда сутками не отходил. Уговаривал себя, что его странное поведение — это просто особенности личности, сформировавшейся на фоне постоянных конфликтов в семье. Три года назад он узнал, что его воспитывал не родной отец. Может, это я виноват в том, что сейчас мой сын находится в больнице? Я хотел, чтобы он стал самостоятельным, ведь ему уже двадцать три. Он вырос далеко от меня в очень обеспеченной семье. Я его недавно нашел и не хочу... Нет, не могу потерять! У меня нет семьи. Ах, если бы можно было все изменить...

Вдруг я почувствовал, как мои глаза увлажнились, и мне стало отчаянно стыдно. Мужчина — и туда же, плачет. Но сдержаться я не смог, слезы побежали по щекам, я стал всхлипывать. Быстро достал носовой платок, отвернулся, вытирая глаза. «Что это со мной? — думал я. — Разоткровенничался перед чужим человеком, которого вижу в первый раз».

Главный врач молчал некоторое время, а затем медленно произнес:

— Я хорошо вас понимаю. Вам сейчас очень тяжело. Родителям всегда тяжело, когда болеют дети. Знаете, перед вами я разговаривал с пожилым человеком. Вы, возможно, встретили его, когда шли сюда. У него четверо детей — два сына и две дочери. Так вот, двух он уже похоронил: сына тридцати лет, настоящий красавец, попал в аварию, и дочь, она недавно скончалась от рака. А оставшиеся дети — шизофреники, которые более двадцати лет регулярно лечатся у нас. Жена его давно умерла. Он тоже плакал и спрашивал, как жить дальше, ведь он уже не молод и одному Богу известно, сколько ему еще осталось. Так кто же поможет его детям, кто станет ухаживать за ними? Вот это трагедия. Но вы-то еще молоды, можете жениться, у вас еще будут дети. Да и сын ваш не безнадежен. Дочь того пожилого человека впервые попала в больницу, когда была еще студенткой. После этого она закончила вуз, защитила кандидатскую, причем в Москве, сейчас преподает в Сухумском университете. А вы говорите, беда. Все еще образуется, поверьте мне, и ваш сын встанет на ноги.

— То есть вы считаете, что он еще может стать нормальным человеком? Я сам врач, но только в общих чертах ориентируюсь в психических заболеваниях, очень мало знаю о том, как их лечить и каковы их отдаленные последствия. Значит, вы говорите, что еще не все потеряно, моего сына еще можно вылечить?

— Я не знаю, можно ли его вылечить полностью, хотя ничего не исключаю, но то, что современные средства помогут ему вернуться к正常ной жизни, это совершенно точно. Надо просто

подобрать лекарство и следить за тем, чтобы он их регулярно принимал.

Я крепко, как родному, пожал главврачу руку. Он действительно сделал для меня что-то очень важное — озарил светом мое будущее, казавшееся до этого совершенно безнадежным, подарил надежду и я впервые за последние дни вздохнул полной грудью.

Мне быстро удалось через друзей договориться о госпитализации сына в Научный центр психического здоровья мозга в Москве, которым руководил академик. Была у меня возможность устроить сына на лечение и в Питере, и в другие больницы Москвы, но я решил, что этот центр лучший. Я ведь и сам когда-то преподавал на лечебной кафедре при мединституте и знал, что ничего лучше сочетания науки и практики быть не может — в этом случае больных лечат самыми современными методами, а у врачей всегда есть стимул к самосовершенствованию.

Главная трудность была в том, что Сергей был нетранспортируем. Он, конечно, мог стоять на ногах и даже ходить, но трудно было предугадать его реакцию на переезд. Лечение в абхазской больнице, к сожалению, помогало мало, и я добился разрешения гулять с сыном, пока решается вопрос о его переводе в московскую больницу. С моей точки зрения, это было настоящим достижением, ведь до этого сына не выпускали из сырой и темной палаты. Несмотря на то что мы с мамой его регулярно мыли, его землистого цвета кожа всегда была липкой от пота.

Когда мы с мамой первый раз повели Сергея гулять, я был готов к тому, что сын в любой момент может убежать от нас или совершить действия, за которые нам придется отвечать материально. Поэтому мы выходили на улицу, крепко держа Сергея за руки. Светило яркое солнце, легкий теплый ветерок приносил приятные запахи из соседнего апельсинового сада. Я внимательно наблюдал за сыном. Как только он увидел больничный двор, по его лицу пробежала легкая улыбка, глаза засияли. Там на закрытой

территории гуляли больные, которые, заметив Сергея, обрадовались и замахали руками в знак приветствия.

— Отец, ты молодец, что вывел сына, ему надо побольше гулять, иначе его залечат. — Голос того пациента, с которым совсем недавно разговаривал в больнице, я узнал сразу. Я оглянулся — да, точно, это он. Так же, как и в тот раз, он не стоял на месте, а все время переминался с ноги на ногу. Он стоял, схватившись за решетку ограды, а неподалеку несколько человек с интересом наблюдали за нами. Кто-то из больных попросил у меня закурить. Я уже был готов к такой просьбе и в последние дни постоянно носил с собой сигареты специально для такого случая. Увы, к ним нечасто приходили родственники. Пациентов сюда свозили почти со всей Абхазии, кто-то из них жил слишком далеко от больницы, у кого-то близкие родственники погибли во время грузино-абхазского конфликта, а у кого-то были слишком бедны, чтобы взвалить на себя еще и такую ношу.

Сергей с интересом наблюдал за мной. Я быстро вернулся к сыну, мы присели на скамейку, стоявшую перед входом в больницу, и стали разговаривать. В последнее время Сергей издавал в основном одни нечленораздельные звуки и я стал показывать на различные предметы, несколько раз проговаривая их названия.

— Дерево. Видишь, дерево. Красивое дерево, да?

Он кивал, как мне казалось, понимая, о чем я говорю.

— Дерево. Скажи: де-ре-во.

Сын пытался несколько раз повторять за мной. Я видел, как с каждым разом у него получалось все лучше и лучше. Может, думал я, под действием лекарств он просто забыл слова? Да и разговаривали с ним в больнице мало. Может, все еще наладится?

— Смотри, Сергей, небо. Голубое небо. Скажи: небо, не-бо.

Сын явно делал успехи. Через некоторое время мы с ним проговорили почти все, что нас окружало, и я предложил немного прогуляться. Мы сделали несколько кругов по больничному двору, и вдруг Сергей показал на ворота.

— Ты хочешь пойти туда? — спросил я.

Он утвердительно кивнул. Не зная, что сделать, я инстинктивно повернулся голову в сторону больницы, рядом с которой на лавочке сидели санитар и медсестра и внимательно наблюдали за нами.

— Можно мы прогуляемся с сыном за ворота под нашу ответственность?

— Вообще-то у нас больные за территорию не выходят, они ведь могут убежать... — засомневались они.

— Но мы, — я посмотрел на маму, — будем его крепко держать. Не беспокойтесь, я хорошо бегаю, догоню, если что.

Они улыбнулись и наконец согласились:

— Хорошо, только недолго!

Мы с мамой подхватили Сергея за локти с двух сторон и пошли за ворота, гадая, что нас ждет впереди. С одной стороны ворот стояло большое полуразрушенное здание — память о войне, с другой — ветхое здание поликлиники. Неподалеку от больницы проходила автомобильная трасса. Вдоль нее выстроилось несколько торговых киосков, в которых продавались пиво и продукты. Именно туда и направился Сергей, таща нас за собой. Оказалось, что сила у него еще осталась, мы едва сумели остановить. Нам удалось уговорить его немного постоять, а затем сесть на лавочку, стоявшую в тени кипариса. У сына сбылось дыхание, видно, резкие движения все же оказались для него большой нагрузкой. Он часто дышал, на шее пульсировала жилка, на лбу выступили капли пота.

Немного отдохнувши, мы продолжили вспоминать слова и это немного отвлекло его от киосков. Затем, оставив на скамейке маму, которая тоже уже порядком устала, мы продолжили прогулку, вначале обходя лавку небольшими кругами, но постепенно увеличивая расстояние. Видно было, что Сергею ходить нравилось. По дороге мы находили новые предметы, названия которых проговаривали вслух.

Такие прогулки в дальнейшем стали регулярными. Каждый день, приезжая в больницу, мы брали сына и шли с ним на улицу.

Гулял он с удовольствием, стал адекватнее, неплохо произносил некоторые слова, кожа порозовела. Тем не менее радоваться пока было рано: состояние сына оставалось тяжелым. Его мучила бессонница, по ночам он постоянно сражался с невидимыми врагами, из-за чего в конце концов остался в палате один. В больнице было много свободных палат и недостатка в местах не было. Однажды сын сильно разбил правую руку, когда в очередной раз колотил по решетке и стенам.

Больше с переводом в Россию тянуть было нельзя. Но как перевезти сына через границу, ведь он мог в любой момент выкинуть что-нибудь из ряда вон выходящее? Да и до Москвы нужно было лететь на самолете, а это два часа в воздухе, плюс регистрация в аэропорту. Я посоветовался с врачами, их мнения разошлись. Главный врач советовал перед отъездом особо не грузить Сергея нейролептиками, а лечащий, наоборот, рекомендовала дать ударную дозу. Сошлись на том, что они дадут мне часть лекарств с собой и в случае чего я смогу скорректировать дозу самостоятельно.

За день до отъезда мы решили Сергея помыть. Мама настояла на том, чтобы мы это сделали в море, которое было километрах в десяти от больницы:

— Он ведь скоро уедет из Абхазии, так пусть вспоминает море, волны, горы... Вдруг уже никогда больше сюда не вернется?

На глазах мамы навернулись слезы, у меня защемило сердце. Пусть так и будет, решил я.

Мы остановились неподалеку от заброшенного сухумского аэропорта. На берегу стоял небольшой, некогда зажиточный поселок. Повсюду виднелись остатки былой цивилизации — покосившиеся торговые киоски, разграбленные бывшие кафе. Берег был песчаный, что редко встретишь в Сочи и Абхазии. О него бились высокие волны, вздымая песок, отчего вода становилась мутной и приобретала коричневатый оттенок. Метрах в ста от берега пролегала нечеткая граница, за которой заканчивалась прибрежная муть и начинались чистые морские воды. Как ни стран-

но, на берегу было немало отдыхающих, скорее всего, жителей близлежащих поселков. Кто-то даже купался в море, не обращая внимания на песок. Желания окунуться у меня не возникло.

Я предложил маме просто посидеть на берегу и помыть сына водой из канистры, которую мы захватили с собой. Она спросила Сергея:

— Хочешь искупаться в море? Ты уже завтра уедешь далеко-далеко. Так как, Сергей, хочешь?

И сын неожиданно для меня стал быстро раздеваться. Точнее, попытался это сделать, но почти тут же потерял равновесие и упал на песок. Мы помогли ему переодеться, я тоже надел плавки и мы пошли в море. Мама осталась на берегу возле машины. Сергей быстро зашел в море и уверенно поплыл от берега. У меня перехватило дыхание, я устремился за ним, призывая остановиться. Но сын не слушал меня и уплывал все дальше и дальше. И тут у меня возникла спасительная идея отвлечь его какой-нибудь информацией. Я стал кричать ему вдогонку, просить посмотреть то в одну сторону, то в другую. Наконец Сергей чем-то заинтересовался, прислушался и остановился, потом повернулся ко мне и внимательно посмотрел на то, на что я ему указывал. После этого я легко убедил его вернуться и немного позагорать.

Купались мы часа два с большими перерывами. Сергей сильно сдал за последние дни, похудел килограммов на десять. Время подходило к больничному ужину, до начала которого мы обещали привезти сына обратно. Я побрил Сергея, и мы с мамой помыли его. После этого он преобразился на глазах и вновь стал красивым молодым человеком. «Почему же так случилось? — думал я. — Бог наградил Сергея прекрасной внешностью, умом, музыкальными способностями, спортивной фигурой. Он родился в полной семье, любящей его, материально обеспеченной. Почему же судьба так обошлась с ним, за какие такие грехи мы и он должны страдать?»

В больнице нас уже ждали. Обговорив со старшей медсестрой последние детали, мы наметили время отъезда. Было ясно, дорога

нам предстоит непростая, а значит, необходимо хорошенько выспаться. Теперь нам оставалось только молить Бога, чтобы все прошло благополучно.

Дома мы организовали прощальный ужин. Настроение было тревожное и одновременно радостное — впереди забрезжила надежда. Я очень верил в специалистов московского медицинского центра, который выбрал. «Будь что будет, — думал я, — неважно, что случится с нами в дороге, я все равно довезу Сергея и спасу его, моего единственного, горячо любимого сына».

Мы не знали, каким рейсом полетим из Сочи, потому что было не ясно, когда вообще приедем в аэропорт. Нам предстояло проехать около двухсот километров и еще перейти границу. Мне оставалось надеяться только на удачу. В крайнем случае, если в тот день рейсов больше не будет, я остановлюсь у проверенных годами армянских друзей, живущих недалеко от аэропорта. Из больницы Сергея забрали около одиннадцати утра. Расставание было теплым, как с больными, так и с медперсоналом.

— Наверное, вы все-таки правы, — сказала лечащая врач на прощание, — раз есть такая возможность, ей надо воспользоваться. Сделайте для сына все возможное, чтобы потом совесть не мучила. А может, в России уже и лекарства новые появились. В любом случае, если вы надумаете вернуться в Абхазию, можете не беспокоиться, мы позаботимся о вашем сыне.

Мы крепко обнялись, я поцеловал ее в щеку и подумал, что ни за что на свете не допущу возвращения Сергея в эту больницу. И вообще, если удастся сына вытащить из кризиса, то все сделаю, чтобы он выздоровел и стал нормальным человеком.

Гнал я на всех парусах, стараясь нигде не останавливаться. До границы доехали за два с половиной часа, но перед пропускными пунктами уткнулись в большую автомобильную очередь. Только через два часа мы пересекли границу, но, выехав за пределы Абхазии, потом еще долго добирались до аэропорта — впереди была длинная вереница машин также, как и мы, возвращаю-

щихся на родину. В аэропорту нам повезло: мы сразу же купили билеты на последний рейс в Москву, самолет вылетал через час. Но на паспортном контроле все застопорилось. Сын наотрез отказался идти дальше, его ноги подкосились, и он рухнул на пол. Глядя на смертельно бледного Сергея, без движения лежащего на полу, служащие аэропорта вызвали дежурного врача. Врач помогла мне сделать инъекцию, после чего сын быстро успокоился и заснул. Она удивилась, почему мы не воспользовались помощью здешнего медперсонала. Дальше стало легче. Мы беспрепятственно прошли регистрацию, нам предоставили отдельный транспорт и места в самолете возле входа. К нашему удивлению, в Домодедово к трапу подъехала санитарная машина. В аэропорту Сергею предоставили коляску, на которой санитар довез его до медпункта аэровокзала.

МОСКВА — ГОРОД ПРИВЕТЛИВЫЙ

Прилетели мы поздно вечером. Остановились в гостинице не-подалеку от медицинского учреждения, куда я планировали положить сына на лечение. Сергей был возбужден, не мог долго оставаться на одном месте: то ложился на кровать, то вставал и ходил по комнате, то садился в кресло, когда какие-то картинки в телевизоре привлекали его внимание. Я дал сыну таблеток, попросил его лечь и стал делать массаж стоп, после чего Сергей наконец расслабился, успокоился и заснул. Мы с мамой договорились дежурить по очереди, неизвестность ночи не давала нам возможность расслабиться. Утром я дал сыну уже меньшую дозу таблеток, полагая, что врач должен оценить его реальное состояние, чтобы правильно поставить диагноз и назначить лечение. Вызвав такси и оставив часть вещей в номере, мы покинули гостиницу, устремившись навстречу спасению...

В научном центре нас уже ждали. В кабинете директора Сергей стал активно ходить, внимательно рассматривая предметы на полке в шкафу, совершенно не обращая внимания на врача. Академик же разговаривал с ним как ни в чем не бывало. Сын в ответ стал периодически подпрыгивать, совсем как в абхазской больнице, ударяя указательным пальцем по шее и имитируя движения курильщика. Похоже, мое решение снизить дозировку принесло свои плоды.

Академик грозно посмотрел на меня:

— Вы его отец?

Я утвердительно кивнул.

— Так вот, хочу спросить вас, как вы могли довести собственного сына до такого состояния?! Где вы раньше были? Почему

ничего не предпринимали для его спасения? И откуда только берутся такие родители?!

Я стал оправдываться, попытался объяснить, что сын со мной никогда и не жил, я же, узнав о происходящем, пытался сделать все что мог, поэтому-то и привез его в Москву.

— Ему здесь не место. Наш центр не подойдет, у нас даже двери в палатах стеклянные, без решеток. А у него состояние сами видите какое. Везите его в психиатрическую больницу, куда угодно, но только не к нам.

— Но куда же я его повезу в таком состоянии? Помогите, пожалуйста. Мы же не в Иркутске, я здесь никого не знаю. Не знаю, где находятся больницы, какие они, хорошие или нет... Умоляю, мне не к кому больше обратиться!

Академик внимательно посмотрел на меня и после небольшой паузы набрал какой-то номер. Быстро поговорив, он положил трубку и что-то написал на маленьком листке:

— Позвоните по этому телефону, примерно через час главный врач будет на месте, он вам поможет. Пока он в дороге, сами знаете, Москва большая. Больница у него хорошая, думаю даже, что самая лучшая в Москве, а может, и в России. Алексеевская, ее еще называют Кащенко, может, слышали?

— Нет. Я сожалею, что вы не взяли моего сына, ведь мы ехали именно к вам с большой надеждой. Согласен, у него сейчас тяжелое состояние и ему нужен строгий режим, но скажите, если ему станет лучше, я смогу привезти его к вам позже, когда станет возможно?

— Вы не о том сейчас думаете. Пока нужно срочно госпитализировать вашего сына, а вы можете потерять его. Если что-то не получится, можете, конечно, позвонить мне, но особо на мою помощь не надейтесь. — И он дописал на маленьком листочке свой номер телефона.

Мы вышли на дорогу и поймали такси. При первом же взгляде на больницу становилось понятно, что построена она очень дав-

но, однако ветхой не выглядела. Напротив, была очень ухоженной. Она размещалась в нескольких кирпичных корпусах, расположенных на изрядном расстоянии друг от друга. Корпуса соединяли тенистые аллеи, вдоль дорожек были устроены клумбы. В административном корпусе на втором этаже, недалеко от приемной, размещалась церковь. Мама сразу же пошла туда и поставила свечку за здравие. Сергей увязался за ней и принял с интересом разглядывать церковную утварь и горящие свечи.

Главный врач без особых проблем подписал направление на госпитализацию.

Приемное отделение находилось в соседнем двухэтажном корпусе. Сергея провели в комнату для осмотра, нас оставили в коридоре, правда ненадолго. Вскоре нас пригласили присоединиться, потому что сам хоть что-то объяснить Сергей не мог. Я обо всем подробно рассказал, объяснил, чем и где сына лечили. В конце концов дежурный врач постановил, что отправляет Сергея в реанимацию, так как состояние его тяжелое и требует срочного интенсивного лечения. Я ничего не понимал: как в реанимацию, какая реанимация в психиатрической больнице?! Сергея тем временем быстро переодели, забрали у меня его паспорт и страховой полис и увезли на каталке. И только тогда я почувствовал, как сильно устал и как хочу спать. Ноги гудели и подкашивались. У мамы подскочило давление.

В гостинице мы первым делом отправились в ресторан, и я заказал немного коньяка. Уже больше месяца я не прикасался к алкоголю, но тут выпил вместе с мамой, чтобы поддержать ее. Наутро мы поехали искать жилье, ведь мы не знали, сколько Сергею предстоит провести в больнице. Ясно было одно, пока он в тяжелом состоянии, мы можем пригодиться врачам в любую минуту. Мама открыла свою записную книжку, в ней нашлась целая страница знакомых, живущих в Москве. Я всегда восхищался ею общительностью, где бы она ни побывала, у нее всегда оставалось много знакомых и друзей, с которыми она затем регулярно переписывалась.

Решили остановиться у родной сестры ее иркутской подруги, живущей вместе с дочерью и внучкой в просторной трехкомнатной квартире. Я сопротивляться не стал, хотя не любил обременять кого-то. В последние годы, привыкнув к комфорту, я предпочитал останавливаться в одноместных номерах. Но сейчас пребывание в Москве могло затянуться, и рано или поздно пришлось бы решать различные бытовые проблемы. Да и денежный вопрос стоял не на последнем месте: никто не знал в тот момент, когда и сколько денег потребуется на спасение сына. Мама позвонила на работу дочери своей знакомой Ольге. Но вот наконец-то мы встретились. К нам подошла рыжеволосая невысокая женщина лет тридцати, которая по-деловому поздоровалась с мамой и сухо представилась мне.

Как выяснилось, Ольга с мамой решили поселить нас у ее отца, который давно жил отдельно от них и тоже в трехкомнатной квартире.

— Правда, — предупредила Ольга, — у него сейчас живут еще две студентки, снимают комнату, но вы сможете отлично разместиться в оставшейся комнате, папа согласен.

Я с недоумением посмотрел на маму. Она сделала вид, что все в порядке.

Отец Ольги жил в пятиэтажном кирпичном доме недалеко от Речного вокзала. Дверь нам открыл седовласый стройный мужчина неопределенного возраста.

— Игорь Николаевич, — представился он.

Шумно поприветствовав нас, он показал нам большую, почти пустую комнату, в которой стояли лишь журнальный столик, шкаф для одежды и телевизор.

— У меня есть надувной матрац, широкий, двуспальный, я его потом достану, места вам хватит. Думаю, ничего страшного в том, что мать с сыном будет спать вместе. Вы же друг другу не помешаете?

Я удивленно посмотрел на него, но из скромности промолчал.

— Конечно же поместимся, — торопливо заговорила мама и осуждающе посмотрела на меня, — все в порядке, спасибо большое.

— Ну все, папуль, — сказала Ольга, — я очень тороплюсь, ты же знаешь, мне еще нужно съездить к маме, сделать инъекцию. Все, пока.

Когда за Ольгой закрылась дверь, Игорь Николаевич тяжело вздохнул:

— Бедная дочка, совсем измоталась, каждый день после работы ездит к матери на дачу, делает ей уколы, покупает продукты. Хорошая у меня дочка, умница.

— Да, она молодец, я давно ее знаю, — согласилась моя мама. — Я приезжала в Москву года три назад, может, слышали? Здорово, что вы поддерживаете отношения со своей прежней семьей, они хорошие люди.

Наконец-то официальная часть нашего знакомства закончилась, и мы получили возможность пройти в отведённую нам комнату. Игорь Николаевич оказался гостеприимным хозяином. Он сразу же предложил нам вместе поужинать чем Бог послал. Для него наш приезд был неожиданным.

— Не страшно, — улыбнулся он. — В холодильнике чего-нибудь наскроем.

— Конечно, — поддержала мама, — мы ведь приехали с юга, из Сухума, привезли с собой овощи, фрукты, чачу, так что давайте посидим, познакомимся поближе. Может, вы когда-нибудь и к нам приедете? Или на Байкал, или на Черное море? Я недавно переехала жить в Сухум, преподаю в университете, так что будем дружить.

Я был против застолий, просто хотел поскорее лечь спать — усталость брала свое. Но ложиться было не на что, надувной матрац оставался в неизвестном мне месте, а хозяин квартиры явно был настроен на общение. Несмотря на то что Игорь Николаевич нас не ждал, у него был сварен суп, приготовлено второе блюдо, да и холодильник оказался не пустой. Выпивать я не хотел, но хо-

зяин принял что есть мочи уговаривать меня, и я в конце концов уступил. Через два часа я уже больше не мог сидеть за столом — засыпал буквально на ходу, — и я попросил показать мне, где находится надувной матрац, чтобы расстелить постель и лечь спать.

Игорь Николаевич сам достал его из шкафа, включил автоматический насос и тот быстро приобрел нужную форму. Затем он аккуратно расстелил постель, расправил каждую складку на простыне и одеяле и, пожелав мне спокойной ночи, с удовольствием вернулся на кухню. Уснул я быстро, и, как потом узнал, разговаривали они до раннего утра. Тем не менее около одиннадцати мама уже была как огурчик. Она всегда поражала меня своей способностью быстро приходить в себя, как будто вместо печени у нее было мощное устройство по переработке алкоголя. Хозяин же дома, пока мы собирались в больницу, ни разу из своей комнаты не выходил. Я даже стал беспокоиться, жив ли он, но, прислушавшись, различил его ритмичное дыхание.

БЕСКОНЕЧНЫЙ МАРАФОН

Мы приехали в больницу около двух часов дня. Она находилась в противоположном конце Москвы. Прежде всего мы зашли в приемное отделение узнать, где лежит Сергей. Но сын все еще находился в реанимации. Мы спросили у врача, как долго его там продержат, и его ответ нас озадачил:

— Столько, сколько нужно. Может, день, а может, неделю. Не исключено и ухудшение состояния, вплоть до летального. Вы ведь видели, в каком тяжеленном состоянии он к нам поступил?

— Поз-з-звольте, — в ужасе выдохнул я, — разве у него тяжелое инфекционное заболевание, инфаркт или гипертонический криз? Что значит тяжелое состояние, от которого он может умереть? Разве от расстройства психики кто-нибудь умирает? Я по образованию врач, хотя и другой специализации, но ничего подобного никогда вообще не слышал. Объясните, что вы имели в виду?

— Ну если вы врач... Что ж, это хорошо, тогда вы лучше поймете меня. У вашего сына острое состояние, кризис, чтобы из него вывести, необходимо интенсивное лечение. Лекарства в больших дозах вводятся внутривенно. И мы не знаем, какая на них будет реакция. К сожалению, полтора процента пациентов, попавших к нам в реанимацию в таком состоянии, умирают. Конечно, мы рискуем, но разве лучше ничего не делать и смотреть за тем, как молодой человек стремительно теряет человеческий облик? В этом случае он совершенно точно рано или поздно погибнет.

Слова доктора буквально ошеломили нас. У мамы на глазах появились слезы, она отозвала меня в сторонку и тихо предложила:

— Может, заберем его, если уж умрет, то пусть у нас на руках. А может, случится чудо и все у него пройдет само собой, ведь так бывает?

Она с надеждой посмотрела мне в глаза. Мысли метались у меня в голове, я был врачом и осознавал справедливость слов своего коллеги, но как отец, как любящий человек, не хотел верить в то, что только что услышал.

— Скажите, — обратился я к доктору, — чем вам можно помочь, может, купить какие-нибудь самые современные лекарства? Вы только скажите, мы найдем деньги. Он у меня единственный сын, поймите, я все готов сделать для того, чтобы он выздоровел. Ведь он может выздороветь, как вы считаете?

— По крайней мере мы для этого сделаем все, что от нас зависит. Никакие лекарства нам не нужны, у нас все есть, наша больница хорошо обеспечена. А теперь извините, мне нужно идти, кроме вашего сына, у меня еще несколько больных, за которыми необходимо постоянно наблюдать.

— Подождите, — взмолился я, — а что можно ему принести? Вот мы сейчас купили йогурт, фрукты, сыр, колбасу. Можно ему передать?

— Нет, ему сейчас ничего не надо, он без сознания, ему постоянно капают внутривенно растворы. Можете оставить только водичку, возможно, она понадобится, когда он выйдет из кризиса. Я скажу медсестре, она у вас заберет. До свидания.

Вскоре пришла медсестра, миловидная женщина средних лет. Видя наше состояние, она попыталась нас успокоить:

— Не переживайте, у нас самая лучшая больница в Москве и врачи очень хорошие. Давно уже работают. В таком состоянии, как ваш сын, к нам пациенты поступают почти каждый день, немного у нас в реанимации полежат, и их переводят в отделение для продолжения лечения. И вашего сына тоже переведут, будьте уверены.

— Но врач сказал, что он может умереть!

— Да с чего ему умирать-то? Подлечат и переведут в отделение! Бывает, конечно, и умирают, но это крайне редко, да и ваш сын уже на поправку пошел. Я уже с ним сегодня разговаривала. Лежит и лекарства принимает, даже улыбнулся мне, когда я про-

ходила. Ну давайте вашу воду, когда он сможет пить, я ему скажу, что вы приходили. Мама и папа?

— Нет, папа и бабушка.

— Ох, простите, вы так молодо выглядите, что вас можно за семейную пару принять. — Она ласково улыбнулась маме и пошла в отделение, закрыв ключом дверь.

Выйдя из здания, мы сели во дворе больницы на свободной лавочке, стоявшей возле засаженного разноцветными, благоухающими цветами газона. Мы несколько минут молчали, думая каждый о своем. Слова врача потрясли нас. Я ничего не понимал, даже все мои медицинские знания не могли помочь мне осмыслить происходящее. Реанимация в психиатрическом учреждении, сын мог умереть, даже находясь под присмотром лучших врачей в стране... А может, все это мне снится или я сам сошел с ума? А вдруг врачи нас обманывают или они на самом деле ничего не смыслящие в медицине? «Господи, что же происходит? — лихорадочно думал я. — За что ты так меня наказываешь, почему хочешь отобрать единственного сына?».

— Сынок, тебе надо срочно жениться и завести детей! — неожиданно заявила мама. — Вдруг Сергей никогда не выйдет из этой больницы или останется там на всю жизнь таким, как сейчас? Что тогда? Подумай, тебе нужно срочно найти кого-нибудь и создать семью. Ты вот что, езжай в Иркутск. Зачем нам двоим дежурить возле больницы? Ты займись своими делами, подумай о себе. Ты еще достаточно молод, заведешь новую семью, родите детей...

Все во мне противилось этим словам. Как можно рассуждать так практично, когда Сергей в опасности? Вместо того чтобы вместе подумать, что еще можно сделать для него, мама говорит какие-то глупости! Но, повернувшись к ней, я увидел, как она буквально за несколько минут постарела лет на десять. Она вся словно сжалась, на глазах превращаясь в гранитную глыбу или в атом, в каждой частице которого скрыта невероятная мощь.

Конечно же она желала мне лучшего, но согласиться с ней я не мог. В тот момент такие мысли казались мне предательством. Как

можно думать о будущем, если настоящее остановилось? Зачем пытаться сделать свою жизнь лучше, если вокруг творится самый настоящий кошмар? У меня не осталось никаких желаний, кроме одного — вернуть здоровье своему сыну, спасти его любой ценой, вытащить его из паутины безумия.

Больница стояла на пригорке. Сразу за ее забором начинался парк, в центре которого находился небольшой пруд. Мы с мамой решили прогуляться. У пруда столпилось необычно много людей. То и дело до нас долетали звуки музыки. Вокруг нас было празднество жизни: кто-то, уединившись, загорал, кто-то пил пиво, кто-то жарил шашлыки. Подойдя к пруду поближе, мы увидели небольшую сцену, на которой выступал какой-то народный ансамбль. Вскоре певцов сменили танцоры. Вокруг сцены были расположены лавки, на которых сидело много людей.

Я спросил компанию молодых ребят, что сегодня за праздник такой. Они недоумевающе посмотрели на меня и ответили:

— День города!

Артисты пели много и от души, в промежутках отпуская шутки. Вскоре мы нашли два свободных места и смогли устроиться поудобнее. Одни артисты сменяли других... разные жанры, возрасты, ритмы... Многих из них мы узнавали — видели раньше по телевизору. Было интересно и весело. На какое-то время мы даже забыли о своем горе, по крайней мере стали воспринимать его не так остро. Как будто Бог специально послал нам возможность немного душевно отдохнуть. Так, посидев около часа, мы пошли в направлении трамвайной остановки, которая находилась в противоположной части парка. Переходя дорогу, идущую от сцены к магистрали, мы остановились, пропуская легковой автомобиль, который, в свою очередь, также затормозил перед перекрестком. Я невольно бросил взгляд в салон машины и увидел одного из артистов. На коленях у него лежал парик. По лицу обильно стекал пот. Видно, нелегко ходить в сценических костюмах, особенно в жаркую погоду. Что ж, каждый зарабатывает и живет как может.

Доехали мы до «Тульской» на трамвае, прождав его минут двадцать. Когда вышли, заметили непрятливое серое кафе «Шашлычная». К этому моменту мы уже здорово проголодались и решили зайти. Это была забегаловка средней руки, в которой витал запах дешевого пива и перегара, смешанный с ароматами шашлыка и лука. Зал был полон, к барной стойке выстроилась очередь. В стеклянной витрине был представлен широкий ассортимент аппетитных на вид закусок. Меню предлагало несколько видов супов и вторых блюд. Мы решили остаться.

Заказав бутылку водки и двойной шашлык, нашли два свободных места у окна. В зале царила дружелюбная атмосфера, было видно, что люди здесь собирались небогатые, но интеллигентные. Посетители что-то шумно обсуждали, каждый за своим столиком, не обращая внимания на соседей. У меня появилось чувство, будто я уже бывал здесь раньше...

— Два двойных шашлыка! Кто заказывал два двойных шашлыка? Возьмите!

Меня как током ударило — это же мы заказывали. Шашлыки были сочные, вкусные, хотя мало напоминали блюдо кавказской кухни. Порции были немаленькие, а цены щадящие. В общем, идеальное место. Не помню, о чем мы с мамой тогда говорили, а может, просто пили горькую, но почему-то тот день мне запомнился на всю жизнь. Начавшийся так страшно, он в итоге оказался добрым и теплым, а этого мне последнее время так недоставало. Уже на выходе я осознал, что это кафе мне напомнило один лондонский паб, в котором я однажды побывал. Там также люди разных возрастов и рангов собираются после работы попить пиво, пообщаться, стать наконец-то самими собой и забыть о своих проблемах, чтобы назавтра снова вернуться к повседневной жизни. Да, точно, мы побывали в русском пабе, единственном в России, по крайней мере другого такого места я до сих пор не видел. Назавтра в больнице мы ничего нового не услышали. То же повторилось и на следующий день. Ситуация становилась неопределенной, поэтому мы пришли к выводу, что один из нас все-таки

должен уехать. Подумав, мы решили, что это будет мама, так как у нее вскоре начинались занятия в университете, где она преподавала. У меня же был более-менее свободный график, конечно, дела у меня были, но сейчас сын важнее. Главное — спаси Сергея, все остальное не имело никакого смысла.

Я проводил маму до поезда, мы сердечно прощались, не зная, чего ожидать в ближайшее время, втайне готовясь к самому худшему, но надеясь на лучшее.

— Сынок, знай, я с тобой, что бы ни случилось, крепись. Ты еще молод, у тебя все получится. В конце концов, даже при самом худшем раскладе жизнь продолжается. Верь в Бога, моли его, он поможет. Все будет хорошо.

Я крепко обнял маму, поцеловал ее и пошел прочь, не оглядываясь, чтобы она не заметила мои слезы, которые неожиданно потекли из глаз крупными каплями. Отойдя подальше, я зашел за угол какого-то здания и заплакал, громко всхлипывая. Я остался один на один со своими проблемами, моя жизнь за миг стала бессмысленной, и мне стало отчаянно жаль себя, больно на сердце и очень одиноко. Носового платка в кармане не оказалось, поэтому слезы я вытирая руками, размазывая их по лицу. Не знаю, сколько я проплакал, но мне как-то незаметно стало легче. Слезы кончились, и я подумал, что нужно зайти в туалет и помыть лицо.

Сына наконец перевели в отделение. Об этом я узнал на следующий день, когда пришел в больницу. Мне сообщили, что Сергей пошел на поправку. Я почему-то сразу не поверил, попросил медсестру позвать врача. Вышел заведующий реанимацией, темноволосый, невысокого роста, коренастый мужчина средних лет, в очках. Видно было, что он не очень доволен тем, что его оторвали от важных дел, но заговорил он спокойным, приветливым голосом:

— Вы отец Сергея? Что вы хотели узнать? Состояние вашего сына улучшилось, так что можете теперь за него не волноваться. Конечно, случай тяжелый, я бы даже сказал — запущенный, но не

он первый, не он последний. Так что можете пойти в двадцать шестое отделение и наконец повидаться с сыном.

— Как, я уже могу с ним переговорить?! Он что, уже окончательно пришел в норму?

— Да, он чувствует себя неплохо, адекватен, хочет вас увидеть.

— Меня?!

Я никак не мог поверить в чудо, которое сейчас происходило на моих глазах. Еще вчера сын лежал в реанимации, был в тяжелом состоянии, а сейчас у него все хорошо. Все это просто не укладывалось в голове.

— Большое вам спасибо за сына, я обязательно к вам еще зайду! Можно? Просто не терпится его увидеть после всего этого кошмара, вы меня понимаете?! Я не прощаюсь с вами, обязательно к вам приду, может, не сегодня, но обязательно, спасибо вам еще раз!

— Конечно, заходите, поговорим, не торопясь, лучше ближе к окончанию рабочего дня, а сейчас работы много, извините. До свидания. — И он, резко развернувшись, скрылся за дверью, которую тут же за ним закрыли.

Уточнив у медсестры, где находится Сергей, я помчался в отделение, которое было расположено в соседнем здании на четвертом этаже. Дверь оказалась заперта, но рядом я обнаружил звонок и объявление, что родственниковпускают только в определенные часы. Сейчас было не время, но, секунду поколебавшись, я все же нажал на кнопку, раздался резкий пронзительный звук. Казалось, он дошел до глубины моей души и, пройдя насквозь, распространился по всему зданию больницы. Странно, но я не услышал за дверью никакого движения, будто звук пролетел сквозь стены отделения и потерялся на улице. «Видно, строго соблюдают расписание, непускают несвоевременных посетителей, — подумал я. — Что же делать? Болтаться где-то четыре часа или все же раз попытаться?»

Я все же решил пробиться в отделение, в конце концов, все говорят, что наглость — второе счастье. Нажав несколько раз на кнопку, я стал ждать. Вскоре за дверью послышались приближа-

ющиеся шаги. Затем шумно, не с первой попытки ключ вставили в замочную скважину и дверь приотворилась. За ней я увидел миловидную женщину в белом халате, которая спросила:

— Вы к кому? У нас посещение пациентов после четырех часов.

— Да, я уже прочитал объявление на двери. Я иду из реанимации, мне сказали, что сегодня к вам перевели моего сына Сергея. Он несколько дней был в тяжелом состоянии, я хотел бы его увидеть, мне сказали, что с ним уже можно встретиться. Извините еще раз, но я иногородний, очень прошу пойти мне навстречу.

— А, да-да, перевели сегодня утром молодого человека. Мне заведующая сказала, что должен прийти его отец, велела пропустить вас и ей сообщить. Она хотела с вами переговорить, так что проходите, посидите в холле, а я сейчас его позову. Или вы сперва хотели встретиться с врачом?

— Нет-нет, спасибо. Вначале хочу увидеть сына.

— Ну ваше дело, сейчас он придет.

Она прошла в отделение, старательно заперев за собой дверь.

«Как придет, сам, что ли? — поразился я. — Ничего не понимаю, просто чудо какое-то! Неужели его уже одного отпускают или он все же придет в сопровождении санитара?»

Минут через пять дверь отворилась, и в первое мгновение мне показалось, будто передо мной предстал Христос, по какому-то недоразумению облаченный в пижаму. Это был Сергей. У него отросла щетина, он был очень худой и бледный, но глаза его свелись. Я каждой клеточкой ощущал, что сын будто заново родился. Мы крепко обнялись, обрадовавшись встрече, несколько минут ничего не говорили, просто стояли и смотрели друг на друга, наслаждаясь моментом. Когда присели на диван, Сергей спросил, глядя мне в глаза:

— Папа, а что, я правда, что ли, дурак?

Это было так неожиданно, что я растерялся:

— Почему ты так говоришь, сынок? А как ты сам думаешь, смог бы ты задать мне такой вопрос, если бы был дураком?

— Ну не знаю... Но я ведь почему-то оказался в этой больнице.

— А помнишь, как ты здесь очутился, что до этого было?

— Очень смутно. По-моему, вы с бабушкой меня привезли сюда и оставили.

— А как в реанимации лежал, помнишь?

— В реанимации? Так это была реанимация? Я действительно лежал где-то под капельницами, абсолютно голый, несколько раз умирал...

— Что ты такое говоришь! Как это могло быть?! Наверное, ты что-то неправильно понял.

— Нет, я действительно несколько раз умирал, а потом оживал, так врачи говорили.

— Ну и ладно, главное, что ты выжил и теперь мы вместе. Я так рад этому, ты и представить себе не можешь! Мы ведь все за тебя переживали, но теперь все хорошо, все будет хорошо.

— А где бабушка, почему она не пришла?

— Она уехала, скоро ведь начнутся занятия в университете. Да и зачем нам вдвоем было сидеть в Москве? Мы не знали, сколько дней ты будешь находиться в реанимации. Но Сухум находится близко, если что, она всегда сможет к тебе приехать, или мы с тобой, когда тебя выпишут, поедем к ней в гости.

— Нет, в Сухум я больше не поеду. Там я заболел, не хочуозвращаться туда.

— Не хочешь — и не надо. Я и сам думаю, что мы теперь будем жить вместе, хватит уже экспериментировать. Ты как, не против?

— Нет, я думаю так же, хочу жить у тебя. И твою фамилию Добронравов хочу взять.

— Ну вот и отлично! А как ты вообще себя сейчас чувствуешь?

— Слабость ощущаю, хочется спать, а так нормально.

— Очень рад это слышать, спасибо врачам. Видишь, нам повезло, попали в хорошую больницу, говорят, самую лучшую в Москве, так что все будет хорошо. Ну что, сейчас ты иди в палату, а я переговорю с твоим лечащим врачом и потом снова к тебе приду, ладно? Подумай, что тебе принести завтра, а сейчас я, кро-

ме воды и соков, ничего не взял, думал, что ты еще в реанимации. Но, слава богу, ты пошел на поправку, все остальное приложится.

Я обнял сына и потом долго его не отпускал. Он, самый родной мне человек, снова стал красивым юношей. В глазах его светилась жизнь, и все говорило о том, что теперь наши проблемы ушли в прошлое. На душе стало легко и радостно.

Сергей пошел к себе в палату, а я в сопровождении санитара направился по коридору в ординаторскую. По дороге я внимательно разглядывал окружающих меня больных. Окна в палаты закрывали толстые металлические решетки, но на дверях их не было. В коридоре повсюду стояли горшки с ухоженными растениями, было очень чисто. Как позже я выяснил, в отделении даже устроили комнату отдыха, где можно было посмотреть телевизор и поиграть на пианино. Раз в неделю больным, которым здоровье позволяло, устраивали дискотеку или литературно-музыкальные вечера. В больнице была собственная оранжерея, где пациенты по желанию и с разрешения врачей могли каждый день работать, некоторым разрешалось свободно гулять по большой больничной территории.

Заведующей оказалась женщина, которая первая осматривала Сергея в приемном отделении. Это была очень живая и обаятельная блондинка невысокого роста, большеглазая. Она дружелюбно улыбнулась, когда приветствовала меня:

— Ну что, повидали сына, как он?

— Нет слов, я просто в восторге! Просто небо и земля, что было и что стало. Как хорошо, что я его привез сюда, спасибо вам большое! Даже подумать страшно, что было бы, если бы он остался в Абхазии.

— Да, как раз об этом я хочу с вами поговорить. С чего все началось, когда вы впервые заметили отклонения в состоянии сына, были ли среди родственников у вас или вашей жены психические больные?

Я опять подробно рассказал все, что знал, и она записала мои слова в историю болезни. После окончания беседы я попросил разрешить посещать сына не по расписанию:

— Вы ведь знаете, я иногородний, скоро мне нужно будет на время слетать в Иркутск, уладить свои дела, ведь я уже больше месяца как уехал. Поэтому хотелось бы сейчас побольше пообщаться с сыном, может, иногда два раза в день. Разрешите, пожалуйста.

— Конечно, нет проблем. Я сообщу всем врачам и санитарам, чтобы вас в порядке исключения пропускали в отделение всегда, когда вы придете.

— А как долго еще сын должен находиться в больнице? Я хочу спланировать свой отъезд.

— Пока сложно сказать, необходимо понаблюдать за ним. Обычно это занимает месяц-полтора. Ваш сын поступил к нам в очень тяжелом состоянии, поэтому ему, возможно, потребуется чуть больше времени.

— Все ясно, спасибо большое. Счастливо вам отдохнуть на выходных!

— Я завтра буду на работе до трех часов. Ведь по субботам у нас по расписанию встреча врачей с родственниками пациентов, так что, если у вас будут какие-то вопросы, приходите.

Я вышел от врача в прекрасном настроении. У меня не осталось сомнений, что сын попал в надежные руки, к хорошим специалистам и теперь все будет хорошо. Перед уходом я заглянул в палату Сергея, но он уснул, не дождавшись меня. «Конечно, — подумал я, — он ослаб. Еще бы, такое пережить! Пусть отдыхает, ведь завтра я приду снова, и мы, не торопясь, все обсудим. До встречи, сынок!» Я мысленно поцеловал его в щеку и пошел прочь, радуясь солнцу, небу, да вообще всему, что встречал на пути. Жизнь прекрасна!

Назавтра я купил питьевой йогурт, курицу гриль, печень трески, бананы и картофель фри. Сергей сильно похудел, последнее время практически ничего не ел. От проходной до отделения нужно было идти в гору минут десять — пятнадцать, так что я изрядно устал. В выходные и праздничные дни родственников пропу-

скали и до обеда. В прихожей отделения повсюду сидели люди с пакетами. Кто-то из них переобувался, чтобы пройти в столовую, где разрешали свидание с больными, там их можно было покормить. Кто-то ожидал врача, кто-то уже собирался домой, было шумно. Я дождался санитара и попросил пригласить Сергея. Прошло минут пять, но сын не появился. Я снова попросил проходящего мимо врача, но ничего не изменилось. А через какое-то время открылась боковая дверь, и в холл вышла заведующая. Найдя меня глазами, она решительно направилась в мою сторону.

— Здравствуйте, к сожалению, не могу вас сегодня порадовать. Ночью вашего сына экстренно перевели в реанимацию. Так бывает. Очень редко, но бывает. Уже через несколько часов, как мы назначили ему терапию, его состояние резко ухудшилось, поэтому дежурный врач принял решение не оставлять его на ночь в отделении. Так что узнавайте теперь про него там, где он до этого лежал. К сожалению, больше ничего не могу вам сказать. Извините, сейчас меня ждут родственники наших пациентов, которые в силу разных причин бывают здесь не часто.

Она достала ключ из кармана халата, открыла дверь, через которую недавно вышла, и стремительно покинула холл. Я стоял как громом пораженный. Вчера еще все было хорошо, а сегодня все резко изменилось... Но почему?! Какая непереносимость лекарств, если его с их помощью и вывели из тяжелого состояния. Зачем тогда было назначать другие, если помогли те? На негнущихся ногах я спустился по лестнице и медленно побрел к реанимации.

«Боже, помоги! — думал я. — Накажи лучше меня, но дай силы и здоровье сыну, вдохни в меня надежду! Прости меня, если я был неправ перед тобой, может, согрешил когда, нарушая твои заповеди, но не со зла и не из корысти, а по недоразумению. Ведь я искренне старался нести добро людям, уважал старших, помогал слабым, почитал родителей своих, всегда верил в тебя, Боже! Так за что же ты наказываешь меня таким образом, за что?!»

Я посмотрел на небо в надежде увидеть знак Божий, который направил бы меня по нужному пути. Но, увы, ничего необычного

я не обнаружил. На голубом небе одиноко проплывали небольшие облачка, высоко кружили ласточки. Дул легкий ветерок, немного раскачивая верхушки деревьев. Мимо пролетали разноцветные бабочки, соревнуясь красотой с цветами на газонах. Все было обычно, как и вчера, и позавчера. Никакого знака. А может, все это и есть знак? Все было в этом мире так до нас, все будет так и после нас. Жизнь прекрасна сама по себе, со всеми своими плюсами и минусами, которые уравновешивают друг друга. Может быть, страдания посланы мне свыше, чтобы я вернулся в настоящее, к своим житейским заботам, а не жил только ожиданием будущего, потеряв ощущение здесь и сейчас? Ведь в последние годы я постоянно стремился к личному успеху а, по сути, так ли важно все это для личного счастья? Не важнее ли любовь сына, полноценная семья, общение с родителями, духовный рост?

Не могу утверждать, что именно тогда я иначе взглянул на жизнь, но тот день явно что-то изменил в моем мироощущении. Я вдруг успокоился, настроился на длительный марафон испытаний, уготованный мне судьбой, намереваясь пройти его достойно, без возмущения и эмоциональных взрывов, смиренно приняв все, что мне предстоит испытать.

В реанимации ко мне вышел незнакомый врач, он рассказал, что вчера дежурил в отделении, временно заменяя своего коллегу, отправившегося в отпуск. Он привык иметь дело с тяжелобольными и сразу при вечернем обходе понял, что лучше Сергея перевести в реанимацию, где ему помочь проще.

— Сейчас ваш сын находится в бессознательном состоянии, ему интенсивно внутривенно вводятся лекарства, поэтому ни о какой встрече с ним говорить не приходится. Естественно, он ничего есть не может, поэтому и продукты ему пока не понадобятся.

— А как вы считаете, надолго он к вам поступил? Ведь он уже лежал в реанимации. Тогда вы его вывели из тяжелого состояния?

— Тогда было легче. Одно могу сказать, очень плохо, что он снова попал сюда. Каждый кризис разрушает психику, постепен-

но меняя ее необратимо, это как рубцы на коже после пореза. Постарайтесь больше не допускать подобного, это ни к чему хорошему не приведет.

— Но как, что я должен сделать?! Чем сейчас могу помочь, как облегчить состояние сына? Вы скажите откровенно, я ведь понимаю, есть врачебная этика, в нашей стране медперсоналу нельзя признаваться в дефиците чего-то, ведь государство якобы всем обеспечивает сполна. Но я тоже врач, я знаю, как это бывает, особенно после злополучной перестройки. Скажите мне откровенно, что нужно, я все сделаю, ведь он у меня единственный ребенок, больше никого нет, понимаете?

— Да, конечно, понимаю. Но нам правда ничего не нужно. Надейтесь на лучшее, а мы все сделаем, чтобы вывести его из теперешнего состояния, но как врач вы должны понимать, что возможен и другой исход, в том числе и летальный. Так получилось, что организм вашего сына принимает не все лекарства. На это есть несколько причин: и аллергия, и отсутствие определенных ферментов, и органические изменения в мозге... Да много всего. В отделении ему назначили стандартные лекарства, которые в большинстве случаев эффективно помогают больным с его патологией. Но в его случае произошла осечка, так бывает, редко, но бывает. И никто заранее не может предугадать, как организм отреагирует. На маленькой дозе все было нормально, но с ее увеличением все резко изменилось, я как раз делал обход в палате. Мы своевременно заметили это и оказали вашему сыну помощь. Теперь все зависит от его организма и нашей работы. Звоните, когда захотите, нет проблем.

Достав из кармана записную книжку, он вырвал из нее листок и быстро записал несколько телефонных номеров.

— Это номер заведующего, вы с ним, как я слышал, уже знакомы. Это номер ординаторской и номер поста медицинской сестры. До свидания.

Достав из кармана ключ, напоминавший больше отмычку, он открыл дверь в отделение и удалился.

Уходить не хотелось. Я присел в прихожей на мягкую скамейку, прижался спиной к стене. Очевидно, потрясения последних дней забрали у меня все силы, я не заметил, как отключился, погрузившись в дрему. Перед глазами мелькали, сменяя друг друга, картины моря, моего детства, разговоры с академиком, события давно минувших лет. Но почти везде присутствовали Сергей и моя мама, с которыми я то обнимался, то спорил, то плакал.

— Мужчина! Эй, мужчина!

Я открыл глаза. Рядом со мной стояла полная пожилая женщина в голубом халате, в руках она сжимала швабру. Лицо у нее было круглое, с выступающими скулами и слегка обвисшими щеками. Я не сразу понял, где нахожусь, и вздрогнул от пришедшей на ум мысли, что это меня положили лечиться. Женщина, поймав мой взгляд, улыбнулась:

— Я уж подумала, не плохо ли вам, то ли сознание потеряли, то ли спите. Когда постанывать стали, я решилась подойти. Ну, слава богу, все хорошо. Что вы так расстраиваетесь, кто-то из родственников находится у нас?

Я наконец-то осознал, что просто задремал.

— Да, мой сын, может, вы его знаете, его сегодня ночью перевели из отделения, а до этого он несколько дней пролежал у вас. Вот принес ему продукты... Он очень похудел за последние дни, а оказалось, что они ему не нужны. А может, и вообще не пригодятся... — Последнюю фразу я сказал, погружаясь в свои мысли, очень тихо, но она расслышала.

— Что вы такое говорите, разве ж так можно?! Будьте уверены, у нас врачи хорошие, не таких спасали. Как вашего сына зовут? Я, как только ему станет можно, покормлю его, если надо и с ложечки. У нас, конечно, не самая лучшая еда, но все рассчитано, больным хватает, так что будьте спокойны.

— Спасибо вам за все, за желание помочь моему сыну, за добрые слова и поддержку, мне ее так сейчас не хватает. Знаете что, возьмите все продукты, которые я принес, мне их все равно девать некуда, не домой же их везти. Да и дома-то у меня здесь нет,

я приезжий, из Сибири, живу у знакомых на другом конце города. А вам еще работать целые сутки, и врачам, наверное, несладко приходится. А если сыну, его зовут Сергей, станет легче, напоите его, пожалуйста, водой, он много жидкости потерял, совсем худой стал, бедный мой мальчик. Да и не обессудьте, возьмите немного денег, вдруг ему станет лучше, а я вовремя не приеду и не смогу его накормить.

Я быстро достал из кармана деньги, сунул их вместе с пакетами ей в руки и вышел из отделения. Моя жизнь опять круто переменилась, на душе скребли кошки, хотелось забыться хоть на некоторое время и отдаться на волю Бога. Теперь я уже ничего не мог изменить, Сергей был предоставлен врачам и своей судьбе. Раз Бог создал такую ситуацию, значит, ему зачем-то это нужно.

Я остановил такси и доехал до метро «Тульская», дошел до той самой шашлычной и открыл дверь. Меня тут же окутали ароматы «паба», с его крепкими напитками и дешевым пивом под душистое мясо и простые закуски. И я понял, что именно здесь живет широкая и бесконечно добрая русская душа...

ОТЦЫ И ДЕТИ

Пришел домой я поздно. Открывая дверь ключом, который мне выдал Игорь Николаевич, я услышал ворчание. Войдя в квартиру, я тут же натолкнулся на хозяина, который отчитал меня за то, что я не сообщил, где нахожусь:

— Твоя мама звонила несколько раз, спрашивала, где ты. А я что ей мог сказать, ты ведь ничего мне не говоришь. У тебя что, сотовый сломался? Позвони ей, она сильно переживает, не случилось ли что с тобой.

— Да что со мной может случиться? Я ведь взрослый... и времени всего одиннадцать. Ладно, позовоню.

— Как твой сын, стало лучше? Ты вчера радостный пришел, я ей так и сказал, что дела идут хорошо, поправляется ваш внук. Правильно?

Я утвердительно кивнул. Продолжать разговор было выше моих сил. Я изрядно выпил, хотелось поскорее упасть на свой резиновый матрац и уснуть. Но не тут-то было.

— Давай садись ужинать, я специально сегодня сходил на рынок, купил курицу. Ты ведь целый день где-то пропадаешь, голодный, наверное. Я и бутылку водки купил. Давай умывайся, я пока погрею суп, порежу хлеб. Посидим поговорим, мне тут посоветоваться с тобой надо.

Я пошел мыть руки. Когда вернулся, стол уже был накрыт. На скатерти стояли две пузатые рюмки, которые больше подходили для вина. «Да черт с ними, какая разница!» — подумал я.

— Я ведь, знаешь, женат был дважды, — начал разговор Игорь Николаевич. — От первого брака у меня осталась дочь, которая вас и привезла ко мне. Я любил ее мать, Галку. Когда мы пожени-

лись, у нас ничего не было, поэтому поселились у моих родителей, а они тогда жили в двухкомнатной квартире, развернуться было негде. А когда родилась дочь, так совсем тесно стало. В это время Галкина мать стала капать ей на мозги: муж твой, мол, ничего не может и с ним лучше не жить, а надо поскорее развестись и уйти от него. Так продолжалось несколько лет. Ну скажи, разве все сразу получается? В те времена многие так жили, и ничего. В конце концов у нас бы все устроилось! Я хорошую работу имел, я ведь электронщик, одним из первых компьютерами в стране стал заниматься, ездил по командировкам, всякие там АСУ в разных городах монтировал и настраивал. Короче, ценили меня. Так нет, Галка не вытерпела — ушла от меня к своей матери и дочку забрала с собой. Не думай, я дочь не бросил, все время помогал ей, даже в институт медицинский поступить, а потом на работу устроиться. Я ведь тогда уже в московской мэрии работал. Да и с Галкой отношения всегда поддерживал и помогал ей по хозяйству. Она сама-то ни на что не способна, лишний раз посуду не помоет, не говоря уж о большем. Когда мы с ней жили, я чаще ее готовил и убирал, или моя мама это делала. Ты был у них на даче, видел забор? Так вот, я недавно и забор им новый сколотил, и хозяйственные постройки подновил, так что у нас установились нормальные отношения, правда, не сразу, а когда ее мать умерла.

Ну что было делать, не жить же одному. Я познакомился на работе с одной молодой женщиной, лет на пятнадцать меня младше. Долго мы с ней не тянули, почти сразу же решили расписаться и жить вместе. Она была из Подмосковья, сам знаешь, московская прописка многое значит. Через год она родила мне сына. В то время мои родители умерли, а моя тетка, воспитавшая меня — мама-то моя была артистка, часто на гастроли ездила, — предложила поменять две квартиры на одну — трехкомнатную, где мы сейчас с тобой и разговариваем. У нее ни семьи, ни детей не было, поэтому-то она и хотела жить со мной, родным человеком. Ну мы посоветовались с женой и решили, что и нам так будет удобнее. Но стоило нам съехаться, тут же начались проблемы. Я уже гово-

рил, что часто по работе ездил в командировки. Так вот, приезжаю я как-то, жена стол накрывает, а тетку мою не зовет. Я потом выяснил, что так всегда было, когда я уезжал. Оказалось, что тетка, которая нам подарила свою квартиру, голодала! Представляешь себе?! Что, у нас есть было нечего?! Нет, я всегда полный холодильник набивал продуктами, на всех хватило бы. В Москве же знаешь, какое обеспечение раньше было, все дешево и в широком ассортименте.

Тогда поругались, конечно, я тетку за стол посадил. А потом пошло-поехало, собачились снова и снова. Да тут еще теща вмешалась, заявила, что я, мол, выбрать должен, кто мне дороже, жена с сыном или старая тетка. Ну что за твари эти бабы, которые мешают жить своим детям?! Короче, мы развелись. Но своего сына я не бросил, помогал ему учиться, постоянно покупал вещи, оплачивал институт. Даже прописал в свою квартиру. Сам настоял и жену бывшую убедил, да и опять же прописка московская для него была важна. Ты ведь знаешь, что за коммунальные услуги мы платим согласно числу лиц, прописанных в квартире. Не проживающих, а прописанных! Ну я несколько лет платил за него и за себя, то есть в двойном размере. Пока он учился, я терпел. Но сейчас-то ему двадцать пять, он работает, получает около тридцати тысяч в месяц, мог бы сам за себя платить, квартира-то все равно ему достанется после моей смерти. И мне бы немного помог, жизнь мою облегчил.

Я раз ему предложил, два — он ни в какую. Тогда я пошел в домоуправление, чтобы выписать его, пенсия-то у меня маленькая, всего двенадцать с половиной тысяч. А там сказали, что его можно выписать только через суд. Прописать в мою квартиру можно было без суда, а выписать через суд. Что за законы у нас в стране такие!?

Ну я и подал в суд, чтобы его выписали, нанял адвоката, женщину вроде приличную на вид. А мой сын в суд на протяжении года ни разу не явился. Сейчас-то я знаю, что можно было и без него рассмотреть дело, но моя юристка почему-то все время про-

сила отложить заседание, раз ответчика нет, мол, лучше с ним вместе рассмотреть. Я ей тогда верил, хотя теперь-то понимаю, что ее явно купили. А когда суд состоялся, то выяснилось, что мой сын, а скорее его мать тоже наняли адвоката, который выдвинул встречный иск о разделе моей квартиры. Ты представляешь, мой сын, которому я постоянно помогал, которого выучил и спасал, когда он попадал в сложные ситуации — он пил раньше, — подал на меня в суд. Сын на отца, где же это видано! Ведь и так бы ему все досталось после моей смерти, так дайте мне пожить последние годы свободно, для себя, я ведь всю жизнь на них положил! Сколько мне осталось-то, почти все мои друзья уже умерли, мне ведь семьдесят пять уже. Что же делается-то у нас, кто такие законы придумывает, чтобы последнее у родителей по закону забирать можно было?

Короче, неделю назад суд принял решение забрать у меня половину квартиры в пользу сына. Куда же мне теперь жаловаться идти, к президенту, что ли? Да и поможет ли он? Навряд ли. Вот такая она, моя жизнь, и что будет дальше — не знаю. Конечно, я переговорил со своими друзьями, они обещали помочь и с моим адвокатом разобраться. Да и я сам все равно ее так не оставлю. Я уж управу найду, на всех найду! Но ты вот скажи, как мой сын смог на отцово добро покуситься? Мать, наверное, настропалила. Не верю я, чтобы он сам так поступил, ведь когда он учился, жил у меня несколько лет. Я и кормил его, и одевал. Неужели вот так все враз и забыл? Ты сейчас тоже стараешься все для сына сделать, я вижу. Но смотри, выздоровеет он и подаст на тебя в суд, как мой сын. И отберет последнее...

Я слушал его и думал, что действительно в жизни часто получается так, что родители готовы все сделать, последнее отдать, лишь бы детям хорошо было, а они вырастают и садятся родителям на шею, иногда даже руку на них поднимают. И, как правило, чем больше детям потакаешь, чем больше даешь, тем более капризными и требовательными они становятся. Мое детство прошло в бедности, а вот друзья мои, наоборот, жили в достатке. Об-

щаясь с ними, я постоянно стеснялся, так много как они не мог себе позволить, донашивал одежду, доставшуюся от старшего брата, у меня было очень мало игрушек. В юности не было денег на модную одежду, походы по ресторанам, подарки девушкам.

Каждые выходные с родителями, в основном с мамой, мы ездили кататься на лыжах или на коньках или шли в лес за грибами-ягодами, а иногда в театр или музей. Зато во мне сформировались другие ценности, и хоть я всегда стремился вырваться из бедности и стать материально независимым, погоня за деньгами не стала моей самоцелью. К деньгам я всегда относился лишь как к средству, с помощью которого можно было более широко и глубоко приобщиться к культуре, заниматься спортом, путешествовать и познавать новое. Не знаю, что именно повлияло больше всего на мое отношение к жизни, гены или скромный достаток семьи, не позволявший удовлетворять все мои прихоти, но вышло так, как вышло. А вот мой старший брат, хотя и воспитывался так же, как я, вырос совершенно другим. В детстве он без особого желания участвовал в семейных мероприятиях. С возрастом он стал просить родителей отдавать ему деньги, которые они бы потратили на его путешествия, или просил покупать ему вещи и технику. Материальный подход, проявившийся однажды, уже не отпускал его. Так и сформировалась личность старшего брата. Поэтому ничего удивительного, что с возрастом, уже создав свои семьи, мы постепенно свели общение на нет.

А что стало с моими друзьями? Почти половина из них попали в тюрьму, многие спились, несколько уже умерли. Только один-два из десяти нашли себя и состоялись как личности, создали крепкие семьи, хотя и на основе взаимной выгоды. Как же все-таки материальное нас разворачивает! Однажды вкусив безбедной жизни, мало кто может отказаться от нее во имя чего-то высшего. Нет, я вовсе не за то, чтобы все оставить как есть, наоборот, считаю, что каждый из нас должен, повзрослев, сделать максимально все, чтобы обрести материальную независимость. Но важно понять: если баловать детей безмерно, они быстро становятся эго-

истичными, и с этим уже ничего нельзя сделать. А некоторые и вовсе превращаются в настоящих хищников, пираний и пиявок, которые рано или поздно высосут все соки из своих родителей и в итоге сократят годы их жизни. Большое влияние на детей оказывают и отношения их родителей, которые подчас бывают не менее драматичны, особенно когда дело доходит до развода и деления имущества. Нередки случаи, когда некогда любящие люди готовы убить друг друга, и из-за чего — из-за вещей. Неужели жадность заложена в человеке природой? Тогда почему же не у всех она проявляется?

Я, наоборот, всегда старался помочь не только сыну, но и своим родителям, ничего не прося взамен. Лучший кусок, в независимости от того, с кем делю трапезу, оставляю другому. Мне проще отдать свое, чем взять чужое. И не думаю, что дело здесь в том, что в жизни я ни в чем не нуждался. Нуждался, и еще как. Да и каким бы богатым человек ни был, у него всегда есть то, о чем он мечтает, что хочет прибрать к рукам. Но меня такие мысли не посещают, почему же они беспокоят других? А чем, собственно, я отличаюсь от остальных людей? Может быть, нежеланием причинить вред, унизить и оскорбить? А может, какой-то особой чувствительностью, ведь с детства я принимал боль других близко к сердцу? Или это эгоистичное желание оставить по себе добрую память? Или я и правда верю в Бога, в высшую силу, которая всегда начеку и говорит с тобой посредством твоей совести? Может, я просто боюсь наказания? Не знаю, но нередко я ощущаю себя человеком, не вписывающимся в систему общих координат, что создает мне трудности в повседневной жизни.

Слушая печальную историю Игоря Николаевича, я подумал: мне бы такую проблему, я бы с удовольствием поменялся с ним местами. Что может быть дороже здоровья твоего ребенка, сына, продолжателя рода и фамилии? Лишь бы выздоровел, а там разберемся. Но он, бедный, лежит на больничной койке уже не первый день, абсолютно голый, страдающий, ничего не понимающий, а его организм отчаянно пытается выжить. Тяжело моему

собеседнику, очень тяжело, но мне еще тяжелее, думал я. Невозможно, немыслимо быть врачом, видеть, как твой сын погибает, и ничего не делать. Хотелось заорать что есть мочи: Господи, да что же это такое?! Но из уст вылетело другое:

— Наливайте, Игорь Николаевич!

Воистину справедливо Тютчев написал: «Мысль изреченная есть ложь». Хозяин из холодильника достал вторую бутылку водки, которую мы тоже допили до дна, проговорив до трех часов ночи. Я не помню, как дошел до своей резиновой кровати.

И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ!

Проснулся я с ясной головой, хотя и достаточно поздно, около одиннадцати утра. Умывшись, сразу позвонил в реанимацию. Взял трубку заведующий, который сразу же узнал меня по голосу:

— Да, здравствуйте. К сожалению, ничего хорошего вам сказать не можем, состояние вашего сына по-прежнему тяжелое, делаем все что можем. Позвоните ближе к вечеру, может, что-то изменится.

Но и вечером все осталось без изменений. Пить водку уже не хотелось. Я быстро собрался и вышел из дома на улицу. Небо затягивалось темно-серыми тучами, дул приятный освежающий ветерок. Самое время для бани. Я спустился в метро, проехал до станции «Театральная», вышел из подземки на Театральной площади. Небо уже совсем затянуло. Быстрым шагом пошел в сторону Сандуновских бань, минуя Большой театр, ЦУМ, кафе «Елки-палки» на Неглинной. Остановившись у киоска, купил бутылку пива и полуторалитровую бутылку минеральной воды. Сработала привычка бедной юности, когда я экономил деньги в бане, уж слишком дорого там все было.

Когда я бываю в Москве, всегда хожу в Сандуны, и только в баню самого низкого разряда. Но не для того, чтобы сэкономить, а потому, что парная там самая лучшая. Я побывал в разных банях во множестве городов России и многих стран мира, но нигде не нашел ничего подобного. Причем более дорогие парные в тех же Сандунах ни в какое сравнение с этой не шли.

«Заварив» веник, отправился в парную. Компания собравшихся здесь мужиков только что хорошо поддала пару, добавив какую-то травку, и воздух был ароматен и свеж. Дышалось невероятно легко, хотя жара хватало. Я стал с наслаждением вдыхать

пар, быстро расслабляясь. Залез в купель с ледяной водой, затем встал под холодный душ, который уже воспринимался телом как чуть теплая вода. Взял распарившийся веник и отдался полностью всепоглощающему удовольствию в самой лучшей парной в мире!

Позвонил в реанимацию из Сандунов — в больнице все было по-прежнему. Нервное напряжение росло и я понимал, что рано или поздно оно прорвется наружу. Почти каждый день звонила мама из Сухума, спрашивала, как дела у Сергея. Что я ей мог сказать? Конечно же врал, что все хорошо и Сергей идет на поправку.

Однажды мне приснился сон, который, по-видимому, стал результатом моих переживаний. События разворачивались в Кащенко. Я вроде как пришел в больницу в понедельник, который в реальности еще не наступил. В коридоре я встретил врача. Он мне сообщил, что у Сергея все нормально, он практически полностью пришел в себя, можно сказать, вылечился, правда, немного пополнел. Я прохожу в палату и встречаю в коридоре молодого полного человека, который одновременно похож и непохож на моего сына. Черты лица его расплывались, и я никак не мог уловить их. И тут я с ужасом понял, что у сына нет правой руки! Я кинулся к врачам с расспросами, и те ответили, что была инфекция и руку пришлось удалить. «Ведь и так можно жить!» — утишили они меня.

И я с ними согласился, вспомнил, что многие инвалиды действительно устраивают свою жизнь, и даже весьма неплохо. Я тут же начал думать, как помочь сыну. Все просто — надо его женить! Во сне я начал размышлять обо всех подробностях плана, постепенно успокоился, и во мне зародилась уверенность, что жизнь наладится. Обычно я забываю сны, но этот после пробуждения так и стоял перед глазами. Я не хотел его забывать и мыслями постоянно возвращался к увиденному. Может, это Божий знак мне, что все будет хорошо, знак надежды?

На четвертый день, в очередной раз услышав, что пока порадовать меня нечем, я не выдержал, нагрубил ответившему мне по

телефону врачу и потребовал немедленной встречи с заведующим реанимацией.

Врач, с которым я разговаривал, сказал, что заведующий сейчас находится на какой-то конференции, будет только после обеда, и посоветовал приехать мне часа в два-три, что я и сделал. Заведующий уже ждал меня — видно, ему сообщили о моем звонке. Вид у него был решительный, так мне показалось, но встретил он меня приветливо, даже улыбнулся, узнав. Не дожидаясь моих вопросов, сам начал разговор:

— Я только что был у вашего сына. Состояние тяжелое, но можно уже с уверенностью сказать, что нам удалось остановить процесс. К сожалению, мы вынуждены были использовать максимальные дозы препаратов, и все могло кончиться плохо, очень плохо. Но теперь стали уменьшать количество лекарств, и состояние вашего сына остается ровным. Уверен, скоро вы с ним сможете встретиться.

— Но скажите, как это возможно? Я не могу понять, что происходит. У сына психическое расстройство, согласен. Но причем здесь реанимация, какие лекарства вы ему вводите, да еще максимальные дозировки?

— Объясню в общих чертах: мы даем те препараты, которые могут в значительной степени улучшить его состояние. Используем при этом самые последние достижения науки, в том числе и наши собственные разработки. Я скоро буду защищать докторскую диссертацию, в которой подробно опишу весь процесс, так что вы можете с ней ознакомиться. А пока скажу так: все, что мы сделали, привело к тому, что скоро ваш сын выйдет из кризиса и вы сможете с ним общаться.

— Послушайте, я сам занимался наукой, защищал диссертацию и применял самые современные лекарства в своей работе, про которые мало кто слышал в нашей стране. Поэтому я все, что вы сказали, могу понять. Одного я не понимаю, хоть мы ранее и разговаривали с вами на эту тему, как психическое расстройство можно лечить в реанимации? Я вообще впервые слышу

о том, что при лечебных учреждениях, подобных вашему, есть реанимация. Да, и еще, каким образом больные из обычного отделения попадают в реанимацию? Если у сына была аллергия на введенный препарат, это я могу еще понять. Но что еще? Я уже совсем запутался.

— Да, реанимация впервые появилась именно в нашей больнице. Я уже говорил, что иногда наши больные умирают. Наши препараты, как и все, имеют побочные эффекты, которые для некоторых пациентов становятся фатальными. Кроме того, у некоторых больных вообще отмечается непереносимость тех или иных лекарств, которая может проявляться не сразу, как у вашего сына, а в процессе увеличения дозировок, тогда и последствия возникают более тяжелые и устраниТЬ их значительно тяжелее. Главное, что мы остановили негативное воздействие примененного препарата, не дали разрушить компенсаторные функции организма, а, наоборот, мобилизовали их для восстановления. Теперь, хоть ваш сын по-прежнему в тяжелом состоянии, я могу заверить вас в том, что он скоро вернется в свое отделение.

— Но когда это произойдет? Он и так находится у вас уже четверо суток!

— Не знаю, может, сегодня, может, завтра, а может, через несколько дней. Главное, это произойдет совершенно точно. Вчера я бы вам этого пообещать еще не смог.

На этом мы и расстались. Что мне оставалось делать, только в очередной раз поверить врачебному слову. Стало ли мне что-то более-менее ясно в отношении состояния сына? Нет, не стало. Понял ли я объяснения заведующего? Напротив, стал понимать еще меньше. Но главное было достигнуто, я успокоился. Кризис остался позади, и я стал ждать развязки.

Сергея перевели в отделение на следующий день. Об этом я узнал, позвонив утром в реанимацию. Я опять набрал разных продуктов, взял такси и помчался в больницу. Несмотря на то что я торопился, как только мог, приехал только к обеду, точнее, уже

после него, когда наступил тихий час и медперсонал посоветовал не будить сына, который и без того был изрядно вымочен. Я попросился на прием к заведующей отделением, меня проводили в ординаторскую:

— Скажите, что вы теперь намерены делать, как лечить моего сына? В прошлый раз все вроде было хорошо, а затем Сергей опять попал в реанимацию. Это не может повториться?

— Утверждать я ничего не могу, все возможно. Это в большей степени зависит не от нас, а от вашего сына, его организма, ведь именно он не перенес классические лекарства, которые другие наши пациенты принимают длительно и без каких-либо отрицательных последствий. Но некоторые больные — их, к счастью, немного — негативно на них реагируют, а еще меньше не переносят вообще. В последнюю категорию и попал ваш сын. Обычно в начале лечения мы используем ударные дозы, купирируем приступ, затем добиваемся устранения всех проявлений заболевания, после чего начинаем медленно снижать количество препарата, пока не определим минимальную поддерживающую дозу, пригодную для постоянного приема. В отношении же вашего сына мы попробуем применить самые современные альтернативные препараты. Но начнем, наоборот, с крайне малых доз, понаблюдаем за ним и потихонечку станем увеличивать дозировку. К сожалению, лечение в этом случае будет идти медленнее, что может в будущем негативно отразиться на состоянии его здоровья, так как, чем раньше купировать острое состояние, тем меньше будет последствий. Но у нас нет другого выхода, мы станем двигаться медленно, но верно. Иначе он может вновь попасть в реанимацию, а это еще хуже, чем медленное выздоровление. Вот такую тактику в лечении вашего сына мы планируем применить.

— А какой препарат вы хотите использовать? Может, вам покажется, что я лезу не в свое дело или не доверяю вам, но это не так. Я уже говорил вам, что сам врач, бывший научный работник. Если я буду лучше понимать происходящее, то смогу помочь. Как мне представляется, в случае положительного исхода сыну придется

постоянно принимать лекарства, которые имеют побочные эффекты, но устраниют определенные симптомы заболевания. Мы с ним живем вдвоем, поэтому лучше мне заранее подготовиться, так сказать, пройти курс молодого бойца, чем потом в спешном порядке пытаться решить какую-то серьезную проблему.

— Да, конечно, я вас понимаю. Пока мы еще думаем, какой препарат назначить.

— А вы не могли бы дать мне книгу по психиатрии, может, чтобы я ознакомился с заболеванием сына и методами его лечения. Может, у вас здесь есть подходящая?

— К сожалению, у нас нет лишних книг. А те, что есть, мы постоянно используем в своей работе.

— Хорошо, все равно спасибо. А мне можно повидаться с сыном?

— Да, конечно, я сейчас попрошу санитара, чтобы его пригласили. Подождите в холле.

Через некоторое время я услышал за дверью медленные шаркающие шаги. Раздался уже хорошо знакомый мне звон откравающегося замка, дверь отворилась, вошел санитар, за которым показался Сергей. Сразу было видно, что у сына нарушена координация, его пошатывало из стороны в сторону, и он немного выставил руки вперед, периодически касаясь ими стены или дверного косяка, чтобы не упасть. Санитар, узнав, что это я жду его подопечного, передал мне Сергея из рук в руки и удалился. Сын, заметив меня, обрадовался, но отреагировал очень вяло, только улыбнулся, слегка приподняв краешек губ. Глаза его ничего не выражали. Мы сели на диван. Я обнял сына и спросил:

— Как ты, как себя чувствуешь?

— Но-р-р-мал-льно.

Он едва выговаривал буквы, речь его была невнятной, трудно было разобрать, что он сказал. Такого я не ожидал, ведь в первый раз после реанимации он был совсем другим — здоровым, жизнерадостным, активным. Конечно, сейчас он выглядел намного лучше, чем тогда, когда я привез его в Москву, адекватно реагировал на меня и на мои вопросы. По-видимому, он находился в переход-

ном состоянии от кризиса к выздоровлению... Нет, надо смотреть правде в глаза, все же ближе к первоначальному состоянию.

— Ты молодец, выдержал все испытания! Теперь все будет хорошо, врачи тебе сейчас назначат очень хорошее лекарство, ты только пей его, ладно?

Он лишь кивнул, посмотрев на меня.

— Бабушка передает тебе привет, беспокоится о тебе, постоянно звонит.

— Б-ба-б-б-бушка г-гд-д-де?

— Она сейчас в Абхазии, ждет нас в гости. Когда ты выздоравлишь, мы можем к ней съездить на недельку, хочешь?

— Н-не не-н зна-аю.

— Главное, чтобы ты выздоровел. А потом станем жить вместе в Иркутске, ладно? Хочешь в Иркутск?

— Д-д-да.

Немного поговорив с сыном, я решил, что не стоит его долго мучить, он и так измотался в реанимации, перенеся ударные дозы лекарств без еды и воды.

— Я принес тебе продукты, возьми. Если сам не захочешь, отдай соседям по палате, может, они тебе помогут потом.

Сергей медленно раскрыл пакет, посмотрел его содержимое. Затем достал более половины продуктов и положил на журнальный столик:

— Эт-т-то ты д-д-д-ом-мой у-у-н-е-с-си.

— Сынок, оставь себе, мне далеко обратно нести. Ничего страшного, если ты отдашь другим, пусть возьмут, я снова все куплю.

Я все же убедил Сергея оставить все продукты, после чего мы их вернули в пакет. Меня порадовало то, что у Сергея пробился здоровый инстинкт — он не хотел расставаться со своим, значит, не все потеряно. Я помог сыну встать, крепко обнял его и, пообещав прийти на следующий день, постучал в дверь. Раздался шум вставленной отмычки-ключа, дверь распахнулась, крепкий санитар взял сына за локоть, завел на территорию отделения, после чего дверь с шумом захлопнулась, замок снова закрылся.

Я медленно спустился по больничной лестнице.

«Конечно, это лучше, чем смерть, которая была альтернативой его теперешнему состоянию, — подумал я. — Но и то, что сейчас, это не жизнь. Надо обязательно найти какую-нибудь литературу, самому разобраться в заболевании сына. Неужели при таком стремительном развитии цивилизации до сих пор ничего эффективного еще не придумали? Этого не может быть, просто не может. Наверное, где-то в мире его уже давно лечат, как, например острый лейкоз, который до недавнего времени в нашей стране был равен смертному приговору, в то время как на Западе полностью излечивалось до семидесяти процентов больных. Надо просто поговорить со специалистами, почитать, поискать в Интернете, что-нибудь да отыщется».

С такими оптимистичными мыслями я отправился в книжный магазин на улице Марксистской, в который я заходил прежде и где видел специализированную литературу. Но, к моему удивлению, книг по интересующей меня теме было совсем немного. Нашел пару не совсем подходящих, которые купил от отчаяния, и стал дома тщательно изучать. Правда, меня хватило ненадолго, обилие незнакомых медицинских терминов быстро ввело мое сознание в транс, и я не заметил, как уснул и проспал до утра. Мне снилась всякая белиберда на медицинские темы, то и дело в памяти всплывали вычитанные в книге незнакомые термины. Короче говоря, сон мой был тяжелым и бесполезным, так как утром я не почувствовал себя отдохнувшим.

Позавтракав, я быстро собрался и поехал в больницу. Продукты купил на Тульской, в супермаркете «Семь месяцев» прямо около станции метро, очень удобно. Там было все, что мне нужно. Я решил купить что-нибудь вкусненькое, чтобы порадовать сына, и положил в корзину шоколад, пару кусочков разных тортов, питьевой йогурт, банку печени трески. Затарившись под завязку, поймал такси.

Как ни странно, но Сергей, разложив на журнальном столике в прихожей все продукты, отложил в сторону печень трески, пред-

ложив мне ее сразу открыть, что я и сделал. Он за минуту проглотил всю банку, затем, не торопясь, взял кусочек торта, потом второй и, запивая их йогуртом, тоже съел. Остальное сложил в пакет.

— Тебе что, понравилась печень трески? Принести еще?

— Угу.

— Ладно, завтра еще принесу. Очень хорошо, что тебе понравилась, она очень полезна, особенно для мозга, потому что содержит много жиров. Мозг ведь тоже состоит из жиров, так что ты сделал правильный выбор.

Говорили мы немного. Сергей был заторможен, отвечал на вопросы неохотно, больше качал головой или произносил короткие звуки. Было видно, что общение давалось ему с трудом. Вскоре он захотел спать и ушел.

К сожалению, то же повторилось и на завтра, и на следующий день, и еще через несколько дней после этого. Врач объясняла состояние Сергея тем, что дозировка увеличивается очень медленно, поэтому надо терпеть, терпеть и еще раз терпеть. Но однажды мое терпение кончилось. Осознание того, что я ничем не могу помочь сыну, кроме как принести продукты, привело меня к решению съездить домой, в Иркутск, тем более что мои дела давно уже требовали этого. Согласовав свой отъезд с заведующей, я оставил старшей медсестре деньги на покупку сигарет и продуктов сыну, переговорил со средним и младшим медперсоналом, чтобы они лояльно относились к Сергею и не давали его в обиду, пообещав всех не забыть по приезде. Я купил билет на самолет и в тот же день улетел. Так закончился мой первый приезд в Москву. Только в самолете я понял, как сильно я от всего устал. Перед отлетом, впервые за последнее время взглянув в зеркало, я увидел незнакомца. Передо мной был не моложавый, уверенный в себе, добившийся определенных успехов мужчина, а побитый жизнью, преждевременно состарившийся человек, многое повидавший на своем веку.

ЛЮБАША

Уладив спешно свои дела, через две недели я вернулся в Москву. Несмотря на то что работал я с утра и до вечера и у меня минуты свободной не было, у меня было такое чувство, словно я хорошо отдохнул. Видно, смена обстановки и занятий сказалась на мне самым благоприятным образом, я отвлекся от проблем и вновь ощутил себя молодым и полным сил. Кроме того, само время лечит. Я уже не чувствовал себя сломленным человеком и стал по-другому оценивать происходящее, вернулись вера в то, что все будет хорошо, надежда на светлое будущее. По крайней мере, прилетев в Москву, я почувствовал в себе силы бороться за здоровье сына и сделать все от меня зависящее, чтобы вернуть Сергея к нормальной жизни, помочь ему снова стать полноценным членом общества. Мне не нужны от него какие-то рекорды, какие-то достижения, я хочу, чтобы он просто жил, работал, создал семью, воспитывал детей. А я позабочусь обо всем остальном, о том, чтобы защитить его физически и материально, устрою комфортную жизнь.

Остановился я опять у Игоря Николаевича, предварительно с ним созвонившись. По телефону он меня предупредил, что к нему вот-вот должны вернуться с каникул две студентки-квартирантки, которые проживают в соседней со мной комнате.

— Думаю, вы не помешаете друг другу, ты ведь только поспать приходишь. Целыми днями у сына пропадаешь. А они тоже учатся, так что будете видеться только вечером, и то не всегда. Короче, приезжай.

Самолет прилетает в Москву около десяти утра, так что я был в квартире уже около двенадцати. Открыл мне Игорь Николаевич и дружелюбно поприветствовал. С собой у меня были сумка

с компьютером и два чемодана — я всем привез подарки. Проходя в свою комнату мимо кухни, заметил двух молодых людей, парня и девушку, которые сидели за столом и пили чай, о чем-то весело разговаривая. Поставив вещи, я вернулся на кухню, куда меня с порога пригласил Игорь Николаевич.

— Вот, Любаша, знакомьтесь, это Петр, я тебе про него говорил. Он поживет немного вместе с нами, у него тут сын в больнице лежит, он к нему будет уходить каждый день, так что особо не помешает. Петь, а это Люба, Любаша, студентка, которая живет у меня, я тебе тоже про нее говорил. Она только прилетела, ее встретил друг, Володя.

Девушка обернулась, с интересом посмотрела на меня, сделав серьезный вид, поздоровалась и вновь вернулась к беседе с парнем.

— Ну что, чаю попьешь или сразу к сыну поедешь?

Лететь до Москвы около шести часов, плюс электричка до «Павелецкой» и поездка в метро до Речного вокзала, так что я конечно же здорово устал, так что с удовольствием бы попил чаю и немного поспал. Но мне не терпелось повидаться с сыном. Я все гадал, каким он стал, что изменилось в его состоянии? Кроме того, я привез для двух заведующих в больнице скоропорт — два бочонка с омулем, от которых хотел поскорее избавиться.

— Сразу поеду, спасибо за приглашение. Я вам привез небольшой презент — бутылку нашей иркутской водки и омуля, так что, если вы не будете против, посидим вечером, а заодно и с вашими квартирантами поближе познакомимся.

Хозяин вновь снабдил меня ключами от квартиры, и я поехал в больницу.

Заведующего реанимацией на месте не оказалось, пришлось оставить бочонок у медицинской сестры. Пообещав перезвонить, а возможно, и зайти позже, я помчался в отделение. В первую очередь встретился со старшей сестрой, отблагодарив ее за помочь берестяным бочонком с кедровыми орехами, затем раздал среднему и младшему медперсоналу небольшие сибирские суве-

ниры и отправился к заведующей. Бочонок омуля она приняла без особого энтузиазма, словно просто чтобы не обидеть меня.

— Как дела у Сергея?

— Неплохо, конечно, но не так хорошо, как хотелось бы вам. Дозу мы постепенно увеличиваем, но пока пройдена только третья путь. Вы можете встретиться с ним, если хотите, но, по-моему, сейчас спит. Я попрошу санитара разбудить его, если хотите.

— Конечно хочу! Все же две недели не виделись, я очень по нему соскучился.

— Ну что ж, вы проходите в прихожую, но постарайтесь оценить ситуацию объективно. Лекарства, которые мы назначили вашему сыну, серьезных осложнений не вызывают, думаю, в будущем они станут для него основными, а это плюс. Все остальное пройдет по мере увеличения дозы. Так что не торопитесь с выводами.

— А можно после встречи с сыном я к вам снова зайду?

— Да, конечно, заходите, хотя ничего нового я вам сказать не смогу.

Я прождал минут десять, после чего ко мне наконец вышел санитар, но без Сергея. Он сказал, что сын не хочет со мной встречаться.

— Но вы же сказали, что к нему приехал отец?

— Да, но он ответил, что хочет спать и никуда не пойдет.

Я снова не понимал, что происходит. Как это так, не желает со мной встречаться? Слишком уж это было странно и непохоже на моего сына. А может, они меня обманывают и его уже нет в живых? Меня бросило в жар, сердце бешено заколотилось, выпрыгивая из груди.

— А можно я сам пройду к нему в палату?

— Пожалуйста, проходите, если мне не верите.

Сын лежал в первой палате, возле двери, глаза его были закрыты. Я внимательно посмотрел на него. Кожа бледная и слегка влажная. Я коснулся его холодной руки и сам от этого вздрогнул. Сергей открыл глаза, удивленно посмотрел на меня, показалось,

в его взгляде на долю секунды промелькнула радость, которая, правда, быстро угасла. Я искренне, насколько смог, улыбнулся:

— Здравствуй, Сергей!

— Здравствуй.

— Мне сказали, что ты не захотел выходить ко мне, поэтому я сам пришел узнать, что случилось. Ты можешь встать? Пойдем поговорим в фойе.

К этому моменту вокруг нас уже столпились соседи сына по палате, они с интересом разглядывали меня и прислушивались к нашему разговору. Сын, к моему удивлению, быстро встал и пошел со мной.

— Сергей, что случилось, почему ты не захотел ко мне выходить, ты себя плохо чувствуешь?

— Нет, я... я просто не поверил, что ты пришел. Потому что мне казалось... Нет, я точно знал, что вы все умерли. Ведь ты умер, папа?

— С чего ты взял? Потрогай меня. Разве ты не видишь, что я живой, я теплый на ощупь, разговариваю с тобой. Значит, живой. Но почему ты подумал, что я умер?

— Ну... — Он задумался — видно было, что сын что-тоспоминает, — и через некоторое время продолжил: — Ты перестал приходить ко мне, я стал переживать. А потом мне сказали, что вы вместе с бабушкой разбились на ее машине. И моя мама тоже умерла. Я остался один и поэтому перестал выходить. Вначале я подумал, что и мне надо умереть, перестал есть, несколько дней даже не пил. Но потом мне сказали, что есть можно, и я стал есть, но без всякого желания.

— А кто тебе говорил все это? Я перестал приходить к тебе потому, что уезжал в Иркутск, но тебе же должны были обо всем рассказать врачи. У тебя состояние было тяжелое, а у меня накопилось много дел, которые надо было решать, поэтому я и уехал. Но я отсутствовал всего-то две недели с небольшим.

— А ты правда живой, ты не голограмма? — Сын недоверчиво посмотрел на меня.

— Конечно живой, потрогай! Если я с тобой разговариваю...

Он перебил меня, немного разозлился:

— Голограммы тоже могут разговаривать, я знаю!

— Ну, возможно, что они и могут разговаривать, но ты потрогай меня. Голограмму-то нельзя потрогать. Давай потрогай!

Я протянул к нему руку. Сын, что-то обдумывая, недоверчиво глядя на меня, осторожно к ней прикоснулся.

— Ну что, убедился?

— Да, но ты разве не умер? Мне сказали, что ты погиб.

— Кто сказал?

— Это неважно. Те, кому я верю.

— Но ты же осознал что тебя обманули. Я жив, сижу тут с тобой рядом и разговариваю.

— Странно, и зачем им было меня обманывать? То есть ты и правда не голограмма?

— Конечно, сынок, правда, настоящая правда! Теперь-то ты мне веришь?

— Не знаю, я подумаю... Но все равно хорошо, что ты пришел, даже если ты и голограмма. А бабушка и мама тоже живы?

— Да, живы и передают тебе привет. У них все хорошо.

— А где сейчас бабушка, она в Сухуме?

— Да. И мы все ждем тебя домой и очень любим.

Я крепко обнял сына, он не сопротивлялся, но и не отвечал, он телом был рядом, но душа его витала где-то далеко. В ней явно происходила борьба между его фантазиями и реальностью. Домой я вернулся в подавленном настроении. Я ожидал, что сын станет более адекватными снова, но был разочарован увиденным. Однако назначеннное лечение предполагало медленное улучшение состояния, значит, и мне надо было настроиться на длительное ожидание положительного результата. Но душа желала большего и лучшего. Игорь Николаевич был также не в настроении. Открыв мне дверь, он сразу же ушел в свою комнату, отказавшись разделить со мной ужин. Переодевшись, я достал из пакета курицу гриль, купленную на рынке возле метро, и распаковал, освобо-

див ее из целлофанового пакетика и алюминиевой фольги. Странно, но, где бы в Москве я ни покупал курицу гриль, вкус ее был везде одинаков и положительно отличался от кур, которых мне приходилось покупать в других городах России, в том числе в Иркутске. Эту тайну я до сих пор не разгадал. То ли куры, которых готовили в Москве, поставлялись с какой-то одной птицефабрики, то ли все ларьки принадлежали одной фирме, готовившей по одному рецепту, но в любом случае мне они очень нравились. Когда стол был уже накрыт, в кухню зашла Любаша, наряженная в спортивные брюки и футболку. Она налила себе чай, достала мед и предложила мне его попробовать. Я не отказался. Она присела рядом. Ужин получился скомканным, в компании с незнакомой девушкой мне стало как-то неуютно, да и курица не самое лучшее блюдо для разговоров по душам. Поэтому, немного перекусив, мы принялись пить чай с медом. В конце нашей застольной беседы я с восхищением высказался о парке возле станции метро «Речной вокзал», посетовав, что у нас в городе совсем погулять негде, а вот в Москве есть где развернуться.

— А хотите погулять прямо сейчас? — неожиданно для себя спросил я.

— Хочу, с большим удовольствием! А вы не сильно устали?

— Да нет.

Я, конечно, скучавил, так как после ужина собирался лечь спать — все-таки день выдался тяжелым. Вначале перелет, потом слова врача и странный разговор с сыном выбили меня из колеи, ноги уже не слушались, да и ужин с чаем с медом меня расслабил. Однако мы быстро собрались и вышли из квартиры. На улице было слегка прохладно, и я вскоре взбодрился.

— А вы были в парке возле Речного вокзала? — спросила Любаша.

— Конечно, я ведь каждый день через него иду в метро, мне он очень нравится.

— Нет, вы меня не поняли, я говорю про другой парк, расположенный за Ленинградским шоссе, возле Москвы-реки.

— А где он находится?

— Да прямо здесь, нужно просто перейти дорогу. — И она показала на подземный переход под Ленинградским шоссе, к которому мы уже подошли.

Я посмотрел через дорогу и увидел парк, который раньше не замечал, хотя наш дом был от него совсем недалеко. Просто я всегда от метро шел по самой короткой дороге, не обращая внимания на то, что находится за домом. Парк был окружен кованым забором, широкая аллея, густо усаженная яркими цветами, разрезала его на две части. Заканчивалась она зданием Речного вокзала постройки тридцатых годов двадцатого века. Кругом стояли скамейки, большинство из которых были заняты парочками, на некоторых небольшими группами сидела молодежь, они шумно разговаривали и потягивали из бутылок пиво. Несмотря на то что центральная аллея была хорошо освещена, как и площадь перед вокзалом, многочисленные дорожки, ведущие к ней, терялись в тени густо посаженных деревьев. Выглядели они неуютно, неизвестно было, с чем можно столкнуться в глубине парка. Тем не менее Любаша предложила сойти с главной аллеи. Вокруг было пусто, лишь изредка навстречу попадались одинокие прохожие или пары молодых людей, которые периодически останавливались, чтобы поцеловаться. Боковые дорожки были не асфальтированы, но за ними явно тщательно следили, своевременно убирая и посыпая песком.

— Красиво, — сказал я. — А я и не знал, что рядом есть еще один парк.

— А в другую сторону от метро вы не ходили? Там продолжение того парка, по которому вы каждый день ходите, есть чудесное озеро и искусственные пруды с деревянными мостками, на которых так здорово стоять и любоваться водой.

— Нет, там я тоже не был, даже и не знал, что парк тянется в ту сторону, хотя дорожку видел. А вы здесь, в Москве, давно живете, сами родом откуда?

— Сама я из Оренбургской области, из крошечного провинциального городка, а здесь учусь в экономической академии, посту-

пила на коммерческой основе. Сейчас я студентка третьего курса, у нас учеба начнется через несколько дней.

— Игорь Николаевич говорил, что вас двое, а где подруга, она ваша землячка или из другого города?

— Нет, она с Камчатки, пока еще не приехала.

— А как же учеба?

— А она к учебе относится легко, звонила, сказала, что приедет дней через десять.

Так мы постепенно разговорились и стали больше доверять друг другу.

— Как ваш сын? Игорь Николаевич сказал, что он лежит в больнице. Ему лучше?

— Да, уже лучше, во всяком случае по сравнению с тем, что было.

Я снова вспомнил последнюю встречу с сыном, глаза слегка увлажнились. Я быстро отвернулся.

— Если вы не хотите говорить, то не надо, я просто так спросила, — поспешила успокоить меня Любаша.

Я подумал, а ведь действительно, если я с ней поговорю, может, станет легче.

Собственно, что я теряю, незнакомый человек, мы с ней видимся в первый и, может, в последний раз в жизни. Она почти такая же по возрасту, как и мой сын. Интересно, что Любаша подумает о произошедшем, как это все объяснит. Может, я уже остановился в своем развитии и не понимаю современность, как это когда-то сделали мои родители? Да и, проговаривая свои мысли, может, я сам лучше разберусь со своими проблемами и пойму, что делать дальше. Ведь за все время, как у сына появились проблемы, я ни с кем не делился наболевшим, ни с кем не советовался, держал все в себе, страдая и занимаясь саморазрушением. Что мне терять, если я расскажу о своих бедах девушке, которая останется в Москве, а я после выздоровления сына уеду вместе с ним в Иркутск? Да она уже на следующий день забудет о нашем разговоре!

— С женой я развелся давно, — начал я, — более двадцати лет назад, и не знал о существовании сына. Она с новым мужем уехала в другой город. Потом выяснилось, что жена была беременна, когда ушла от меня. Она родила сына, уже будучи замужем за другим. Мне ничего не сообщала. И вот три года назад я узнал о его существовании. Мы впервые увиделись в Новосибирске, он меня искал. Я с первого взгляда понял, что это мой сын, представляете? Выделил его среди других ребят. Но вместе мы были всего два дня, в поезде по дороге в Иркутск. Затем он улетел. В тот год он закончил академию. Стал юристом. Его отчим погиб еще до нашей встречи, а со своей матерью он ужиться не смог. Они очень разные. В итоге сын стал много пить, перестал выходить на работу. Тогда-то бывшая жена мне и позвонила. Сын, немного пожив у меня, решил поехать в Абхазию к моей маме. Но и там не нашел себя. Сергей мечтал переехать жить в большой город. И вот, когда в августе я прилетел, чтобы сообщить ему радостную весть об очной аспирантуре в Москве, узнал, что он лежит в психиатрической больнице.

Из Сухума я его привез в Москву. Он сейчас в тяжелом состоянии, не знаю, что будет дальше, ситуация зависла, но надеюсь, что все же изменится к лучшему, по крайней мере постараюсь все сделать для него, что от меня зависит. Понимаете, сейчас я в тупике. Иногда думаю, зачем я прожил свою жизнь? Я в последние годы много работал, чтобы поддерживать свою независимость. Но к чему свобода без детей? Просто бессмыслица какая-то, понимаете?

— Я думаю... нет, я уверена, что у вас хорошо все будет, я это чувствую каждой клеточкой своего тела. Ведь вашему сыну уже стало лучше, правда?

Я вспомнил, каким увидел его впервые в Сухуме, как вез в Москву, его состояние в первые дни в больнице. Конечно, сейчас он чувствует себя намного лучше, я это и сам вижу. Да, у него все будет хорошо!

— Вы знаете, я в последние годы тоже жила с папой, без мамы, она несколько лет назад умерла. У нас с ним сложились друже-

ские отношения, мы доверяли друг другу, всегда советовались. Решение уехать в Москву было совместным, хотя инициатором выступала я, но папа меня поддержал. Школу я закончила на отлично, с золотой медалью, думала, легко поступлю в Москве, но не получилось, и папа стал платить за мое обучение. Я давно уже стала самостоятельной, ведь мы жили вдвоем с папой, поэтому, когда уехала, большого дискомфорта не испытывала. Училась только на «пять», поэтому и папа был всегда за меня спокоен. Этим летом я, как всегда, на каникулы поехала домой, там познакомилась с парнем, партнером папы, с которым мы часто общались, и он мне предложил выйти за него замуж. Я решила посоветоваться с папой, ведь я только ему доверяю, а он очень расстроился и сказал, чтобы я даже не думала об этом. Он считает того парня ненадежным человеком, хотя сам с ним работает, о чем я ему и напомнила. Я попросила объяснить мне, что он имеет в виду, ведь он сам меня с ним познакомил. Но он ничего не захотел объяснять, просто попросил поверить на слово, без объяснений, потому что всего он мне сказать не может. Но потребовал от меня, чтобы я перестала общаться с этим молодым человеком. Запретил мне, понимаете? Он что, мне не поверил?

Она говорила эмоционально, голос ее звенел, как колокольчик, и в своем порыве она была невероятно обаятельна.

— Мне трудно вам что-то посоветовать, ведь я совершенно не знаю участников этой истории. А что, вы готовы были выйти замуж за него?

— Не знаю... Наверно, не сразу, так как я решила доучиться. Хотя, может быть, и согласилась бы... Парень этот не совсем парень, ему около тридцати, скорее молодой мужчина. Он сильно настаивал, говорил, что любит меня и готов ради меня на многое. И я ему верила. Я колебалась.

— Может, ваш отец был прав, ведь под угрозой была ваша учеба, а он хотел, чтобы вы получили высшее образование? Или он думает, что свое счастье вы найдете в Москве, разделите жизнь с более достойным человеком? Наверное, он что-то знает про ва-

шего жениха, например что он ловелас, не пропускает ни одной юбки в городе.

— А он и не скрывал, что на момент знакомства со мной давно уже не был мальчиком. Он даже сам говорил о том, что познал женщин, но ему все надоело, он хочет создать семью, а такую, как я, он встретил впервые. Раньше он никому не предлагал выйти за него замуж, только мне. У меня тоже впервые вспыхнуло столь сильное чувство. Я понимаю, что он мог быть плохим человеком, но почему папа не захотел мне ничего рассказать, ведь это просто нечестно по отношению ко мне. Я сильно переживала из-за этого, я привыкла доверять своему папе, и тогда мне ничего не оставалось, как согласиться с ним. Если он по каким-то причинам не смог или не захотел мне все объяснить, то это его право, но тогда и я имею право с ним поступить так же. Я ему сказала, что принимаю его решение, но в последний раз, больше я не буду, просто не смогу делать то, как он скажет. Мне этот парень очень нравился, был дорог для меня, а папа без объяснений потребовал порвать с ним. Я всегда прислушивалась к мнению папы, я ему очень верила и до сих пор очень люблю, но он поступил со мной нечестно, злоупотребил моим к нему хорошим отношением. Это было совсем недавно. Я до сих пор сильно переживаю и не могу не думать о том, почему папа так поступил со мной, как мне теперь жить дальше, можно ли ему вообще доверять.

Она на некоторое время замолчала. Мне показалось, что у Любаши увлажнились глаза. Ясно было, что она сильно переживает и до сих пор не может успокоиться. Отъезд не исцелил душевную рану.

На улице ходило, меня стало немного знобить, и мы постепенно, не сговариваясь, ускорили шаг. Минут через пять мы, немного запыхавшись, подошли к свободной скамейке и присели на нее.

— Спасибо вам за доверие, я понимаю, как нелегко держать все в себе, когда совершенно не с кем поделиться своими бедами.

У меня такая же проблема, я также вынужден молчать о своей трагедии, ничего никому не могу рассказать. Но сегодняшний разговор хорош тем, что мы, возможно, поведав друг другу свои тайны, завтра уже расстанемся навсегда и все это останется между нами. Даже если мы захотим рассказать кому-нибудь об услышанном, это будет обезличенная история, которая никак на нас не отразится.

— Да, я так же подумала. Когда вы рассказывали мне о себе, я хорошо понимала вас и ловила себя на мысли, что думаю так же, как и вы. Так редко бывает. Я и предположить не могла, что смогу рассказать свою историю незнакомому человеку, практически первому встречному. Никогда со мной такого не было. Знаете, вы располагаете к откровенности.

— Это взаимно. Я тоже удивлен собственной решимостью. Но согласитесь, на душе стало легче. Кроме того, как говорят психотерапевты, чтобы эффективно решить свою проблему, ее нужно обязательно проговорить вслух. Что мы с вами сейчас и сделали. Знаете, а что, если мы отбросим условности и станем называть друг друга на «ты». За что я люблю английский, так это за то, что там всегда и ко всем обращаются «уоу», не подчеркивая возраст и ранг собеседника. Это намного упрощает общение. Вы согласны?

— Согласна! Я ведь тоже об этом подумала. Давайте еще пройдемся по парку. Вам здесь нравится?

— Не давайте, а давай пройдемся, ведь мы же договорились! Да, мне здесь нравится, хотя сегодня немного прохладно.

— Уже середина сентября, по вечерам прохладно. Давай пройдемся.

— Замечательно!

Мы бродили по аллеям и дорожкам еще около часа. Возле здания вокзала в одном из кафе играла музыка, кто-то пел, не совсем попадая в ритм.

— Там что, караоке? — спросил я.

— Не знаю, я ни разу не заходила в это кафе.

— Может, зайдем, выпьем горячего чая или кофе, а то я что-то здорово замерз, меня уже потрясывает. Могу заболеть, а мне никак нельзя этого допустить. Кто тогда будет ходить к моему сыну?

Мы сидели в кафе и говорили о самом наболевшем. Мы искренне доверяли друг другу, не опасаясь разоблачения. И тут неожиданно зазвонил мой мобильный, я вздрогнул, не сразу осознав, что происходит. Было уже поздно, часов одиннадцать вечера. Из Иркутска мне звонить не могли, там было раннее утро, а в Москве никто не знал моего номера. Я достал телефон, нажал зеленую кнопку.

— Алло, это Игорь Николаевич. Ты где потерялся, уже очень поздно, я о тебе беспокоюсь. А Люба с тобой?

— Люба? — Я посмотрел на девушку, она протестующе замотала головой.

— Нет, Люба не со мной. А что, ее тоже нет дома?

— Да она была, потом куда-то ушла. Она правда не с тобой?

— Правда. Не беспокойтесь, она девушка взрослая, самостоятельная, наверное, не в первый раз поздно приходит. — Я улыбнулся, глядя на Любашу.

— Обычно она всегда меня предупреждает, а сегодня вот молчок. А ты где, ты-то когда придешь?

— Я уже недалеко от дома, скоро буду. Встретился со своими земляками, немного посидели в кафе.

Отключив мобильник, я вопросительно посмотрел на Любашу:

— А почему ты не хотела, чтобы он узнал, что ты со мной? Игорь Николаевич очень искренне беспокоится за тебя.

— Он меня к тебе ревнует. Он ко всем мужчинам меня ревнует. Он очень своеобразный человек. Когда выпьет, постоянно оказывает мне знаки внимания. Один раз, узнав мой номер, посыпал весь вечер эсэмэски. Я потом, когда он уснул, прокрались в его комнату и стерла все записи моего номера. Теперь он мне не звонит, зато дома иногда вяжется.

— Но ведь ему уже за семьдесят!

— Ну и что, у него есть женщина, которая приезжает к нему периодически из Белоруссии. Они ночуют в его комнате. Скажи, я, молодая девушка, многого не понимаю, неужели в семьдесят лет мужчины... ну, как это лучше сказать, остаются мужчинами? Ладно, ты же наверняка понял, о чём это я.

— Ну вообще любви все возрасты покорны, на Кавказе нередко рассказывают истории о мужчинах, которые и в восемьдесят, и даже в девяносто лет заводили детей. Может, конечно, их жены зачинали от любовников, история об этом умалчивает, но то, что те мужчины функционировали сексуально, это совершенно точно.

— Ничего себе! Очень интересно. Ну что, пойдем домой, а то Игорь Николаевич теперь покоя не даст.

И точно, вскоре опять зазвонил мой мобильный. А потом еще раз. Спал я в ту ночь крепко, не ворочался перед сном, ни разу не просыпался. Психологическое напряжение, давившее на меня в последнее время, наконец-то вырвалось наружу и утонуло в Москве-реке, растворилось в парке, улетело в неизведанные дали, окончательно утратив свое пагубное влияние на мою душу. Но я ошибался, обменявшиесь с Любашей наболевшим. Оказалось, мы взяли на себя часть боли другого.

На следующее утро мы с Игорем Николаевичем сходили на рынок возле метро «Водный стадион», о чём договаривались заранее. Я хотел купить сыну трико, белье и другие необходимые для больничного бытия принадлежности. На рынке товары были неплохого качества, достаточно дешевые, поэтому я купил все в двойном комплекте. Приобрел я там и металлический китайский термос, и пластиковые контейнеры для хранения продуктов. Я их долго разглядывал, представляя, как удобно будет носить Сергею продукты, разложив их в разные емкости. Дорогой купил и набор продуктов, которые, придя домой, разложил по дням недели, чтобы разнообразить меню сына. Заварил свежий чай, разбавив его молоком и медом, залил в термос, упаковал однодневную порцию продуктов в контейнеры и направился

в больницу. В первую очередь он съел печень трески. Просто удивительно, с каким неизменным аппетитом он проглатывал ее, а затем вычерпывал ложкой масло из банки, заедая хлебом. Я считал, что таким образом его организм восполняет нехватку жиров и витамина А, видимо требующихся в больших количествах его мозгу.

В целом Сергей был апатичен, говорил мало. На мои вопросы отвечал в основном односложно или просто кивал. И еще интересно: сегодня он был каким-то неуловимо другим, но в чем именно — я понять не мог. Он обрадовался чаю, который я привнес, много его пил.

— Ты, наверное, хочешь спать, не выспался?

— Угу, — ответил сын, продолжая жевать.

— Как ты себя чувствуешь?

Сергей как будто не расслышал моего вопроса и продолжил молча есть. Я легко тронул его за локоть, и он повернулся ко мне, глядя на меня мутными, почти неподвижными глазами и явно пытаясь понять, что мне надо.

— Сергей, как у тебя дела, как ты себя чувствуешь?

После некоторой паузы он сказал:

— Нормально.

Мне стало жаль его, и я решил не продолжать разговор. Я обнял сына на прощание, постучал в дверь и через минуту уже спускался по лестнице. «Что ж, буду ждать, — подумал я, — время лечит. В данном случае это утверждение тем более верно, если знать, что дозу лекарства увеличивать не торопятся».

Так прошла неделя. Состояние сына то немного улучшалось, и тогда он разговаривал более-менее адекватно, то периодически слегка ухудшалось, и он становился апатичным. Так длилось до тех пор, пока я не увидел в этом определенную закономерность. Я встретился с врачом, чтобы сверить свои догадки с проводимым лечением и его результатами, а также донести до врача свой взгляд со стороны:

— Вы знаете, я замечаю, что состояние сына периодически меняется. Два раза в неделю он выглядит заторможенным, апатичным. Может, перед этим вы ему увеличиваете дозу?

— Да, вы верно подметили, мы проводим лечение согласно плану.

— Все понятно, извините, что отвлекаю вас от работы, я просто хотел понять, что происходит с моим сыном. Спасибо.

Затем я отправился к сыну, но оказалось, что он обедает в больничной столовой. Тогда я присел в коридоре на кожаный диван, на котором уже сидел какой-то парень в больничной пижаме.

— Вы отец Сергея?

— Да, а что?

— Спасите своего сына, его убивают!

Я вздрогнул от неожиданности. Повернувшись, я внимательно посмотрел на молодого человека, который сидел рядом со мной. Вид у него был болезненным, глаза его блестели, он едва говорил — видимо, находился под действием лекарств, — цвет кожи был землистым. Он не внушал доверия, но я, тем не менее, автоматически спросил:

— Почему ты так думаешь?

— Ему делают электрошоки, убивают нервные клетки, а они не восстанавливаются.

— Как электрошоки?! Меня должны были предупредить, а врачи мне ничего не сказали. Не может такого быть! Да и сын бы сказал мне об этом, но он ни разу даже не намекнул.

— Да, но они их делают несколько раз в неделю. Он потом ничего не помнит. Неужели вы не замечаете, что его поведение меняется? Я-то уже лежу здесь не первый раз, знаю. Я и Сергею говорил, чтобы он не соглашался на шоки, они очень плохо отражаются на здоровье.

В это время из столовой как раз вышел мой сын. Я спросил его:

— Правда, что тебе делают электрошоки?

Он посмотрел на меня, как будто что-то вспоминая, и просто сказал:

— Правда, я после них умираю. Теряю сознание, сердце мое останавливается, и я перестаю дышать.

— Ты, наверное, ошибаешься. Почему ты мне тогда раньше про это не говорил?

— Но ведь ты меня не спрашивал, а я забывал тебе сказать. А разве ты об этом не знал?

— Поверь мне, я не знал об этом. А когда тебе последний раз их делали?

— Вчера или позавчера... Знаешь, как это больно? Так больно. Я каждый раз теряю сознание. Особенно страшно становится, когда я не могу дышать. И вот, когда я думаю, что уже умер, у меня восстанавливается дыхание, вновь начинает биться сердце. Мне делают это по утрам, просто говорят: «Пойдем на электрошок», и я иду.

Я не мог поверить услышанному. Как такое вообще возможно?! Насколько я знал, электрошок необходимо было согласовывать с родителями или родственниками больных. Я попытался убедить себя в том, что Сергей просто попал в плохое окружение и пациенты здесь выплескивают друг на друга свои фантазии. Тем не менее незнакомый парень заронил в моей душе сомнения. Я решил тут же вернуться к заведующей. Внутри у меня все кипело. В кабинете ее не оказалось, пришлось ждать минут двадцать.

— Скажите, это правда, что моему сыну делают электрошоки?

— Почему вы так думаете?

— Он сам мне об этом рассказал. Но почему вы меня не предупредили?! Насколько я знаю, вы обязаны были спросить у меня разрешения, причем получить мое письменное согласие, но вы этого не сделали. Я требую объяснений!

Вид у меня был воинственный, но я сильно волновался, и голос мой слегка дрожал.

Заведующая несколько смущалась, выдержала паузу и с неохотой произнесла:

— Хорошо, раз вы сами обо всем узнали, я вам скажу так — это необходимо. Обычно родственники больных плохо, очень плохо

реагируют на электрошоки, возражают, поэтому мы и решили вам ничего не говорить. Но вашему сыну они были показаны. Вы ведь знаете, что дозу мы увеличиваем очень медленно и сейчас, на этом этапе, уже не можем остановиться. Он слышит голоса, которые ему постоянно что-то советуют. Он у нас уже повредил руку, неоднократно дрался с больными.

Я удивился.

— Да, это в порядке вещей. Ваш сын не виноват, ему голоса в голове советуют, навязывают решения. Лекарства, которые он получает в очень маленькой дозе, не справляются с его состоянием. Это пройдет, но позже, значительно позже, мы же не можем все это время просто наблюдать за разрушением психики вашего сына. Поэтому мы приняли такое решение, назначили ему электрошоки.

— Значит, тогда, когда я его вижу апатичным, он как раз отходит от шока?

— Скорее всего.

— Но ведь я вас спрашивал, почему вы честно мне обо всем не рассказали? Ведь вы знали, что я врач. Почему не подумали, что я могу вас понять? Ведь я уже говорил, что я ваш партнер в этом деле, не контролер, а партнер!

— Мы думали, что вы нас не поймете. Конечно, теперь я понимаю, что надо было вам сразу об этом сказать.

Эмоции переполняли меня. Внутри шла борьба: мне отчаянно хотелось высказать заведующей все, что я о ней думаю, но вместе с этим я понимал, что ничего изменить уже нельзя — что было, то было. Сергей находится в больнице в Москве, куда попал по счастливой случайности. Именно этим врачам я доверил спасти сына. Конечно, я мог просто забрать его из больницы, но что потом, куда я с ним поеду, к кому обращусь за помощью? Вспоминая ранее полученные в мединституте знания, я подумал, что электрошоки не так уж вредны и бесполезны, как думают многие простые люди. Что такое навязчивые мысли, желания, эти самые голоса? Это патологические очаги электрического возбуждения

в мозге, с которыми хорошо справляются более сильные электрические импульсы, как, например, электрошок.

— Хорошо, я подумаю над тем, что услышал. Я понимаю, вы хотели как лучше. Меня смущает то, что вы не пожелали согласовать со мной процедуру, хотя обязаны были это сделать. Пусть я неправ, но, пожалуйста, впредь говорите мне все, что вы делаете в отношении моего сына, так будет лучше и для него, и для вас, и для меня. А теперь извините меня, я хочу пойти к сыну, мне нужно все обдумать.

Я встал, быстро вышел из кабинета и отправился на поиски Сергея.

Каждый вечер, когда я возвращался домой, мы с Любашей шли гулять. Ходили мы не только возле Речного вокзала, но и изучили другие окрестности. Мне очень понравились пруды и мостики через них. И хотя каждый новый маршрут сопровождался для меня определенным напрягом — я был уверен, что гулять вечерами по незнакомой местности в незнакомом городе небезопасно, — те положительные эмоции, которые я получал всякий раз, с лихвой перекрывали возможные негативные последствия и мои переживания. С Любашей мы становились все ближе и ближе. Иногда мне казалось, что наши отношения уже перешли границу чисто дружеских, но мою фантазию останавливало чувство ответственности перед ней за ее откровенность и доверие ко мне. Ее обаяние не могло не смущать меня как мужчину и не выводить из состояния равновесия. Тем не менее я был строг с собой и старательно скрывал свои противоречивые, искушающие мысли. Так мы прожили с ней бок о бок две недели. Однажды я принял решение навестить маму в Сухуме, которая так же сильно, как и я, переживала за Сергея и ждала хороших новостей, которые все не приходили и не приходили. И хотя я старался по телефону утешить ее, поддержать ей надежду, не всегда находил нужные слова, которые могли бы ее успокоить. Вечером, когда мы в очередной раз гуляли с Любашей по парку, я объявил ей, что на завтра купил билет до Сочи.

— Надолго?

— Думаю, на недельку или дней на десять. Я все ждал, что со дня на день мой сын окончательно поправится, и тогда я должен быть рядом с ним, чтобы помочь поскорее вернуться к нормальной жизни, буду беседовать с ним, радуясь каждому новому положительному изменению. Но ничего не меняется. У меня начинают иссякать силы. Я просто каждый день ношу в больницу продукты, а идет ли лечение на пользу ему или нет, не знаю. Иногда мне кажется, что он не помнит, приходил ли я к нему вчера или нет. Это убивает меня. Да и мама моя звонит все чаще, приглашает к себе. Ей трудно понять, почему сын пролежал в больнице больше месяца, а результата пока не видно, очень сильно переживает. Поеду пообщаться с ней, погуляю по берегу моря, подышу южным теплым воздухом, ведь лета-то нынче я не видел, совсем не отдохнул.

— Конечно, тебе нужно поехать. Мне будет тебя не хватать, я уже так привыкла к нашим совместным прогулкам. Но думаю, ты прав, тебе нужно хорошо отдохнуть и поддержать свою маму.

Мы еще около часа гуляли по парку. На улице было прохладно, поэтому мы непроизвольно плотно прижимались друг к другу. Заметив, что я без перчаток, Любаша взяла мою руку и положила в свой карман куртки, оставив там же свою руку. При ходьбе моя рука покачивалась, касаясь ее тела, изучая его. Мои пальцы переплелись с ее. Карман был достаточно узок, и нам не надо было стараться удерживать их в таком положении, все происходило само собой. Я почувствовал, как усилилось сердцебиение, тело мое стало согреваться от прилива крови, началось все с головы, потом пошло по шее, груди, опускаясь все ниже и ниже. В это время Любаша повернулась ко мне:

— Тебе плохо? Ты не заболел? Мне кажется, у тебя температура.

— Нет, мне хорошо, мне очень хорошо.

Услышав свой неуверенный голос, осознав всю несуразность собственного положения, испугавшись неконтролируемых позы-

вов моей коварной плоти, я неожиданно вытащил из кармана куртки Любаши свою кисть, с трудом освободившись из ее цепких пальцев.

— Твоя рука не замерзнет? — очень непосредственно спросила меня Любаша.

Мне даже стало неловко за свой импульсивный поступок.

— Нет, спасибо, я уже согрелся.

Но моя рука еще неоднократно за вечер возвращалась в руку Любаши, как и ее рука в мою. Было действительно прохладно, задувал ветер, и мы быстро замерзали, как только отделялись друг от друга. Заканчивать прогулку не хотелось, но все усиливающийся холод, а также необходимость сборов заставили нас наконец вернуться домой.

Ранним утром, когда я уже собирался выходить из квартиры, из своей комнаты, тихо открыв дверь, вышла Любаша в одном халате:

— Возьми эти книги с собой, это мой маленький тебе подарок. Ведь ты летишь на отдых, почитаешь, отвлечешься. На обложке одной из книг я тебе написала слова, которые считаю очень сильными и полезными. Обещай, что ты их прочитаешь не раньше, чем самолет взлетит.

— Хорошо, обещаю.

— Можно я тебе напишу?

— Конечно! — Я достал из кармана визитную карточку и протянул ей. — Там есть мой электронный адрес.

Обняв Любашу и поцеловав ее в щечку, я взял чемодан и быстро пошел по направлению к метро.

НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО!

Слова Любаши меня сильно заинтриговали. Но времени на чтение ни перед самолетом, ни во время полета, ни даже в первый вечер в Сухуме у меня не нашлось. Прочитал ее послание я только на следующий день. Автором книг оказался Набоков. «Что ж, символично», — подумал я. Открыв одну из книг, я увидел выведенные каллиграфическим подчерком слова:

«Невозможное — это лишь громкое слово, за которым скрываются маленькие люди. Им легче жить в привычном мире, чем найти в себе силы изменить его. Невозможное — это не факт, это лишь мнение. Невозможное — это не приговор. Это вызов. Невозможное — это шанс проверить себя. Невозможное — это не навсегда. Невозможное возможно!»

Я перечитал эти слова несколько раз. Они обострили мои чувства, я вспомнил о жизненных планах, которые в последние годы незаметно для самого себя постепенно зарывал все глубже и глубже в своей душе. Послание Любаши заставило меня вначале бегло, а затем, все больше и больше погружаясь в свою память, вспомнить о своих мечтах, которые когда-то сильно волновали меня. Распяляя свою фантазию, я и не заметил, как мои мысли все чаще и чаще стали возвращать меня в Москву, к тому моменту, когда Любаша передала мне книгу. Я во всех подробностях вспоминал ее интонацию, мимику, каждое произнесенное слово, ее глаза, ища во всем этом хоть какой-то намек на особое отношение ко мне. Может, она, передавая мне книгу, хотела дать мне понять, что желает большего, чем было раньше. Вдруг она не против перехода наших отношений из дружеских в любовные и, может, даже семейные? Я периодически вскакивал с дивана, на котором расположился в маминой квартире, затем вновь ложился или шел на кухню и пил чай. Под утро я не заметил, как силы покинули меня,

и я наконец уснул. Но даже во сне мой мозг интенсивно работал, обдумывая ранее пришедшие мысли и рождая новые. На рассвете меня разбудили птицы, чье веселое щебетание за окном то и дело сменялось мелодичными трелями. Слушая с закрытыми глазами пение птиц, я вновь вспомнил о своих вчерашних переживаниях. Эмоции уже отошли на задний план. Трезво рассудив, я пришел к выводу, что я большой фантазер, и немного расстроился за себя — да как я вообще мог допустить такие мысли?!

Утром мы с мамой поехали на рынок за фруктами и овощами. Было грех, оказавшись в Абхазии, не воспользоваться случаем, ведь чего здесь только не было: и фейхоа, и ранние сорта хурмы, мандаринов, апельсинов и лимонов. После рынка мы поехали в мамин загородный домик. Он находился на самой окраине Сухума, но его удаленность от центра полностью компенсировалась близостью к морю. Мы заранее договорились, что в домике я проживу один несколько дней. Я предусмотрительно прихватил с собой вещи и подаренную Любашей книгу. К своему стыду, я раньше не читал Набокова, только видел кинофильм «Лолита» и слышал немало восхищенных отзывов о творчестве писателя. Моя книга была в красивом твердом переплете, в центре ее обложки, выполненной в старинном стиле, находился портрет молодой девушки, даже скорее девочки, которая смотрелась в маленькое зеркальце и кокетливо причесывалась. Называлась книга «Машенька», и в ней было сразу несколько произведений. Я еще раз медленно прочитал послание Любashi, вчитываясь в каждое слово: «Невозможное возможно!» Очень сильно! Но все же я пришел к выводу, что она написала это, чтобы поддержать меня, придать силы, вдохнуть надежду на будущее, так как я неоднократно признавался ей в том, что давно уже утратил все цели и желание что-то предпринимать для улучшения своей жизни.

Отложив чтение на вечер, я решил прогуляться вдоль моря. Оно грозно шумело, волны стремительно накатывались на берег. Я присел на гальку, жадно вдыхая полной грудью чуть солоноватый ароматный воздух. На гребне каждой новой волны вода заки-

пала, превращаясь в падении в густые, хорошо сбитые белые сливки, заполняющие все пространство между морем и немного возвышающимся над ним берегом. При откате волны густая пена расплывалась на поверхности воды в красивые кружева, быстро увеличивающиеся в размерах и постепенно растворяющиеся. Зрелище было прекрасным, завораживающим. Я просидел на берегу больше часа, пока не затекли ноги, потом встал и потрогал воду — для купания она подходила. Тогда я вернулся в дом, переоделся, взял книгу и фрукты. Периодически заходя в воду и ловя теплые солнечные лучи уходящей осени, я расслабился и стал постепенно вчитываться в книгу, пока не увлекся ею полностью.

На следующий день вечером съездил на переговорный пункт в центр города, откуда можно было не только позвонить в Россию, но и воспользоваться Интернетом. Сердце мое дрогнуло, когда в своей почте я обнаружил письмо от Любаши:

«Вот и первый привет. Привет!

Конечно, может, и не стоило писать, чтобы дать тебе отдохнуть, подумать, но все, что связано с тобой, немного необычно. В общем, не буду оправдываться, ведь оправдываются виноватые, а я не вижу за собой вины. Вот так вот!

У меня все прекрасно, замечательно, великолепно, шоколадно и ажурно! Наконец-то прилетела наша рыжая радость — Кристиша, а с ней нам редко когда бывает грустно. И сегодня случилось одно немаловажное событие — изменилось расписание, чего я так отчаянно хотела. Все-таки я достучалась до кого надо. Мелочь, а приятно. Ведь достижение собственных целей, исполнение желаний всегда радует. Я постоянно думаю, и мысли мои оказываются очень продуктивными, я рассуждаю, сопоставляю, анализирую наши разговоры... Но, как бы я ни пытались понять, отчего наши разговоры столь безгранично откровенны, к какому-то конкретному выводу прийти никак не могу. Повторюсь, я довольно закрытый человек,

а тут — бац! — и ты. А ведь ты, похоже, тоже особо не любишь откровенничать, предпочитаешь все держать в себе. А может, и не стоит искать причины того, почему так происходит, а нужно просто жить, наслаждаясь настоящим. Или все-таки стоит? Я не знаю ответа. Я вообще не знаю ответа на многие вопросы, которые меня сейчас волнуют. И даже не знаю, можно ли вообще на них ответить? Ведь на самом деле почти на каждый вопрос существует множество ответов, а как узнать, какой из них правильный, какой будет наиболее рациональным? Это невозможно! Но ведь невозможное ВОЗМОЖНО! А стоит ли выбирать умом, может, стоит довериться чувствам, интуиции, например? Тоже вариант.

Мне бы хотелось поблагодарить тебя. Спасибо! Спасибо за беседы. Я действительно отвлеклась от того, что меня волновало, а главное, не просто отвлеклась, а сбросила тяжелый груз с плеч. Ведь ты как доктор согласишься с тем, что проблемы-болезни необходимо излечивать окончательно, раз и навсегда. Так что спасибо тебе еще раз!

Я уже привыкла говорить с тобой обо всем, что меня волнует (хотя тоже вопрос: правильно ли это? где пролегает граница допустимого?). С уверенностью скажу: с одной стороны, мне это приятно, с другой — меня немного волнует твое к этому отношение (к чему лукавить, не только к этому, но я сейчас не об этом). Итак, меня волнует вопрос: будем ли мы общаться и дальше? Без обид, но сейчас я задаю себе вопрос: а стоит ли? Может, наша встреча имела конкретную цель и главное уже сказано? Что же, может быть, и так. И тогда нам стоило бы задуматься о судьбе, этой могучей высшей силе, повелевающей людскими жизнями. А если не все еще сказано? Возможно такое? Конечно возможно. Значит, все-таки стоит? И так может быть. Точного ответа на все эти вопросы я не знаю. Но кое о чем догадываюсь.

Я, безусловно, могу ошибаться, но я видела твой взгляд. А вот в этом, пожалуйста, я редко ошибаюсь. Мне кажется, ты сейчас тоже не просто валяешься на пляже и читаешь книгу, твоя голова очень активно работает. Возможно, ты и читаешь, но мысли твои летают далеко и высоко — не ухватишь. Тебе не кажется, будто они существуют отдельно от тебя? Я, например, очень люблю такие моменты. Ты не настроен на одну проблему, кажется, что в голове винегрет, но именно тогда ты можешь выбрать что-то наиболее тебе близкое и рассмотреть это в контексте других важных вопросов.

На этом и закончу пока, прости, но очень хочется спать. Пока то да се — и уже одиннадцать вечера. Кристиоша спит, а я вот сижу рассуждаю, но мне это приятно.

P. S. Я делаю этот волшебный массаж-зарядку, которому ты меня научил, два раза в день. Видимо, этого мне недостаточно (хотя помогает!), потому что в результате наших прогулок я слегка простудилась и у меня сел голос. Наверное, я хочу всего и сразу. Как это на меня похоже! А мы не всегда получаем то, что хотим. Но все будет хорошо, я знаю точно.

Справедливо надеюсь на ответное письмо. Желаю удачно отдохнуть. Попробуй искренне наслаждаться настоящим, вокруг столько прекрасных людей. А жизнь — она ведь прекрасна! Главное, вовремя это заметить. Постарайся, пожалуйста. Письмо отправлю завтра, точнее, уже сегодня. Не могу выйти в Интернет — не знаю пароль.

Любаша».

Почему? Этот единственный вопрос терзал меня всю ночь после прочтения книги и письма Любаши. Почему Любаша дала мне именно Набокова, почему сделала именно такую надпись на обложке? Почему она в письме призналась мне, что не хочет прерывать нашего общения и очень дорожит им? Почему я боюсь

признаться себе, что любовь в моем возрасте возможна и что не только я, но и меня могут полюбить? Почему я сомневаюсь, что еще не поздно создать новую семью, родить и вырастить детей? Может, Любаша таким образом показала мне, что все возможно, что она готова помочь мне в этом и разделить со мной счастье. Да что я вообще знаю о современной молодежи, о ее мыслях, способах признания в любви? Может, подарок Любаши и есть ее признание мне в чувствах? Можно, конечно, проигнорировать ее слова, сделать вид, что я ничего не заметил, но ведь это неправда! Почему я боюсь признаться самому себе в чувствах к ней? Стоп! А разве у меня есть к ней какие-то чувства? Да, она молода, привлекательна, очень обаятельна. Я с радостью закручу с ней роман, но готов ли я серьезно изменить свою жизнь ради нее? А не станет ли мне хуже после нашего, возможно, короткого романа? Я попытался в деталях воссоздать ее образ, чтобы лучше понять себя, предугадать ее отношение ко мне, определить серьезность намерений. Но что удивительно, я не смог вспомнить ее лицо.

Я прекрасно помнил ее чудный голос, мое тело наполнялось приятным теплом, как только я вспоминал ее прикосновения, я видел ее глаза, но никак не мог представить себе ее лицо и фигуру. Стойная она или нет? Красивая или нет? Я четко осознал, что не могу ответить на эти вопросы. Такое со мной происходило впервые. Раньше при знакомстве с девушкой мое подсознание всегда автоматически оценивало ее на уровне чувств, и я или загорался как мужчина, или игнорировал ее. Но при этом я всегда мог вспомнить свою физическую реакцию. С Любашей все было иначе. Нет, при встрече я узнал бы ее сразу, но сейчас описать бы не смог. Это меня сильно озадачило. Как же думать о возможном сближении, а тем более о серьезных, постоянных отношениях, если я даже лицо ее вспомнить не могу? Может, она мне вообще не нравится? Бред какой-то! Она мне уже понравилась... правда, как человек. А как женщина? Увы, но тут ничего определенного я сказать не мог.

А не являются ли мои сомнения результатом добровольно взятой на себя когда-то очень давно ответственности за всех, кто мне

близок и дорог? Однажды я решил, что не имею права ошибаться ради блага других. Но разве я не понаделал огромное количество ошибок, и не является ли моя главная проблема — неустроенность личной жизни — последствием той ответственности за все и за всех? Да и когда вообще она у меня появилась?

Я вспомнил, как летом после окончания школы мы с одноклассниками и одноклассницами пошли в поход. Я очень нравился одной девушке, которая также нравилась мне. Устраиваясь на ночь в зимовье, чтобы якобы спастись от холода, мы очень «естественнно» оказались в одном спальном мешке. Наши тела касались друг друга, распаляя желания. И она, и я ощущали близость тела человека противоположного пола впервые. Уже через короткое время нам стало очень жарко, мы шумно дышали, мешая спать другим. Девушка — ее, кстати, тоже звали Люба — предложила мне выйти на улицу. Было ясно, что она готова к близости, но я ее не поддержал. Не потому, что испугался или не хотел. А потому, что не был уверен, что готов после этого на ней жениться. Она мне очень нравилась, и я не считал возможным ее обидеть или причинить ей боль, испортить ей жизнь. Тогда я подумал: если не пойду с ней, то буду жалеть об этом всю свою жизнь, но все равно не пойду ради нее. Сейчас я давно повзрослел, но до сих пор я не знаю, как тогда следовало поступить. Вскоре мы поступили в разные вузы, и наши дороги разошлись. Она удачно вышла замуж за хорошего человека, сейчас у нее двое детей. Но счастлива ли она, счастлив ли я из-за своей ответственности перед ней? Ведь если бы мы тогда вышли на улицу, наша жизнь могла стать другой, возможно, мы бы поженились и к настоящему времени у меня была бы семья и я был бы счастлив. А может, наоборот, я бы все испортил? Она действительно любила, а я мог бы ее бросить, сделав несчастной. Теперь уже можно только гадать.

И вот снова мне встретилась Люба, может, судьба второй раз посыпает мне шанс, а может, вознаграждает меня за правильное решение, которое я принял когда-то в молодости? Любаша, как и та Люба, ждет от меня ответа сейчас же, ведь ей было явно не-

просто решиться на столь откровенное письмо. Может быть, она и вовсе впервые в жизни признается кому-то в чувствах? Она, молодая девушка, увидела во мне человека, которому готова довериться на всю жизнь, стать другом, которого готова полюбить и с которым хочет создать семью. Но разве я не этого же желаю последние годы? Разве я не мечтал о новой жизни, не грезил о новой семье, о том, чтобы подарить жене всю свою нереализованную до сих пор любовь? Я так отчаянно желал, учитывая прежние ошибки, создать для избранницы устроенный быт, чтоб вместе радоваться только нашей любви и многочисленным детям.

И вот, когда на горизонте появилась реальная девушка, можно сказать, пришла на закате моей жизни как последняя надежда, я испугался. Иначе почему я не могу вспомнить ее образ, почему не могу оценить как женщину, ведь мы с ней общались почти полмесяца изо дня в день и ведь не в темноте же? По-видимому, это происки моего подсознания, которое ни при каких условиях не хочет ничего менять. Именно оно стерло в памяти образ девушки, оно подбрасывает мне бесконечные сомнения, парализуя мою волю. Нет, так не пойдет! Я должен на что-то решиться. Но на что? Чего я сам-то хочу? Хочу иметь жену и детей, хочу! Я встретил девушку, которой верю и с которой могу создать семью? Да! Тогда что меня останавливает от признания ей в любви? Так это-то меня и останавливает, неуверенность в своих чувствах к ней и пресловутая гиперответственность. Смогу ли я быть мужчиной с девушкой, женщиной, которая меня не заводит сексуально? Точно нет! Хорошим мужем, отцом смогу, а мужчиной — нет. В голове почему-то закрутилась песня «Люба, Люба, Любочка...». Так, стоп, а почему я вообще решил, что она меня не заводит или не заведет как женщина? Да уж, чувствую, хорошо я отдохну в Абхазии.

Сердце мое буквально выпрыгивало из груди. Мне было очень жарко, воздуха не хватало. Я вышел во двор. Горело несколько ламп, привязанных к стволам деревьев, красиво выхватывая из темноты плоды густо растущих ярко-оранжевых мандаринов, пахло розами. Хорошо-то как! Я присел на небольшую деревян-

ную лавку, вдыхая ароматы осеннего сада. А как замечательно было бы, если бы я сейчас был не один, а с любящей и любимой женой. Я глубоко вздохнул, прислушиваясь к шуршанию волн. Да, надо решаться. Может, это судьба, на которую мы все уповаляем с рождения. И зовут ее символично — Любовь. Разве это не подсказка? И книги, и письмо — разве все это не подтверждение ее чувств ко мне? А моя искренняя тяга к общению с ней — разве не доказательство зародившейся в моем сердце любви?

Я вернулся в комнату, включил компьютер и стал писать ответ. Мне всегда было очень трудно говорить кому-то о своих чувствах, я или сомневался в них, или не верил, что их разделяют мои собеседницы, те, которые мне очень нравились. Признаться — значит стать уязвимым для других. Нет, я был не готов к этому или боялся узнать правду, не хотел, чтобы надо мной просто посмеялись. Поэтому, как правило, я признавался в своих чувствах девушкам, не произнося самых главных слов, таких как «я люблю тебя», заменяя на «ты мне очень нравишься», «я хочу тебя». Решив ответить Любаше, я изменил своему правилу и написал все, о чем думал и что чувствовал, ничего не скрывая.

«Здравствуй, Любовь!

Ты знаешь, после нашей встречи в моей жизни как будто открылась новая страница, которую я давно хотелось прочесть, но мне никак не удавалось это сделать. Судьба предоставила мне еще один шанс, может быть, последний, и это озадачило меня. Нежданно-негаданно я погрузился в переживания, с этим связанные. Конечно, наша встреча для меня явно особенная, непохожая на предыдущие. Произошло что-то невероятно важное, возможно, для нас обоих, возможно, то, к чему мы стремились всей душой.

Я всю жизнь, особенно в последние годы, ждал встречи со своей половинкой, девушкой своей мечты, человеком, близким по духу и устремлениям. Когда ты появилась на моем горизонте, я лишь посмотрел на тебя с любопытством, по-

думав: вот еще одна душа-девица по божьей воле оказалась рядом со мной на несколько дней, при других обстоятельствах она могла бы стать моей судьбой, но в реальности каждый из нас пойдет своей дорогой. Не скрою, я подумал об этом с сожалением и смирением. Тем не менее, ни на что не надеяясь, я автоматически сделал попытку поближе познакомиться с тобой. Я был искренне рад тому, что мы могли с тобой гулять по парку, говорить о чем-то важном для нас, при этом не имея никаких обязательств друг перед другом. Как я понял, у нас обоих накопились вопросы, на которые мы не смогли найти ответы до нашей встречи, на наших сердцах лежал тяжелый груз, мы были разочарованы прошлым, а будущее наше было туманным. Каждый из нас переживал кризис, а значит, хотел выплеснуть всю ту боль, что накопилась в душе, проговорить вслух свои проблемы случайному встречному, человеку, о котором, как мы думали, забудем сразу же после расставания. Мы были искренни и не предполагали, что найдем горячий отклик в сердце собеседника, встретим родственную душу, разбередим в себе что-то, что так тщательно скрывали от других, даже от самых близких нам людей. Приглашая тебя на первую вечернюю прогулку, я не надеялся, что ты так живо откликнешься на мое предложение, понимал, что после каникул, проведенных дома, ты соскучилась по Москве с ее возможностями, по ребятам, с которыми ты подружилась и по которым наверняка скучала. В конце концов, ты просто была занята подготовкой к новому учебному году. Даже твое согласие не насторожило меня, не разбудило мою интуицию, не вдохновило. Я подумал, что ты не отказалась мне лишь из вежливости, ведь мы соседи по квартире, так почему бы нам вместе не подышать свежим воздухом перед сном. Но беседа, которую мы с тобой тогда завели, тронула меня, и я не заметил, как стал делиться самым сокровенным все охотнее и охотнее, как хотел услышать твое мнение, поразмышлять вслух.

Слушая тебя, я все больше проникался твоей печалью, всей своей душой потянулся к тебе, прожил твою жизнь (ведь я все так красочно представил), подумал, как жаль, что мы не встретились раньше, ведь все могло бы быть иначе и у тебя, и у меня. Просто так подумал, без задней мысли, ведь тогда мы, двое малознакомых людей, просто вышли подышать свежим воздухом. Но с момента нашего знакомства, а особенно после первой нашей прогулки я уже не мог спокойно спать. Когда закрывал глаза, в моей голове тут же рождалось бесконечное множество мыслей, затем я все же засыпал, но только лишь для того, чтобы, проснувшись, снова начать размышлять о происходящем и ждать новой встречи с тобой, новых разговоров по душам. Вначале я винил во всем резиновый матрац, на котором спать было холодно и неудобно, но в конце концов понял, что именно наше общение вывело меня из состояния застоя. Все переменилось в моей голове: воспоминания о прошлом, твоя жизнь, мое настоящее, твои высказанные вслух мысли, мои мысли о бесперспективности будущего и необходимости смирения, непреодолимое желание все изменить и дикая боязнь начать. Днем я тоже словно грезил наяву, был как сомнамбула, автоматически совершая необходимые действия, но мыслями находясь далеко-далеко. Размышления окутывали, словно плотный саван, с ног до головы, но я не противился происходящему, целиком и полностью отдавшись судьбе. Просто с нетерпением ждал следующего вечера, возможности еще раз прогуляться с тобой, послушать тебя, высказать самому, найти в себе самом силы, когда я касался твоих рук, то теплых, когда я мерз, то прохладных, когда я распалялся.

Когда мы рассуждали о жизни, рассказывали друг другу о себе, своих судьбах, все было просто и понятно. Но нередко мы переходили на общие темы и понимали, что чувствуем мы одинаково, что в будущем у нас может быть немало точек соприкосновения. Тогда в наших разговорах появля-

лась двусмысленность или недосказанность. Было неясно, то ли мы говорим вообще, то ли строим совместные планы, тактично намекая на них друг другу. Это дало пищу еще более болезненным переживаниям. Смешиная ситуация: мы все время находились рядом, в одной квартире, всего-то в нескольких метрах друг от друга, и могли бы говорить о наболевшем в любое время, но правила этикета, нежелание нарушить свободу другого, боязнь быть непонятым в своей настойчивости или поставить в сложное положение вездесущего Игоря Николаевича останавливали нас. А может, мы оба не были уверены, что другой переживает то же самое?

Иногда мне казалось, что тебе не спится и ты хочешь продолжить разговор. Когда ты выходила из своей комнаты, то я думал: может, и мне надо выйти из своей, может, ты таким образом намекаешь на что-то? Но я останавливал себя, так как все это было похоже на бред моего воспаленного сознания. Неожиданно я стал все большие и большие думать о своем будущем и о том, какое место в нем займешь ты. Во мне просыпалась надежда: а может, еще не поздно начать все сначала, может, мне удастся это сделать с тобой? Но я отмахивался от этих мыслей... Нет, скорее бежал от них, как от чумы. С чего бы это, ведь мы знакомы-то всего без году неделю? Я не был уверен, что ты в тот момент думала так же, желала большего, чем просто прогуляться перед сном, ведь тогда твои слова приобретали иной смысл, больший, чем просто желание помочь мне разобраться в себе. Но вновь вольно или невольно ты возвращалась в мои мысли, пока сама не стала главной мыслью. Я испугался за себя и за тебя, ведь ты молода, а я уже зрелый мужчина. Я всегда гордился тем, что мог эффективно управлять своими чувствами. Зачем тратить силы на бесперспективные вещи, только себе хуже сделашь, ведь глупо мечтать, например, о любви Софи Лорен. И с тобой вначале нашего пути я решил поступить так

же. Однако, общаясь с тобой, распаляя и себя и тебя, я все больше увлекался тобой, и однажды происходящее вышло из-под моего контроля.

Я и сейчас не понял, что тогда со мной произошло. С таким феноменом я столкнулся в своей жизни впервые. Я просто не могу не думать о тебе и не мечтать о близости с тобой, но это желание родилось в моей душе, а не в теле. Раньше мне нужно было вначале увлечься девушкой и женщиной в эротическом плане, чтобы пожелать продолжения знакомства. С тобой все иначе. Прежде чем заговорить с тобой, я не оценивал твою внешность и не выявлял ее соответствие когда-то выдуманным мной критериям женской красоты. Поэтому физическое в наших отношениях стало вторичным. Я не влюбился с первого взгляда, только отметил, что ты симпатична, хотя ты тогда сидела ко мне спиной и только один раз повернулась поздороваться. Увидев тебя в компании с молодым человеком, я подумал, что у вас все серьезно, и сразу же выкинул тебя из головы.

В дальнейшем ты поразила меня чистотой и стройностью своих мыслей. Я, наверное, впервые встретил девушку, чьи стремления полностью соответствовали моему идеалу, при этом я понимал, что говорила ты искренне, а не просто теоретизировала или пыталась произвести на меня впечатления. Ты открывала мне свою суть. Я отмечал, что между нами много общего. Мы не просто одинаково смотрим на жизнь, мы и развивались одинаково как личности. Беседуя с тобой, я подумал, как повезло бы моему сыну, если бы у него была такая подруга, как ты. Ведь многие проблемы и у меня, и у него отпали бы сами собой. Ты удивительно отзывчива, добра, твои мысли упорядочены, стремления — высоки, и в тебе есть чувство ответственности за других, даже малознакомых тебе людей. Все прямо как у меня, но я вообще мало встречал таких людей, и никогда этих качеств не наблюдал у тех, кем увлекался.

Ты удивила меня, сказав, что мне вначале следует устроить свою жизнь, тогда и у моего сына все устроится. Я подумал: а ведь это важная мысль, правильная! Но и ее я поначалу с тобой не связывал. Тогда что же произошло? Как-то незаметно ты стала дорогим мне человеком, с которым я хочу быть рядом, и не только платонически (прости, меня понесло, возможно, не в ту сторону). Духовное общение с тобой привело к тяге физической. Вдруг я осознал, что ты во всем соответствуешь моему идеалу красоты. Вспоминая про свои нередкие пробуждения по ночам, когда подсознание не давало мне покоя, я неожиданно подумал, как было бы чудесно просыпаться рядом с любимой женщиной, матерью моих детей, которой могла бы стать ты. Ведь я, размышая о прошлой жизни, сожалею, что у меня была небольшая семья, только один сын, хотя, когда я начал строить свой первый дом, я рассчитывал на то, что у меня будет несколько детей, что, как я понял, соответствует и твоей мечте. Но реально ли я готов сейчас к этому? Пока не знаю. Я очень боюсь ошибиться в себе и в тебе, это будет для меня невыносимо больно. Я понял, что страшусь испортить тебе жизнь, не смогу обидеть тебя, но готов ли я еще раз принести в жертву свое будущее и легко отказаться от тебя? А готова ли ты к тому же? И вообще, очень интересно, что ты думаешь по этому поводу. А может, у тебя мысли направлены совсем в другую сторону? Тогда срочно сообщи мне об этом, пока я окончательно не влюбился в тебя. (Не обижайся, если я стал говорить глупости, учитывай, что я не могу после всего прошедшего мыслить трезво.)

Большую смуту в мои мысли внес твой подарок, сделанный перед моим отъездом из Москвы. А именно слова: „Невозможное возможно!“ Когда я прочитал твое послание, мое сердце сильно забилось. Я все думал: неужели и я не совсем безразличен тебе, может, наши мысли совпали? ты

обращалась ко мне как к другу или как к мужчине? насколько это касается наших с тобой возможных отношений? Прочитав по твоей рекомендации в первую очередь „Камеру обскуру“, я окончательно запутался. Я пытался угадать возможный намек в этом произведении на будущее наших отношений, найти тайный смысл твоего послания и связать его с текстом произведения. Ведь знакомство Германа, мужчины примерно моего возраста, с молодой девушкой и его увлеченность ею очень совпали с моими чувствами к тебе. Может, ты таким образом хочешь предостеречь меня от глупых мечтаний, спасти меня?

Несомненно, эти размышления разбередили мою душу. Как я писал тебе ранее, моя духовная тяга к тебе смешалась с сомнениями и физической страстью. Моя первая ночь в Сухуме стала для меня кошмаром. Все это сопровождалось диким желанием разгадать смысл твоего подарка. Я заснул почти в бреду только под утро, которое немножко успокоило меня, упорядочив мои мысли. На следующий день я первым делом пошел в интернет-клуб, чтобы получить наконец ответ на свои вопросы, в надежде, что ты прояснишь мне все... Но увы! Так, мучаясь неизвестностью, я прожил несколько дней, пока не получил твое письмо. Наверное, со стороны все это выглядит глупо и смешно, правда?

Спасибо тебе за добрую весточку, за глоток свежего воздуха, за чистоту твоего духа, за вдохновение, за то большое неповторимое чувство, которое ты зародила в моем сердце. Сейчас я не могу охарактеризовать его однозначно, определить, что это — любовь, минутная страсть или просто бред отвыкшего от женской ласки мужчины? Наверное, неважно, чем все это закончится, важно, что это началось, ведь жизнь наша стала ярче. Известная польская писательница XIX века Лили Ожеенко в одном из своих произведений словами героев сказала, что дружба между мужчиной и женщиной — это есть или вос-

поминание о прошлой любви, или начало грядущей. Может быть, она права, давай проверим?!

P. S. Любаша! Прежде чем отвечать на мое послание, хорошо подумай, попробуй на все взглянуть со стороны. Я боюсь, что обстоятельства толкают нас к скоропалительным решениям (по крайней мере события разворачиваются стремительно), о которых, возможно, мы будем потом горько жалеть. У тебя светлая голова, математический ум, попробуй проанализировать ситуацию как шахматную партию, без эмоций, на несколько ходов вперед. Меньше всего обращай внимания на мои слова. Что с меня возьмешь, ведь я мужчина, а значит, говоря с красивой женщиной, не всегда могу сохранять голову трезвой. Может, поэтому я в своих мыслях понесся без оглядки сам не знаю куда, то ли в небеса, то ли в бездну. Найду ли я в себе силы дойти до конца пути? Меня многое сдерживало и сдерживает до сих пор, но во мне по-прежнему есть и постоянное стремление к мечте о светлом будущем, которое может так и остаться недосыгаемой мечтой, к которой я буду всегда стремиться.

Не стану врать тебе, не знаю, что это, любовь или фантазия на тему любви, а может, просто вследствие непростой жизненной ситуации во мне вдруг обострилось желание любить и быть любимым? В этом еще предстоит разобраться. Немаловажна для меня иексуальная сторона вопроса, ведь я не евнух. Не исключаю и то, что, возможно, при дальнейших встречах мы будем искать друг у друга недостатки, разочаровываясь, ведь мы не идеальны. Если ты готова идти и дальше по пути познания друг друга, то и я готов, но прими это решение осознанно. Так получилось, что в Москву я буду вынужден приезжать многократно, так что возможность встречаться у нас будет. Уверен, все зависит только от нас, но на данном этапе козыри все же в твоих руках. Пиши.

Твой попутчик и друг».

Утром я отослал письмо. Предполагая, что Любаше необходимо время, чтобы хорошенько все обдумать, я принял решение несколько дней не заглядывать на почту, хотя всем сердцем ждал ответа, боясь и за нее и за себя. А вдруг она согласится с моими доводами, признается мне в любви и примет решение выйти за меня замуж? Готов ли я сам к этому? Да, все очень непросто. Я старался представить глаза своих друзей и родственников, выражение их лиц. Наверное, многие из них подумают, что я сошел с ума, кто-то позавидует, а кто-то вообще не примет моего решения. А если я женюсь, готов ли я завести детей? Так прошла еще одна ночь в Абхазии, яркая и неповторимая.

Два дня я ждал, а на третий пошел на почту, где был Интернет, в надежде на ответ Любаши. Но его не было, как и на следующий день. Я не вытерпел и позвонил ей:

— Ты читала мое письмо?

— Нет. А ты его отправлял? И это вместо того, чтобы хорошенько отдохнуть? — Она задорно рассмеялась. — А ты прочитал книгу, понравилась?

— Да, я прочитал книгу и твоё письмо, поэтому и написал тебе. Спасибо за послание, очень сильное.

Я здорово волновался, мой голос неестественно выбрировал, то усиливался, то ослабевал. Но Любаша не заметила этого, по-видимому, списав все на плохую связь.

— Да, поэтому я их и написала. Я постараюсь прочитать письмо сегодня или завтра. Хотя, знаешь, я позову своей подруге, и она по телефону мне его прочтет.

— Как подруге?! Ты мне дала не свой электронный адрес? — Я обомлел, вспомнив свою откровенность или, точнее, свою безответственность.

— Нет, свой. Просто Оля — моя лучшая подруга, я ей во всем доверяю. Кроме того, у нас дома часто Интернет не работает, ты же знаешь, поэтому я дала ей пароль от своей почты. Я так делаю уже не в первый раз, так что не переживай. Не думаю, что ты написал что-то чересчур секретное.

И она опять непосредственно рассмеялась. Это было подозрительно. Любаша, словно знала все, о чем я написал, прочитав письмо, и теперь просто издевалась надо мной. Меня ее поведение сильно задело. Так искренне, как с ней, я до сих пор ни с кем не разговаривал. Я поделился самым сокровенным, а она... Выглядело все так, как будто мне плонули в душу, оттолкнули от себя, оскорбили мое достоинство.

— Ну что ж, почитай, хотя можешь не торопиться, у тебя и без меня забот хватает. Да и я уже скоро приеду.

Видно, она уловила нотки обиды в моем голосе, потому что заговорила она поспешно и чуть смущенно:

— Я обязательно сегодня прочитаю и напишу тебе. Ну все, пока, у нас начинаются занятия.

В тот момент показалось, что я совершил страшную ошибку, размечтался и поэтому заслуженно оказался в роли лоха, над которым откровенно посмеялись. На следующий день я вновь заглянул на почту, чтобы испить горькую чашу до дна. Пришло письмо от Любаши. Хоть я и был разочарован вчерашним с ней разговором, в душе надеялся, что не все так плохо, как мне показалось. Ведь почта у нее вправду не работала. Ну прочитает подруга, ну и что?

«Привет-привет.

Извини, не могу долго писать, абсолютно нет времени. На пару минут забежала в интернет-кафе. День невероятно бешеный, а очень хочется домой — с утра ничего не ела.

Спасибо тебе за все. Возможно, не без твоей помощи, но я наконец начала бегать. По вечерам. Невероятное удовольствие... Ладно, знаю, не об этом ты хочешь прочитать. Ну что сказать... Такого я не ожидала. Мне бы не хотелось обсуждать такие важные вопросы письменно, предпочитаю личное общение. Хотя, наверно, хорошо, что ты мне написал. Если бы ты это сказал мне, стоя лицом к лицу, я бы в обморок упала.

Прости. Я не хотела, не пыталась, не стремилась, ничего специально для этого не делала. Я, видимо, нехороший человек, потому что из-за меня у людей появляются проблемы. Я хочу, чтобы окружающие были счастливы, а получается наоборот.

Признаюсь, ты потрясающе красиво пишешь. Восхищена. Это талант, притом крайне редкий. Ты тоже крайняя редкость, но...

Но... поговорим как прилетишь. Хотелось бы знать приблизительные числа, чтобы была возможность пообщаться. Вот так. Извини, что ничего не сказала. Такая вот засранка. Будь умничкой.

P. S. Ну ты и фантазер!!!

Я это в смысле подписи книги и выбора произведения. Фраза „НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО“ — девиз жизни, хорошие слова, без намеков и скрытого смысла. А содержание рассказа я, признаться честно, даже не помню, просто как стилист Набоков великолепен и, какое произведение ни возьмешь, неизменно получишь удовольствие от прочитанного. И мне хотелось, чтобы ты с ним познакомился. Когда я давала совет, то ориентировалась исключительно на литературную образность.

Хорошо, что сначала я не посоветовала тебе „Лолиту“. Когда прочитаешь, поймешь почему. А ты сразу во всем ищешь тайные смыслы. Эх! Фантазер! Ну да ладно, время все расставит по своим местам».

По крайней мере откровенно. Я и сам знал, что фантазер. Да и на что я вообще надеялся? Точнее, кто дал мне право так хорошо думать о себе? Как я вообще мог поверить в то, что молодая девушка обратит внимание на какого-то провинциального затюканного мужика? Ха! Ха-ха-ха!!! Что, собственно, я из себя представляю сейчас, а что представлял раньше? Ничего особенного, обычный серый человечек. Просто раньше встречал таких же се-

рых и одиноких людей, как сам, поэтому они со мной и общались. Развелся с женой — сам виноват, не создал до сих пор новую семью — сам виноват! А кто вообще захочет общаться со мной? Спасибо тебе, Любаша, по крайней мере честно, за нос не водила, ничего не обещала. Было приятно, что она вообще хоть что-то хорошее во мне нашла: «Потрясающе красиво пишешь. Восхищена. Это талант...»

Что ж, решила не добивать меня, и на том спасибо. Хотя меня очень озадачила фраза: «Такая вот засранка...» Нет, не озадачила, скорее ошеломила. Я много разговаривал с Любашей, но ни разу она не произнесла при мне грубого или вульгарного слова. Наоборот, я был убежден в чистоте ее личности и помыслов, высокой образованности и культурности, которые постоянно подкреплялись прекрасными манерами, большой начитанностью, непосредственной мимикой, ясными глазами и ангельским серебристым голосом. Очевидно, подумал я, она таким образом решила раз и навсегда установить дистанцию в наших отношениях, порог, за который она не намерена переходить и меня пускать. Учтем и это. Ответить я решил нейтрально.

«Привет, Любаша!

Я ждал твоего письма, спасибо, что нашла время ответить. Конечно, я фантазер, и это не скрываю, ведь именно эмоции, которые переполнили меня, вдохновили на творчество. Ведь это замечательно, освещать путь другим, сгорая самому. А разве любовь — это не есть прежде всего продукт фантазии. Вспомни „Гранатовый браслет“ Куприна. Это есть проекция своих желаний на реального человека, в котором увидел то, что искал. А разочарование есть результат осознания того, что при углубленном познании не все сошлось. Но это важно для логического восприятия жизни, а хочется ее ощущать на уровне эмоций и чувств каждой клеточкой».

Все мои надежды на светлое будущее рухнули в один момент. Хорошо это или плохо? Я ведь даже представить себе не мог, что делать, если она ответит на мои чувства. Так что же меня не устраивает сейчас? Только состояние моего сына. Разве я по-настоящему страдаю от того, что одинок, да и одинок ли я? На работе меня окружают много людей, желающих со мной общаться, денег достаточно, имею комфортное, уютное жилье, есть возможность путешествовать по свету. Если сын выздоровеет, то большего мне и не надо, и так все хорошо. Сын женится, у него появятся свои дети, я стану помогать им, своим наследникам и продолжателям нашего рода. Главное, необходимо сделать все, чтобы сын был здоров.

Перейдя дорогу, я зашел в местное кафе-столовую, заказал острую хашламу, солянку по-грузински и двести грамм водки, а затем еще двести. Мысли мои растворились в гомоне посетителей кафе, которые под чачу и недорогое пиво бурно обсуждали последние инициативы грузинского руководства. Грусть постепенно ушла, я стал прислушиваться к разговорам, все больше отдаляясь от своих проблем.

Ночевал я в этот день у мамы. Я так увлекся своими переживаниями, что забыл и про сына, и про маму, которая терпеливо ждала, когда я найду для нее время. На самом же деле я не забывал про нее, просто оттягивал неприятный мне разговор. Что я мог ей сказать, неправду? Не мог! А правду? Только не полную.

— Как ты, сынок, что думаешь делать? Нашел кого-нибудь в Москве или Иркутске?

— Не ссыпь мне соль на рану, мама! — улыбнулся я. — Разве я плохо живу? Меня все устраивает, лишь бы Сергей поправился, а все остальное мелочи. Давай лучше поговорим о тебе. Ты-то как, нравится тебе здесь жить, не скучно?

— Что ты! Я ведь работаю, меня очень любят студенты, друзей у меня много, так что не скучаю. Приходится постоянно заниматься нашими земельными участками, что-нибудь сажаю, так что живу весело.

— Я тебя понимаю. Ты здесь ощущаешь свою нужность, вос- требованность в отличие от наших российских пенсионеров. Это здорово. Но скажи честно, может, ты хочешь куда-нибудь переехать, например в Москву или в Питер, а может, куда подальше, за границу?

— Если скажешь, сразу уеду, здесь меня особо ничего не держит. Если тебе нужно, то перееду.

— А тебе что, совсем ничего не нужно? Почему ты не хочешь со мной откровенно поговорить?

— Мне уже ничего не нужно, но если надо Сергею или тебе, я поеду куда скажешь.

— Понятно. Спасибо, но мне тоже особо ничего не нужно, я хочу только, чтобы тебе было хорошо. Ох уж эти российские не-устроенность, коррупция, вечная грязь, разбитые дороги, холод... И почему мы не родились в другой стране? Обидно не за то, что все плохо, а за то, что с нашей властью что-то изменить очень трудно. Так было и так всегда будет.

— Женился бы ты, да и уехал за границу, а я с Сергеем здесь останусь. Но если надо, и мы с тобой уедем.

— Эх, если бы я знал, что мне надо, мама. В последнее время такая тоска меня одолевает, ничего делать не хочется. Так и плыву по течению в ожидании берега, надеюсь, что-нибудь само собой произойдет и все изменится. А оно не происходит, вообще ничего не происходит. Вот сын выздоровеет, тогда и подумаем, может, и правда куда-нибудь переедем вместе. Будем гулять по чистым улицам, путешествовать и воспитывать с тобой внуков и правнуоков.

— Ты очень устал, сынок. Крепись. Все образуется. Бог поможет!

Мы еще долго сидели на кухне, вспоминали мое детство, родственников и общих друзей, которых жизнь разбросала по свету, а кто-то из них уже навечно ушел от нас. Перед сном я сказал, что завтра собираюсь улететь в Москву, чем озадачил маму, хотя она уже вроде привыкла к моим неожиданным решениям.

Утром мы заехали на рынок, купили много фруктов и разложили их по пакетам для презентов врачам, Сергею, Игорю Николаевичу, Любаше. Совершив очередной марш-бросок на маминых стареньких «Жигулях» и быстро перейдя границу, мы прибыли в аэропорт Сочи. Билеты до Москвы были, поэтому уже через три часа я ехал в электричке от Домодедово к Павелецкому вокзалу. Все же хорошо, когда есть возможность периодически менять обстановку. Несмотря на то что в Абхазии я не столько расслаблялся, сколько думал и переживал, я чувствовал себя отдохнувшим.

С сыном я встретился на следующий день, около обеда, как всегда принес полные сумки продуктов, правда, в этот раз было много фруктов. Сергей встретил меня радостно, он улыбался, но явно был чем-то озадачен.

— Привет, папа. Ты вовремя приехал. Ты уже все знаешь?

— Что именно, тебе стало лучше? — Я внимательно посмотрел на сына. Он был бледен, но глаза его светились, он улыбался. — Сегодня прекрасная солнечная погода, пойдем погуляем?

— А меня выпустят из больницы?

— Я сейчас переговорю с врачами, думаю, они разрешат тебе погулять под мою ответственность. Ты пока посиди, поешь фруктов, тебе бабушка, кстати, привет передает.

— Хорошо, только ты давай поскорее, а то сегодня у нас праздник, надо идти на улицу, чтобы быть первыми.

Я пошел в ординаторскую. В коридоре отделения царило оживление: мыли полы, поливали цветы. Погулять с сыном мне разрешили сразу, порекомендовав обратиться к старшей сестре, чтобы Сергею выдали верхнюю одежду.

На улице было еще тепло, настолько, насколько возможно в средней полосе России в разгар осени. На деревьях все листья уже были оранжево-желтые. Они плавно кружили в воздухе и опускались на землю, укрывая собой пока еще ярко-зеленые газоны. Повсюду парами стояли пациенты больницы и неспешно собирали листву в большие пакеты. Но листья падали бы-

стреe, чем их поднимали, и на газонах то тут, то там расплывались золотые пятна.

— Папа, к нам скоро Путин приедет. Тебе врачи сказали?

— Путин?! — Я внимательно посмотрел на сына.

— Ну да, Путин. Ты разве не видишь, у нас все готовятся к встрече. В отделении убирают, здесь, на улице, тоже. Хорошо, что ты договорился, чтобы меня выпустили, мы теперь первыми его встретим!

Я так и вытаращился от удивления. Я уже убедился в том, что у Сергея богатое болезненное воображение. Но сегодня я и сам видел, что в больнице явно к чему-то готовятся. Но неужели к приезду президента? А почему бы и нет? Больница эта была самой лучшей в Москве, а может быть, в России. Президент периодически посещал различные медицинские учреждения. За ним неизменно следовала толпа журналистов.

— А откуда ты знаешь, что он приедет? Что именно сам приедет, может, члены правительства?

— Сам, я точно знаю. Пойдем поближе к воротам, первыми с ним встретимся.

— Подожди, Сергей. Если он приедет, то нас к нему точно не подпустят, у него же большая охрана. Да и врачи, наверное, его окружат, захотят с ним пообщаться.

— Нет, он едет к нам в отделение, я точно знаю. Чтобы поговорить с нами, со мной, с тобой.

— Но почему? Что мы с тобой сделали такого выдающегося, чтобы он захотел с нами поговорить?

— Как? Ты разве не знаешь, мне ведь присвоили звание генерал-лейтенанта ФСБ, президент лично меня хочет поздравить. Мне сегодня сообщил об этом генерал-майор, который лежит у нас в отделении.

От услышанного ноги у меня подкосились, и я присел на первую попавшуюся лавочку.

— Сережа, садись, давай поговорим. На вот, поешь фрукты, попей чаю.

— Нет, сейчас не до этого. Скоро приедет президент, и мы должны быть к этому готовы.

— Но если ты будешь голодным, то у тебя не будет сил крепко пожать ему руку ведь так?

Сын внимательно посмотрел на меня, видно решая, шучу я или нет. Потом все-таки присел и попросил налить ему стакан чая. Я сразу достал банку печени трески и хлеб, которые он быстро проглотил, постоянно оглядываясь, почти не пережевывая, чтобы не дай бог не пропустить появление гостей. Я старался подготовить сына к разочарованию.

— Может, он сегодня не сможет приехать, ты ведь знаешь, как президент России занят. Каждый день у нас в стране да и в мире что-нибудь происходит, и он должен что-то быстро предпринимать.

— Нет, он точно приедет, уже через десять минут. Мне об этом только что сообщили.

— Кто?!

— Генерал-майор.

— Но как, я ведь все время был рядом с тобой, а у тебя нет радиции и к нам никто не подходил.

Сергей посмотрел на меня очень серьезно, взгляд его был задумчив. Потом он с трудом, словно открывая мне страшную тайну, выдавил:

— Мне сообщили другим способом.

— Но как? Если это правда, то скажи ему, чтобы он подошел к нам, я хочу с ним познакомиться. Если он к нам не подойдет, то мне трудно будет поверить в то, что он вообще существует.

Сергей озадачился. Видно было, что внутри него идет борьба, но что именно происходит, я не понимал. Да, ловко я попался на очередной фантазии сына о приезде президента. Предполагая, что это может быть проявлением раздвоенности его личности, я пытался помочь ему отличить иллюзию от реальности. Прошло минут пять, сын молчал.

— Ты передал своему генералу мою просьбу. Что он тебе ответил?

— Он не хочет подходить.

— Но ты с ним продолжаешь сейчас общаться?

— Да.

— Тогда скажи ему, если он не подойдет к нам прямо сейчас, то его просто не существует. И тогда ты поймешь, что разговариваешь сам с собой, а не с реальным человеком.

Я не силен в психиатрии, но тот способ, который я выбрал, чтобы помочь сыну, явно был не лучшим. Я ведь таким образом покушался не только на генерала, но на целую систему представлений о мире, сложившуюся за последние недели и укрепившуюся в сознании сына. Отказавшись от генерала, он должен был отказаться и от своего звания, положения в обществе, от признания своей значимости, от всего того, что делало его уникальным человеком, заслуживающим любовь и уважение окружающих. Но тогда я не совсем отдавал отчет тому, что делаю.

Сын молчал, но я видел, как его мимика меняется в худшую сторону. Его лицо, еще недавно радостное от предвкушения встречи с президентом, становилось злым, холодным, отстраненным. Я думал, он на пороге правильного решения, поэтому усилил натиск:

— Ну что, где твой генерал, почему я его не вижу?

— Ты и не сможешь его увидеть, ты же не взял с собой зеркало.

— А зачем оно мне? Что, генерала можно только через зеркало увидеть?

— Что ты гонишь, как будто не понимаешь меня?! Ведь ты же тот самый генерал-майор, а прикидываешься.

— Я?!

Вот это да! Я даже не мог представить всей изобретательности изощренного болезненного ума. Как ловко все обернул, выкрутился.

— То есть генерал — это я? А как ты узнал об этом?

Мне уже было даже интересно продолжить нашу игру, ведь с таким я сталкивался впервые.

— Мне сказал об этом дядя Митя, сообщил по своим каналам. Он сейчас уже не работает, но ведь не зря говорят, что бывших

кагэбэшников не бывает. Кстати, ты не можешь попросить его, чтобы он приехал ко мне, я так хочу его увидеть. Он ведь мой дядя. Пусть он ко мне приедет, ладно?

— Ну я не знаю, возможно ли это. Ведь он находится далеко от Москвы, а в командировке он ездить не любит. Но я постараюсь что-нибудь придумать. А почему ты хочешь его увидеть?

— Потому что мы одна команда. Он сильный человек, хороший дядя, я его хочу увидеть.

Надо было возвращаться в больницу. Приближался обед, да и осеннее тепло было обманчиво. Радовало, что сын подышал свежим воздухом и принял порцию ультрафиолета, который практически не поступал в отделение больницы.

— Я получил только что сообщение, что сегодня президент не приедет, у него возникли срочные дела. Но как только появится возможность, он тут же посетит больницу. — Сергей с недоверием посмотрел на меня, но промолчал. — Ты ведь ранее получал информацию от генерала, правда? А генерал — это я. Я получил сообщение, и меня попросили его передать тебе. Так что давай возвращаться, у вас скоро обед, а мне разрешили с тобой погулять только до этого времени.

Я не знаю, поверил мне Сергей тогда или нет, но его изощренный ум явно подсказывал, что правила игры были приняты и отступать было уже нельзя. Сын нехотя встал со скамейки и предложил мне сделать еще один, а потом еще один круг по асфальтированным тропинкам, разбитым между еще цветущими клумбами. Возвращаться в отделение он явно не хотел. По завершении очередного круга, проходя мимо нашего корпуса, я слегка подтолкнул его в открытую дверь. Он вынужденно сделал несколько шагов в подъезд, после чего я, держа его за локоть, быстрым шагом направился вверх по лестнице в его отделение.

Вечером, как обычно, мы пошли с Любашей погулять в парк. К тому времени я уже эмоционально остыл и поэтому принял решение больше не говорить о наших отношениях, хотя, не скрою,

мне очень хотелось послушать Любашу, понять, почему она так со мной поступила — доверила мою тайну какой-то подруге. Хотелось еще раз внимательно посмотреть на нее, чтобы понять: неужели я так сильно ошибся и она совсем не тот человек, за которого я ее принял? Вначале мы говорили мало, видно, явно смущаясь произошедшего. Мне было понятно, что прошлого уже не вернуть, но на вопрос, что будет дальше, лично у меня не было однозначного ответа. Проходя мимо очередной скамейки, я предложил ей присесть, чтобы поговорить, она согласилась и внимательно посмотрела мне в глаза — по-видимому, хотела угадать тему предстоящего разговора.

— Любаша! Я думаю, мы не можем не поговорить о том, что произошло. Ты была права, когда назвала меня в письме фантазером. Ты очень обаятельная девушка, и, общаясь с тобой часто и достаточно близко, любой мужчина на моем месте мог загореться чувствами к тебе и размечтаться. Согласись, что и ты немало делаешь для того, чтобы так происходило. Ты постоянно, сознательно или нет, флиртуешь: вроде бы случайно касаешься, строишь глазки, говоришь ангельским голоском, который западает в душу. Да и книги, которые ты мне дала, что это? Естественно, мне трудно было их читать, ни о чем не думая. Представь себе, я один, лежу на пляже или на кровати, читаю про отношения зрелого мужчины и молодой девушки... У меня аж дыхание перехватывало. Ты что, специально решила поиздеваться надо мной?

— Нет, почему сразу поиздеваться? И почему ты вообще решил, что я постоянно флиртую с тобой? Никакие глазки я тебе не строила, я же не виновата, что мой голос, как ты говоришь, серебристый. Это же природа меня им наделила, вне зависимости от моего желания. А книги я тебе дала потому, что хотела отвлечь тебя от тягостных мыслей. Что еще на отдыхе делать? Мне они очень понравились, я подумала, раз ты не читал Набокова, тебе будет интересно.

— А почему ты дала мое письмо прочитать своей подруге?

— А почему нет, я и раньше ее просила мне по телефону зачитывать письма. Но они были другими. Я не ожидала, что ты напишешь такое. Когда она начала, я поняла, что поступила неправильно, но было уже поздно. И сама Ольга, и я, мы обе были в шоке, добрались до конца. Ты очень красиво и искренне написал, мне очень жаль, что так получилось. Но Ольге я полностью доверяю, так же как и тебе. У меня однажды был очень тяжелый период в жизни, я с ней познакомилась случайно, но почему-то сразу ей поверила, как и тебе. У меня теперь три действительно близких человека — мой папа, Ольга и ты. Поэтому, когда ты сказал, что написал письмо, я попросила ее прочитать мне его по телефону, когда была в институте. Но потом я поехала к ней и еще несколько раз его прочитала, уже сама. Ты поразил меня. Нет, не думай, что твои слова совсем меня не тронули, но согласись, у нас с тобой очень серьезная проблема — я еще очень молода, мне недавно исполнилось девятнадцать лет.

— Да, мне уже существенно больше сорока. Ты это имеешь в виду? Я и сам это понимаю, хотя, когда решился написать тебе, вспомнил, что раньше, до революции, такие неравные браки были очень распространены, да и в наше время в России это стало постоянным явлением. Подумал, что, может, и я на что сгожусь, ведь до болезни Сергея я неплохо выглядел, спортом регулярно занимаюсь. Но если подумать, что со мной будет через двадцать, тридцать лет, то все действительно становится сложно. Однако же наши артисты и бизнесмены, которые женились и завели детей после шестидесяти и семидесяти лет, меня вдохновляют. Так остро, как сейчас, вопрос о женитьбе у меня до недавнего времени не стоял. У меня есть сын, который, как я думал, станет моей опорой, продолжателем рода и моего дела. Я в последние годы во всем себе отказывал, чтобы больше заработать, а все, что зарабатывал, снова вкладывал в дело. Для кого? Для обеспечения своей старости, для сына и его детей. Но когда Сергей попал в больницу, у меня забрали огонь, который я старательно поддерживал и раздувал для своих потомков. Над нашим ро-

дом нависла угроза, а ведь природой в нас заложено стремление к продолжению жизни через свое потомство. Я сразу потерял смысл жизни. Врачи не давали гарантии, что сын поправится, создаст семью и сможет завести детей. А если он не поправится? Тогда в глубокой старости я стану самым несчастным человеком на земле, по крайней мере я буду себя таковым чувствовать. Только другие мои дети, которых у меня пока нет, могут выступить гарантом моего будущего. Но дети вне брака для меня неприемлемы, хотя я об этом серьезно и не думал. Отсюда и моя озабоченность собственной неустроенностью, и письмо тебе. Извини, вот такой я фантазер. И последнее, что я хочу тебе сказать. Я считаю, что культурные девушки, а особенно такие, как ты, никогда, ни при каких обстоятельствах не должны использовать такие слова, как «засранка». Пусть так иногда говорят мужчины, возможно, и вы, девушки, но только не в общении с мужчинами. Обрати на это внимание.

Любашу мои последние слова несколько смущили:

— Да, я и сама поняла, что неправильно сделала. Сожалею. Обещаю, больше не буду так выражаться. А что касается твоей женитьбы... Знаешь, это будет правильно. Мы все с тобой сделаем, чтобы Сергей поправился, но... Лучше будет, если у тебя появятся и другие дети.

Главное, к чему мы пришли в тот вечер, это к пониманию того, что мы друзья на всю жизнь и, как бы нас судьба ни разводила и ни ломала, мы изо всех сил постараемся сохранить это светлое чувство на всю оставшуюся жизнь.

Под ногами шуршали опавшие желтые листья. Лето окончательно теряло свои права. Это было время, когда бедные дворники вынуждены работать каждый день за ту же зарплату, но с большей интенсивностью. Странно, что, идя под руку с красивой девушкой, которая мне очень нравилась, я думал о таких приземленных вещах. Наверное, стало казываться длительное безделье. Я уже соскучился по работе.

— Как твой сын? Ему стало лучше?

— Да, некоторое улучшение есть, хотя все не так просто. Хотелось бы, чтобы все закончилось поскорее, но от меня тут ничего не зависит. Как идет, так идет. Знаешь, сегодня я подумал, что пора мне возвращаться домой. Во-первых, дел уже порядком накопилось, а во-вторых, я ощущаю здесь свою никчемность. Единственное, что меня смущает, так это то, что сына в больнице не очень хорошо кормят, хотелось бы ему хоть иногда что-нибудь приносить вкусненькое, побольше молочного, витаминов. Он очень полюбил печень трески, которая ему полезна. Но у меня нет в Москве близких и надежных друзей, кому бы я смог доверить это простое дело. Вопрос очень щепетильный, ты же понимаешь.

— Давай я буду к нему ходить.

— Ты?! Знаешь, я не уверен, что это будет правильно. Ты молода, очень восприимчива к боли других, впечатлительна. Боюсь, что это может негативно отразится на твоем здоровье. И еще один минус. Сейчас Сергей общается только с работниками и пациентами больницы, но я уверен, что ему нужно получать информацию извне. Из нормального мира. Собственно, поэтому я и ходил к нему каждый день, продукты тут даже не главное. Представляешь, если я уеду, а к нему начнет ходить молодая девушка, единственный человек со стороны, которая автоматически станет для него родной, а возможно, и любимой. Ведь он не поймет, почему к нему ходит девушка, подумает, что она его любит. Ведь правда станет для него трагедией. И что мне тогда с ним делать?

— Ты думаешь, он влюбится в меня, ты этого боишься?

Мне показалось, что она кокетливо посмотрела на меня, окутывая своим томным взглядом, будто проверяла мое отношение, не ревную ли.

— Да, именно этого. Конечно, если он влюбится, то у него появится цель выйти из больницы, а значит, выздороветь. Это, конечно, очень важно. Но когда он выйдет, то встретится с жестокой правдой, поймет, что все это время обманывал сам себя, и тогда он рискует опять вернуться в больницу, в еще более худшем состоянии. А то и руки может на себя наложить. Этого я уже не пе-

ренесу. Конечно, если бы ты сама полюбила его и у вас вышло серьезное что-нибудь, я был бы искренне счастлив. Тогда я смог бы заняться собой и жить спокойно.

— Но ведь это возможно?

— Как ты любишь говорить, невозможное возможно! Возможно, хотя шансов и немного.

— Но почему он должен меня полюбить, я, может, вообще не в его вкусе. Я не буду строить ему глазки. — Она звонко рассмеялась. — Скажи, только честно, а разве у тебя есть выбор?

— Если честно, то нет. Я смог бы только тебе доверить своего сына. Ты очень хороший, добрый человек, но я боюсь и за тебя, и за него. Боюсь за твое здоровье, ведь тебе постоянно придется ходить в психиатрическую больницу. И за сына, что он безответственно влюбится в тебя. Хотя как я могу это утверждать. Может, ты и права, почему он обязательно должен в тебя влюбиться? Ты просто наш друг, друг семьи, так я тебя ему и представлю. Но сможешь ли ты регулярно навещать его, ведь ездить отсюда далеко, а ты еще учишься.

— За меня не беспокойся, особенно за учебу. Я как раз учусь недалеко от больницы, на Шаболовке. У меня одни пятерки, я спокойно могу, если понадобится, пропускать. Да и за здоровье мое не волнуйся. А с Сергеем мы что-нибудь придумаем. Ведь главное, чтобы он выздоровел, так? Ты ведь этого больше всего хочешь?

Говорила она так искренне и непосредственно, что я готов был крепко обнять ее и расцеловать. Она была для меня в Москве самым близким и родным человеком. Я и вправду никому бы не доверил Сергея, и даже не потому, что не захотел или постеснялся, а потому, что знал: любого человека хватит лишь на несколько формальных походов в больницу, вряд ли кто-то захочет разговаривать с моим сыном, ведь все сейчас так заняты. Я же считал, что ускорить выздоровление сына может только здоровое общение, тонкое, мудрое, последовательное. Ведь даже врачи в больнице разговаривали со своими пациентами с особой интонацией,

тщательно подбирая слова, зачастую касаясь только профессиональных вопросов. Посещения родственников были единственным мостиком, соединяющим пациентов с реальной жизнью, средством, поддерживающим в них интерес к миру за стенами больницы.

— Знаешь, на самом деле я заговорил о сыне не потому, что хотел попросить тебя об этом. Как-то все само собой получилось, и я сам даже не ожидал, что разговор повернется таким образом. Я очень благодарен тебе за твое желание помочь мне, но не хотел бы, чтобы ты подумала, будто я пытаюсь злоупотреблять нашей дружбой.

— Ой-ой, а я уже подумала, конечно, что хочешь!

И она опять заразительно рассмеялась. Продолжая прогуливаться по аллеям парка, мы наметили с ней четкий план действий. Назавтра я собирался познакомить ее с Сергеем и врачами, рассказал, что необходимо сделать в дальнейшем при общении с сыном, договорился регулярно обмениваться информацией. У меня отлегло от сердца. Я теперь мог не переживать за сына, потому что был уверен, в тот вечер я передал его в надежные руки.

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

Встреча с Сергеем состоялась на следующий день, точнее, вечер. Я предварительно переговорил с заведующей, рассказал ей о готовящемся знакомстве с девушкой, которая является другом нашей семьи и моим доверенным лицом в Москве.

— Как вы считаете, если я познакомлю Сергея с девушкой, которая будет регулярно приходить к нему, он не влюбится в нее?

— А кем вам приходится девушка, вы ее хорошо знаете?

— Она мой друг, человек, которому я доверяю. Я подумал, что сыну необходимо, чтобы кто-нибудь приходил в мое отсутствие. Мне придется скоро уехать в Иркутск, не знаю на сколько, но не менее чем на месяц. Я и так уже забросил свои дела, но если так и дальше пойдет, то мне просто не на что будет здесь жить. Мы сможем сегодня погулять с сыном, и вообще, когда я уеду, вы разрешите гулять Любаше — так зовут девушку — с Сергеем? Я очень переживаю, что он постоянно находится в помещении, не видит солнца. Он совсем бледный, а зима уже не за горами.

— Конечно, пусть гуляет. А девушка ваша надежная, она не уведет вашего сына куда-нибудь?

— Нет, я ей полностью доверяю, думаю, все будет нормально. Я переживаю только из-за одного: если сын в нее влюбится, что потом делать?

— Все может быть, но не обязательно. Ему явно лучше с кем-то общаться, ведь вы знаете, какие у нас больные. Они оказывают друг на друга влияние, увы, не всегда положительное. Поэтому очень хорошо, если вместо вас к нему будет кто-то приходить.

— Я не спросил вашего мнения, сколько я могу отствовать? Например, могу я уехать на месяц или полтора?

— Конечно, можете. Думаю, мы его раньше не выпишем.

— Понятно. Когда мы сегодня приедем, я обязательно вас познакомлю с Любашей.

Когда мы шли с Любашей по территории Алексеевской больницы на встречу с Сергеем, она сильно волновалась. И было отчего. Я тоже места себе не находил: как все пройдет? Ведь реакция сына была непредсказуемой. Но опасения были напрасны. Когда Сергей вышел из отделения, я представил ему Любашу, после чего предложил всем присесть, чтобы сын поел перед прогулкой. Сергей немигающими глазами пристально посмотрел в глаза Любаси, будто он обладал рентгеновским зрением и хотел проникнуть в ее самое сокровенное, в ее душу. Постепенно его взгляд менялся, появился огонек, он чуть улыбнулся:

— Любаша? Что, такое имя?

— Да, я тоже удивился, когда впервые услышал, как ее зовут. Хотя полное имя Любовь, Люба.

— Любовь? — Сергей с интересом посмотрел на меня.

— Сергей, пойдем гулять.

Мы вышли на улицу. Погода радовала. По ярко-голубому небу плыли одинокие облачка, было еще достаточно тепло. Все располагало к долгой неспешной прогулке. Мы медленно пошли по тропинкам. Я постоянно обращал внимание Сергея на цветы, пожелтевшие, слегка сморщеные листья, которые, как бабочки, летали вокруг нас. На ясное небо, на яркое солнце. Я думал, что Сергей уже стал забывать про существование другой жизни, ограничив свой интерес только пространством отделения. Сергей хотя и реагировал на мои замечания, но больше обращал внимание на Любашу: во что она одета, как идет, на что смотрит, чем интересуется. Видно было, что Любаша также внимательно наблюдает за Сергеем, пытается выяснить, что он из себя представляет, очевидно прикидывает, как с ним общаться. И мне было интересно смотреть со стороны за поведением молодых людей, которые только что познакомились.

— Сергей, я скоро уеду в Иркутск, меня не будет некоторое время в Москве. Вместо меня к тебе будет приходить Любаша. Ты не возражаешь?

— Ты уедешь, а она будет ко мне без тебя приходить? — Сын с интересом глянул на меня. — Одна?!

— Да, ты не против?

— Нет, не против! — Он улыбнулся, внимательно посмотрев на Любашу.

Что-то очень быстро промелькнуло у него в глазах, явно было, что происходящее его заинтересовало.

— Езжай в Иркутск. Я не буду скучать, пусть ко мне Любаша приходит. А ты когда уедешь?

— Не знаю, но в ближайшее время, может, завтра.

— Уезжай завтра, а она пусть ко мне приходит!

Он снова пристально посмотрел на Любашу. Она явно ему понравилась с первого взгляда, чему я был нескованно рад. Правда, было немного обидно, что, только увидев ее, он был готов тут же со мной рас прощаться.

В первые дни после моего отъезда мы с Любашей созванивались, общались по электронной почте почти каждый день. Нам действительно было о чем поговорить. Ведь она впервые взяла на себя роль воспитателя, став моим доверенным представителем в больнице.

«Привет-привет!

Вот уже несколько дней испытываю дискомфорт оттого, что не могу найти время, чтобы сесть и написать такое письмо, какое хочу. А ведь если очень хочется, то, конечно, это желание необходимо реализовать.

Попытаюсь, хотя сегодня у меня еще подготовка к семинару по английскому, а значит, я снова не смогу полностью расслабиться. Ладно, это мелочи, с которыми я разберусь.

Вот сегодня я впервые после твоего отъезда была у Сергея. Ты уже все знаешь, но я все равно расскажу тебе о некоторых моментах нашей встречи и поподробнее остановлюсь на том, что, по-моему мнению, достойно внимания.

Часть моих мыслей еще со вчерашнего дня была посвящена предстоящему посещению больницы. Волнительно. Был, конечно, мандраж, но в целом я знала, что меня ждет, что бояться и волноваться мне не о чем, убедила себя, что все будет нормально. В принципе, так все и было. Но хотелось бы добиться ВСЕГО и СРАЗУ, но это же невозможно. Или все-таки возможно? Хочу, чтобы было возможно. Я искренне поверила (верю и до сих пор), что смогу помочь, и постараюсь сделать все, чтобы невозможное стало ВОЗМОЖНЫМ!

Знаешь, я тут поняла, мне бы очень хотелось, чтобы сегодня ты был рядом. Спасибо за моральную поддержку, мне это нужно и важно, это в какой-то мере придает мне уверенности в себе.

Ты умничка, с тобой вообще очень приятно разговаривать, приятно ощущать твоё присутствие, приятно тепло, которое исходит от тебя, тепло рук, тепло слов, тепло желаний. Действительно ощущается стабильность, уверенность, спокойствие. Все становится таким понятным и разуменным. Но не об этом сейчас.

Итак, когда Сергея позвали, он вышел в майке, так как в больнице уже включили отопление и было очень жарко. Выглядел он нормально, только был небрит, подошел, поцеловал в щечку и предложил: „Пойдем гулять?“ Мы разговаривали, пока он ел, он без особого интереса отвечал на мои вопросы, но все время просил отвести его на улицу. Про сигареты и выпить не сказал ни разу. Мы сидели в коридорчике, постоянно приезжали какие-то люди на лифте, казалось, раз десять — пятнадцать, даже меня это начало немного раздражать. Может, это постоянное движение — они то привозили, то увозили какую-то мебель, — а может, и близость улицы не давали Сергею покоя, и он все просил и просил увести его. Я пыталась менять темы, расспрашивала про детство, учебу, сама рассказывала

о себе, но он был крайне невнимателен, приходилось повторять все по три-четыре раза. Сказал только, что был в Третьяковской галерее и что принимает все лекарства. Да, вот еще, я показала ему фотографию, на которой мне лет десять, я сижу за партой в школе, в форме, с двумя косичками и большими бантиками на их концах. Он сказал, что я похожа на его подругу Олю. Я спросила, с какого возраста он ее помнит, и выяснилось, что они дружили с шестью лет. Не знаю, кто это, может, тебе это как-то поможет? Постепенно он становился агрессивным, его взгляд тяжелел. Так обычно ведут себя люди, которые пытаются подавить собеседника, возвыситься над ним, поставить себя в более выгодное положение.

Может, я немного некорректно выражаюсь, но бывают взгляды, под которыми тебе легко, ты смотришь в глаза и понимаешь человека, чувствуешь его. А бывает взгляд, который давит, может, даже пугает. Такой взгляд я пытаюсь либо подавить своим, либо отворачиваюсь, потому что не могу вынести его тяжести. Сегодня у Сергея появился такой тяжелый взгляд, появился из ниоткуда. Взгляд с искрой, появление которой сперва испугало меня, но я постаралась справиться с собой, и мне это удалось. Я не подала виду, не отвела взгляд, он тоже. Через некоторое время сила его взгляда ослабла, стало легче, но разговор больше не завязался. Я спросила, что с ним случилось, почему он не хочет разговаривать, и снова получила в ответ: „Потому что я хочу гулять“. Лучше всего в тот момент мне было уйти, что я и сделала. Я пошла в парк, села на скамейку и задумалась. Поняла, я могу помочь, но (НО!) для этого недостаточно только моего желания. Главное — это его желание, его уверенность!!! И я попытаюсь их в нем зародить, вот только не знаю, как это лучшие сделать? Точнее, понимаю, есть один способ — я сама должна стать для него этим самым ЖЕЛАНИЕМ, но для этого не-

обходило мое желание, а его, прости, нет. Я не могу переступить через себя, через свои интересы, стремления, симпатии. Я не хочу делать то, что не хочу. Я к этому просто не готова.

Все обстоятельства нашего с ним знакомства, мягко сказать, не располагают к более тесному общению.

Начиная с МЕСТА, с его ВНЕШНЕГО ВИДА, СОСТОЯНИЯ, даже взгляда, а это наиболее значимо для меня. Взгляд у него таблеточный, неестественный. А первое впечатление, сам знаешь, значит очень многое. Так мало того, рядом-то кто еще был! Ответ известен. И мысли мои при надлежали тоже кому-то другому! Впрочем, это тебе тоже известно.

Согласись, время, место, обстоятельства должны совпасть. Совпасть случайно. Настолько случайно, что это будет похоже на закономерность. Но я не почувствовала этого. Мое первое впечатление было на два балла из десяти. Я же абсолютно не ожидала того, что увидела. Мне сложно судить, но, кажется, тебе стоило немного лучше подготовить меня к первому знакомству.

Сергей, может, и замечательный, но сейчас он не в лучшей форме, а какой он в реальности, я не имею понятия. Могу лишь только догадываться, а мне этого мало. Я не вижу сейчас Сергея как своего потенциального парня. Не вижу, и все тут. Иначе я при первой же встрече хоть что-нибудь да почувствовала бы. Но думаю, ты уже понял мое к нему отношение. Наверно, давно понял. Чего нет, того нет. Прости.

Я очень хорошо понимаю твое желание помочь сыну, попытаться устроить его жизнь, но, согласись, это сложно. Слишком сложно. Я сейчас с трудом представляю, как вообще возможно найти ему девушку. В моей голове это просто не укладывается. Наверно, изначально я неверно подошла к проблеме, ведь я все примеряю через

себя. И я не могу представить, что кто-то может за меня выбрать мое будущее. Я категорически не приемлю для себя такой подход.

Наверно, в случае с Сергеем твой выбор — это правильно. Но как же тогда любовь-морковь и все такое? Ее тоже надо попытаться подстроить или устроить? Ну да ладно, буду верить, держать кулаки, попытаюсь убедить себя в том, что это ВОЗМОЖНО. Попытаюсь подумать, как это вообще возможно осуществить. Но с другой стороны, почему нет? Почему? Ведь в мире было, будет и есть миллиарды семейных пар, которых друг с другом кто-то специально познакомил. Так? Так. Значит, делаем вывод: такой вариант возможен, и нам предстоит лишь подтолкнуть события в нужную нам сторону. Но это, наверно, я просто убеждаю сама себя. Пока же необходимо сделать так, чтобы Сергей выздоровел, чтобы у него появились интерес и желание жить дальше. Что мы можем для этого сделать? Стоит подумать. А пока пусть идет как идет. Я буду приходить к нему. Только вопрос: а если он этого не захочет? Ведь и такое тоже может быть. Как тогда поступить? Тоже стоит подумать.

На этом попытаюсь закончить. Может, это не все, что я хотела сказать, но это важно, хочу, чтобы ты знал мои мысли. Важно и для меня в том числе. У тебя сейчас тоже напряженный период, но даже в каждодневной суете можно найти пару минут для того, чтобы насладиться настоящим. Хотя нет, не нужно находить пару минут, нужно просто жить и наслаждаться этим. А теперь улыбнись, ведь жизнь-то прекрасна!

Хочу поинтересоваться, в этот раз тебе удается вспомнить меня?

Контрольная улыбка! Будь умничкой! Все будет хорошо!
Жду ответ, особенно на некоторые мои вопросы.

Любаша».

Когда я учился в школе и институте, когда работал первые годы, я мечтал поскорее пойти на пенсию. Не я первый, не я последний. Сейчас, наверное, многие молодые люди, только что начавшие свою трудовую деятельность, уже думают об ее окончании. Но если бы все было так просто. У нас, например, в городе одну треть жителей составляют пенсионеры, которые в большинстве своем мечтают снова стать частью того трудоустроенного общества, которое они еще недавно так стремились покинуть. Оказывается, главное для человека не отдых, а осознание того, что он кому-то нужен. В детстве, как правило, ты об этом не задумываешься. Я говорю, конечно, про полноценные семьи. Любой ребенок в нормальной семье чувствует, что его любят, уважают, все стремятся сделать так, чтобы ему было лучше, хотя и не всегда поступают в соответствии с его желаниями. Но с возрастом, когда человек осознает, что необходимо работать, чтобы выжить, он быстро привыкает к новому ритму и не замечает, как приближается старость.

Моя мама всю жизнь стремилась улучшить условия жизни нашей семьи, больше заработать, приобрести то, что сейчас называется благосостоянием, а раньше называлось мещанством. В своем стремлении наверстать упущенное (наши предки были твердыми кулаками, которых жестоко раскулачила советская власть) и обеспечить свое будущее она заразила нас с братом идеей вечного стремления к бесконечному, недосягаемому, так как нет предела творчеству и материальному успеху. Потом, с началом перестройки в нашей стране, все изменилось. Она оказалась вовсе не изгоем общества, а предвестником обеспеченного будущего. А мой папа, который всегда, как лучший партийный агитатор области, осуждал мещанство, быстро превратился в недалекого, обманутого партийной идеологией жителя лохотронского государства, которое кинуло за один момент духовно и материально каждого гражданина сверхвеликой державы.

Я был дитя той системы и тех родителей, которые жили в постоянной борьбе между своими генами и общественным устрой-

ством. Просто у мамы победили гены, а у папы — устои общества. Естественно, мы с братом как дети раздвоенной семьи также получились разными. Брат стал важной частью советского государства, а я — его совестью. Но, что удивительно, как только система ценностей поменялась, мой папа и старший брат стали главными ненавистниками социализма и светлыми носителями нового капиталистического будущего, а я, наоборот, почему-то увидел в прошлом попытку создания счастливого общества.

К чему это я? Да к тому, что новые экономические отношения позволили мне наконец заработать достаточно денег, чтобы обеспечить семью, путешествовать, без последствий длительное время не появляться на работе и никоим образом не зависеть от государства.

Я отсутствовал на работе больше трех месяцев, хотя и контролировал процесс по телефону. В конце концов мой бизнес стал прихрамывать, темпы развития снизились. Когда я вернулся в Иркутск, то стал изо всех сил наверстывать упущенное. Так уж получилось, что именно той злополучной осенью мне необходимо было подготовить и защитить диплом для получения второго высшего образования, предварительно, конечно, сдав государственные экзамены. Не могу сказать, что, живя в Москве, я к ним готовился регулярно, хотя, не скрою, всегда читал в дороге между больницей и домом.

Как хорошо, что на горизонте появилась Любаша. Она не только спасла мою учебу, но и прикрыла мои тылы в Москве. Конечно же мы с ней переписывались и постоянно созванивались. Ее письма поражали меня объемностью — занимали, как правило, не менее двух-трех страниц. Причем часто в ограниченное пространство листа она умудрялась помещать поистине безграничные мысли. Я захлебывался в потоке писем и телефонных разговоров. Их существенно дополняли эсэмэски, которые могли приходить в течение всего светового дня.

Конечно, я уставал, но отвечал регулярно. Та информация, которую я получал каждый день от Любаши, была для меня необы-

чайно важна. Всякий раз она словно проливала бальзам на мою израненную душу. Когда я читал ее письма, мне казалось, что я сам нахожусь в Москве. Я чуть ли не поминутно знал, что происходит с моим сыном, узнавал, на что необходимо обратить внимание, о чем переговорить по телефону с лечащими врачами, как лучше поступить в том или ином случае. Любаша не только регулярно навещала Сергея, но и стала его духовным наставником, лучшим другом, самым дорогим для него человеком.

Естественно, Сергей не мог оставаться равнодушным. Теперь он по-настоящему стремился поскорее выздороветь и выйти из больницы, чтобы стать полноценным членом общества, нормальным парнем, способным на многое. Его прогресс поражал. Я неоднократно созывался с врачами, и они неизменно радовали меня. Конечно же я не верил им на слово. И тут Любаша тоже играла важную роль, с ее помощью я узнавал правду. Время пролетело так быстро, что я и не заметил, как наступил конец декабря, когда врачи порекомендовали мне прилететь в Москву и забрать сына. Эмоции переполняли меня. Благодарность к врачам и Любаше захлестывала все мое сознание, жажда встречи с сыном была безграничной! Но что меня ждало в реальности? Ведь пока что я ориентировался на мнение других людей. И хотя я доверял Любаше безгранично, предстоящая встреча с сыном меня волновала и даже пугала. Вдруг я что-то понял не так? Ведь не секрет, что люди, которые привыкли отчитываться, привыкли и преувеличивать. Но нет, все же Любаше я доверял. Она неоднократно помогала мне поговорить с сыном по телефону, и в последнее время голос у него действительно был бодрый и полный сил. Мне ничего не оставалось, как купить билет на самолет и в хорошем настроении помчаться в Москву.

Первым делом я сразу же поехал в больницу. Московская зима существенно отличалась от сибирской. Да и вообще, разве можно их сравнивать?! У нас в ту зиму средняя температура была минус двадцать, а в Москве все ходили в осенних куртках и почти не было снега.

С Любашей мы встретились возле отделения. На улице было минус пять, не больше. Мне не терпелось увидеть сына. В холле к нам вышел энергичный молодой человек, который сразу же подошел ко мне, и мы горячо обнялись.

— Как у тебя дела, сынок?

Глупый шаблонный вопрос, но какой важный для людей, которые долго не виделись.

— Нормально.

— Нормально или хорошо?

Сергей улыбнулся:

— Конечно хорошо.

— Ты знаешь, тебя выписывают? Возможно, сегодня или в ближайшие дни.

— Нет, пап, давай сегодня. Мне уже так надоело лежать в этой больнице. И хотя мы с Любашей и часто гуляли, мне хочется поскорее выйти отсюда. Я так соскучился по бабушке и маме. Хочу скорее в Иркутск, увидеть настоящую зиму, прочувствовать мороз.

— Но я не уверен, что врачи тебя сразу выпишут, это ведь процедура, которая занимает время. Необходимо подготовить выписку, подписать документы у главного врача, да много еще что сделать. Давай так, я сейчас пойду к заведующей, а вы с Любашей пока посидите и пообщаетесь.

Я позвонил в дверь. Через некоторое время она шумно открылась и ко мне вышла незнакомая полная санитарка.

— Здравствуйте, мне необходимо пройти в ординаторскую.

— А вы договаривались?

— Нет, я только что прилетел из Иркутска, хотя перед отъездом созванивался с лечащим врачом. Я хотел бы забрать Сергея, его выписывают.

— А... Сергея, что ж вы сразу не сказали? Меня предупреждали, что приедет его папа. Это вы и есть? — Она широко улыбнулась, рассматривая меня.

— Да.

— Хочу сказать, что ваш сын молодчина. Он так здорово играет на пианино, мы его часто просили. Какой же парень у вас вопрос! Его очень любят и наши пациенты, и врачи, и мы. Очень честный и справедливый мальчик. Никогда его не надо просить помочь, сам всегда подходит и спрашивает, что сделать. Просто умница!

— Спасибо вам на добром слове.

Документы уже были готовы, и мы, счастливые, вышли на улицу. Сергей сильно оброс, хотя в больнице его постригали регулярно.

— Может, зайдем в парикмахерскую? — предложил я.

Любаша оценивающе посмотрела на Сергея, как будто сдавала мне результат своей работы.

— А почему бы и нет?

Парикмахерская оказалась рядом, в двухстах метрах от больницы. Когда сын вышел из салона, мы его сфотографировали на память. Затем поехали в фирменный магазин «Baon» на Шаболовке. Сергей немного поправился, пришлось покупать ему новую одежду. Он, улыбаясь, с интересом смотрел на меня с Любашей, а мы тем временем шумно обсуждали, что следует купить в первую очередь.

— Можно и я наконец скажу, что мне хочется? — спросил он.

— Конечно, Сергей!

— Тогда идите за мной.

Он уверенно подошел к вешалкам, быстро снял какие-то вещи, зашел в примерочную и плотно задернул за собой шторку. Мы с Любашей переглянулись, но промолчали. Очень скоро оттуда вышел молодой, красивый, уверенный в себе человек, который, улыбаясь и протягивая нам пакет со старой одеждой, сказал:

— Моя жизнь только начинается. Папа, спасибо вам с Любашей за то, что вы помогли мне. Уверен, что было, останется в прошлом, а то, что будет, только в наших руках. Время проверило нас, а мы проверили себя. Одно ясно, мы нашли друг друга, и это

главное, но теперь мы не должны потерять себя. Родные мои, прощите меня за те горести, которые вы узнали из-за меня. Будьте уверены, я, не жалея себя, сделаю все, чтобы вы были счастливы, я буду всегда с вами и стану опорой в любых ваших начинаниях, помогу в реализации любых ваших планов.

Мы крепко обнялись. Теперь мы знали, как бы ни сложилась наша жизнь, нас уже ничто не разлучит, потому что вместе мы сила, вместе мы все преодолеем. Вместе мы победим! Жизнь прекрасна!

ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЛАСЬ

Год пролетел незаметно. Мы с Любашей продолжали переписываться. Вначале мы писали объемные письма, советовались по разным вопросам, но постепенно жизненная суeta стала захватывать нас все больше и больше, и времени на письма оставалось все меньше. Раньше, когда Сергей лежал в больнице, у нас была общая цель — его выздоровление. Но теперь наши пути стали расходиться и это вполне объяснимо. Любаша изо всех сил готовилась к сессии. А мне пришлось, засучив рукава, полностью отдаваться своей работе, чтобы наверстать упущенное. Конечно, я не бросил Сергея на произвол судьбы — он оставался моей главной заботой. Сын устроился на работу и постепенно входил в ритм. Я хотел, чтобы он поскорее познакомился с какой-нибудь девушкой и устроил свою личную жизнь. В Любашу он не влюбился, воспринял как сестру. Моя страсть к ней также стала ослабевать и забываться. Она стала мне родным человеком, но не предметом любви. Я даже думать об этом перестал. Хотя нет, все же иногда вспоминал свои несбывшиеся грезы, но большое расстояние и отсутствие личных встреч несколько охладили мой пыл. Вообще прошедший год оставил рубец на моей душе. Я пережил сильные внутренние потрясения: с одной стороны, чуть не потерял сына, с другой — встретил Любовь. Не знаю, если бы не она, как бы все сложилось? Теперь, вспоминая свои переживания в Абхазии, я как человек здравый мог только улыбаться столь неожиданному порыву души. Но тогда это был глоток жизненной энергии, обостривший желание жить и бороться за сына. Спасибо, Боже, за то, что ты послал мне Любашу! Воистину говорят, нет худа без добра!

Однажды поздно вечером зазвонил телефон. Я ответил.

— Привет! Это Любаша. Мне надо с тобой срочно переговорить! Я гостила у папы и сегодня летела из Оренбурга в Москву. Когда стюардесса объявила о готовящейся посадке, самолет сильно затрясся и стал резко терять высоту. Я очень испугалась и подумала, с кем бы хотела увидеться перед смертью. Мне в голову пришел только один человек — это ты. Я поняла, что люблю тебя и очень сильно хочу тебя увидеть. Ты можешь прилететь ко мне?

Я с трудом осмысливал ее слова. Наверное, я уже задремал и резкий звонок застал врасплох. Повисла тишина.

— Ты меня слышишь? Алло, алло?! — Голос Любаши дрожал, она сильно нервничала.

— Любаша, ты попала в беду? — Я непроизвольно тянул время, чтобы собраться с мыслями.

— Да, наш самолет чуть не разбился.

— Слава богу, все обошлось! Главное, ты успокойся! Ты пережила стресс, не торопись, ничего не говори. В предыдущий год мы много общались, и поэтому в минуты опасности ты и вспомнила меня. Так бывает. Если тебе нужна помощь, я готов сделать все, что от меня зависит.

— Нет, ты меня не слышишь. Я люблю тебя, понимаешь, люблю! И очень хочу тебя видеть. Когда ты сможешь прилететь?

— Ну... мне нужно хотя бы... хотя бы неделю, чтобы собраться и закончить кое-какие дела.

— Нет, я не смогу так долго ждать. Ты мне нужен прямо сейчас!

— Хорошо, я прилечу к тебе послезавтра. А ты пока попробуй успокоиться. Постарайся спать — сон лечит. Не зря же говорят: утро вечера мудренее.

Я надеялся, что Любаша на ясную голову все еще раз осмыслит, разберется с минутной слабостью и образумится. Но я ошибся. Назавтра все повторилось. И мне ничего не оставалось, как купить билет. Моя голова была переполнена мыслями. Я ни на чем не мог сосредоточиться. Что я скажу сыну, как он воспримет такой поворот событий? Готов ли я круто изменить свою жизнь,

ведь Любаша так молода? Смогу ли я стать ей хорошим мужем? А если через месяц она осознает, что совершила ошибку? Ведь все мы иногда поддаемся эмоциям, а потом расплачиваемся за это. Всю ночь перед отлетом я не мог уснуть, и, когда сел в самолет, мое сознание отключилось. В аэропорту меня встретила Любаша. Мне показалось, что она сильно похудела. Пальто, в котором она была, подчеркивало стройность. Волосы трепал ветер. Похоже, все это время она очень плохо спала. Мы обнялись. Она крепко прижалась ко мне и долго не отпускала. Такого я не ожидал. Все же в глубине души я надеялся, что она трезво взглянет на ситуацию и успокоится. Я же просто собирался поддержать ее в трудную минуту, как она когда-то поддержала меня. Планировал, как прежде, погулять по городу, зайти в кафе и все спокойно обсудить.

— Как же я тебя ждала, каждую минуту считала! Я знаю, ты такого не ожидал, и ты вправе мне не верить. Но это сделала не потому, что испугалась. Все случилось намного раньше. Как только вы с Сергеем уехали, я почувствовала пустоту. Мне не хватало разговоров с тобой. Письма меня уже не устраивали, поэтому я перестала писать. Мне нужен был ты, понимаешь? Твое тепло, ощущение тебя. Вначале я думала, что это пройдет и со временем чувство угаснет. Но потом поняла, что люблю тебя и хочу быть с тобой всегда. А ты ко мне еще не охладел? Ты хоть что-то испытываешь ко мне?

Она натянуто улыбнулась и оценивающе посмотрела мне в глаза. Ее взгляд был напряженным, она ждала ответа. О боже! Что я мог ей сказать, ведь я приложил немало сил, чтобы охладить свои чувства, и вот теперь ее пылкость застала меня врасплох. Любил ли я ее в тот момент? Наверное, любил! Горел ли страстью? Не знаю, я еще не успел так быстро перестроиться. Меня волновала ответственность. Если я не оправдаю ее надежд, она разочаруется во мне и я сломаю ей жизнь. Ведь она еще так молода, может ошибаться в своих чувствах. Да и надолго ли их хватит? Ведь семейная жизнь имеет мало общего с романтикой. Нач-

нутся бытовые хлопоты, работа, дети. Там уже не до неспешных вечерних прогулок. Хотя она долго жила с отцом без матери, и ей, наверное, пришлось заниматься хозяйством. Нет, она все же очень умная девушка и знает, о чем говорит и что хочет. А если я ошибаюсь?

—Что же ты молчишь?! Тебе нечего сказать?! — Из ее глаз покатились крупные слезы.

—Любаша, я не молчу! Ты бы знала, что я пережил, когда ты позвонила. Это было очень неожиданно. Я уже смирился с одиночеством и отбросил мысли о светлом будущем. И вдруг... Конечно, я люблю тебя! Но отдаешь ли ты себе отчет в том, что твоя жизнь радикально изменится? Я не хочу и не могу сделать тебе больно. Ведь я уже немолодой человек со сложившимися привычками. Сможешь ли ты принять их? У тебя большое будущее, ты очень способная, в столице ты можешь прекрасно устроиться. Я же не смогу все бросить и перебраться в ближайшее время в Москву. А я живу в провинции, для тебя это может стать ссылкой. Ты готова это принять?

— Ты считаешь, я об этом не думала? Просто взвесив все, поняла, что готова все бросить ради тебя. Зачем мне будущее без тебя? Я хочу, чтобы ты был всегда рядом. Любовь зла... — Она посмотрела на меня и улыбнулась. — Будь уверен, это мой сознательный выбор!

Мы взялись за руки и медленно пошли на вокзал к электричке. Нам некуда было спешить, ведь жизнь только начиналась!

СОДЕРЖАНИЕ

ПАССКАЗЫ	3
Таблетки от старости	5
Две песни	14
Нас мало, но мы...	19
Последний вызов	27
Зеленый цвет	38
Студенческая болезнь	50
Случай из практики	60
Зачисление в аспирантуру	70
Женитьба Добронравова	85
Первая охота	91
Привет	100
Защита диссертации	105
Копай	120
Выбор за тобой	134
Жаворонок	152
 ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!	161
На краю пропасти	163
Непознанная Абхазия	169
Москва — город приветливый	191
Бесконечный марафон	197
Отцы и дети	213

Содержание

И вновь продолжается бой!	220
Любаша	229
Невозможное возможно!	250
Жизнь прекрасна!	283
Жизнь только начиналась	296

Литературно-художественное издание

ЮРИЙ КОRENЕВ

ДОКТОР ДОБРОНРАВОВ. ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Выпускающий редактор *Екатерина Пелифосова*

Корректор *Татьяна Антонова*

Художественное оформление *Наталья Бажанова*

Компьютерная верстка *Антон Дятлов*

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.*

Подписано в печать 07.08.2023

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 18,88.

Адрес электронной почты: info@delibri.ru

Сайт в интернете: letmeprint.me

ООО «ДёЛибри»

109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23, стр. 1

АО «T8 Издательские Технологии»

109548, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

www.t8print.ru; info@t8print.ru

Тел.: +7 (499) 322-38-30